

ISSN 0494-7304

0206-2798

TARTU ÜLIKOOI AJALOO KÜSIMUSI XXVI

**TARTU ÜLIKOOL
TARTU UNIVERSITY**

**TARTU ÜLIKOOL
LÄBI KOLME OKUPATSIOONI**

**TARTU UNIVERSITY
THROUGH THREE OCCUPATIONS**

Tartu ülikooli ajaloo küsimusi

XXVI

(TÜ ajaloo muuseumi materjalid)

**Some Problems of the History
of Tartu University**

**(Publications of the Museum
of the History of Tartu University)**

TARTU 1991

Toimetuskolleegium:

Editorial board:

V. Kalnin (vastutav toimetaja), E. Karu, H. Piirimäe,
L. Tähepõld, E. Vääri

Редакционная коллегия:

В. Калнин (ответственный редактор), Э. Кару,
Х. Пийримяэ, Л. Тяхепылд, Э. Вяри.

Kaane kujundanud K. Põllu

Kinnitatud TÜ ajaloo muuseumi nõukogus 19. aprillil 1991. a.

Humanitaar-
raamatukogu
92-152

SISUKORD

Saateks	6
V. Kalnin. Iseloomulikke jooni Tartu Ülikooli Arstiteaduskonna tegevuses 1940/41. õppeaastal	9
M. Lõvi-Kalnin, E. Lepasaar. Stomatoloogiaosakonna asutami- sest Tartu Ülikoolis 1942. aastal	20
A. Kõdar. Tartu Ülikooli stomatoloogiaosakonna õppejõud ja üliõpilased aastail 1942–1948	26
V. Kalnin. Tartu Ülikooli Kohtuarstiteaduse Instituut 1940–1944	31
V. Dedjulin. Professor M. Galvjalo — Tartu Ülikooli kasvandik (1875–1942)	39
J. Golikov. Tartu kõrgkool ja Eksperimentaalmeditsiini Insti- tuut XIX sajandi lõpus ja XX sajandi algul (NSVL MTA Eksperimentaalmeditsiini Instituudi 100. aastapäevaks) ...	47
G. Mikirtitšan. V. Žukovski ja tema osa pediaatria õpetamisel Tartu Ülikoolis	57
K.K. Vassiljev, V. Kalnin. Teraapiaprofessor F. Tjulpin — Tartu Ülikooli kasvandik	68
K.G. Vassiljev, K.K. Vassiljev, V. Kalnin. Tartu Ülikooli Arsti- teaduskonna kasvandik professor V. Zavjalov	72
A. Šabunin. Artur Böttcheri teaduspärand	81
J. Pupkevits-Diamant. Carl Seidlitz (1798–1885), tema elu, tööd ja aeg (195. sünniaastapäevaks)	85
Nimede register	107

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
В.В. Калнин. Характерные черты в деятельности медицинского факультета Тартуского университета в 1940/41 уч. году	9
М.О. Лыви-Калнин, Э.А. Лепасаар. Об учреждении стоматологического отделения в Тартуском университете в 1942 году	20
А.М. Кыдар. Преподаватели и студенты стоматологического отделения Тартуского университета в 1942—1948 гг.	26
В.В. Калнин. Институт судебной медицины Тартуского университета в 1940—1944 гг.	31
В.И. Дедюлин. Профессор М.Я. Галвяло — питомец Тартуского университета (1875—1942)	39
Ю.П. Голиков. Дерптская высшая школа и Институт экспериментальной медицины в конце XIX и в начале XX вв. (К столетию Института экспериментальной медицины АМН СССР)	47
Г.Л. Микиртичан. В.П. Жуковский и его роль в преподавании педиатрии в Тартуском университете	57
К.К. Васильев, В.В. Калнин. Воспитанник Тартуского университета — профессор терапии Ф.Т. Тюльпин	68
К.Г. Васильев, К.К. Васильев, В.В. Калнин. Воспитанник медицинского факультета Тартуского университета профессор В.В. Завьялов (1873—1930)	72
А.В. Шабунин. Научное наследие Артура Бэтхера	81
Я.С. Пупкевич-Диамант. Карл Карлович Зейдлиц (1798—1885), его жизнь, труды и время. (К 195-летию со дня рождения)	85
Указатель имен	107

INDEX

Foreword	6
V. Kalnin. The Medical Faculty of Tartu University in the 1940/41 Academic Year	19
M. Lõvi-Kalnin, E. Lepasaar. The Foundation of the Stomatol- ogy Department at Tartu University in 1942	25
A. Kõdar. Lectures and Students at the Department Stomatology of Tartu University in 1942-1948	30
V. Kalnin. The Institute of Forensic Medicine of Tartu University in 1940-1944	38
V. Dediulin. Professor M. Galvialo, Graduate of the Tartu University (1875-1942)	46
Y. Golikov. The Derpt High School and Institute for Experimen- tal Medicine (to 100 Years Anniversary of the Institute for Experimental Medicine of the USSR Academy of Medical Sciences)	56
G. Mikirtichan. V. Zhukovsky and His Part in Teaching Peditry at Tartu University	67
K.K. Vassiljev, V. Kalnin. A Graduate of Tartu University F. Tylpin, Professor of Therapy	71
K.K. Vassilyev, V. Kalnin. Professor V. Zavialov was the pupil of Medical Faculty of the Tartu University	80
A. Shabunin. Arthur Böttcher's scientific legacy	84
Y. Pupkevitch-Diamant. Karl Zeidlits (1798-1885), his life, works and epoch (1798-1885). (To the 195 anniversary.)	106
Registernames	

SAATEKS

Käesolevas kogumikus on avaldatud Tartu Ülikooli ajaloo muuseumi X teadussessiooni "Tartu Ülikool läbi kolme okupatsiooni" meditsiiniajaloo sektsiooni ettekanded.

Enamik ettekandeid on pühendatud konverentsi teemale. V. Kalnin toob esile iseloomulikke jooni Tartu Ülikooli Arstiteaduskonna tegevuses 1940/41. õppeaastal seoses üleminekuga õppe- ja teadustöö korraldamisele nõukoguliku korra kohaselt. M. Lõvi-Kalnini ja E. Lepasaare ettekandes arhiivimaterjalide põhjal näidatakse, et stomatoloogiaosakond (tollal hambaarstiteaduse osakond) TÜ Arstiteaduskonna juures asutati Saksa okupatsiooni ajal, 1942. aastal, tema asutamise daatumiks tuleb pidada 29. augustit (käskkiri) või 15. oktoobrit (hakkas tööle). Eelmist ettekannet täiendab A. Kõdar stomatoloogiaosakonna õppejõudude iseloomustamisega ja statistiliste andmetega sellesse osakonda astunute ja lõpetanute kohta aastail 1942–1948. TÜ Kohtuarstiteaduse Instituuti aastail 1940–1944 tutvustab V. Kalnini artikkel, mis toob kujukalt esile NL poolt Eesti okupeerimise negatiivsed tagajärjed kohtumeditiinilise ekspertiisi praktikas ja õpetamises. Ka Saksa okupatsiooni aastail sõjaaja tingimustest johtuvalt oli Kohtuarstiteaduse Instituudi töös raskusi, eriti ruumide kütmisel ja mõnede materjalidega varustamisel.

V. Dedjulini uurimus on pühendatud Leedust pärit TÜ kasvandikule M. Galvjalole, biokeemiaprofessorile Leningradis, kes 1942. a. arreteeriti oma kaastöötajate laimu põhjal ja kellele sõjatribunal määras 1942. a. 10 aastat tööparanduslaagreid kontrrevolutsioonilise agitatsiooni eest. Kuid juba 30. jaanuaril 1942 ta suri vanglahaiglas. J. Golikovi ettekanne on pühendatud NSVL MTA Eksperimentaalmeditsiini Instituudi 100. aastapäevale (avati 1890. a.), eriti Tartu kõrgkoolide ja Eksperimentaalmeditsiini Instituudi sidemetele ja viimases töötanud Tartu kõrgkoolide lõpetanutele. 19. saj. lõpul ja 20. saj. algul.

K.K. Vassiljev ja K.G. Vassiljev esitavad uusi andmeid TÜ kasvandike F. Tjulpini (1866–1942) ja V. Zavjalovi (1873–1930) õppe- ja teadustööst nii Tartus kui ka Odessa kõrgkoolides, viimase kohta ka Sofia Ülikoolis (Bulgaarias). Professor V. Žukovski osa TUs pediaatria õpetamisel vaatleb G. Mikirtitsan, TÜ patoanatomia-professori A. Böttcheri teaduslikku pärandit analüüsib A. Šabunin. J. Pupkevits-Diamant käsitleb põhjalikult C. Seidlitz'i aega ja tema prioriteeti leptospiroosi esmakordsel kirjeldamisel.

Vastutav toimetaja

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике "Вопросы истории Тартуского университета" XXVI опубликованы доклады, заслушанные на секции истории медицины X научной сессии Музея истории ТУ по теме "Тартуский университет сквозь три оккупации".

Большинство докладов посвящено теме научной сессии. В. Калнин выявляет характерные черты в деятельности медицинского факультета Тартуского университета в 1940/41 уч. году в связи с переходом на организацию учебной и научной работы согласно советскому строю. М. Льви-Калнин и Э. Лепасаар в докладе на основании архивных материалов показывают, что стоматологическое (тогда зубоврачебное) отделение было учреждено во время немецкой оккупации, в 1942 году, причем датой основания следует считать 29 августа (приказ) или 15 октября (начало работы). Предыдущий доклад дополняет А. Кыдар характеристикой преподавателей и статистическими данными о поступающих и выпускниках этого отделения в 1942–1948 гг. С историей Института судебной медицины Тартуского университета в 1940–1944 гг. знакомит В. Калнин, наглядно выявляя негативные черты в судебно-врачебной практике и преподавании как результат оккупации Эстонии со стороны Советского Союза. И в годы немецкой оккупации, обусловленные условиями военного времени, в работе Института судебной медицины имелись трудности, особенно при отоплении помещений и снабжении некоторыми материалами.

Исследование В. Дедюлина посвящено уроженцу Литвы, воспитаннику Тартуского университета, профессору биохимии в Ленинграде М.Я. Галвяло, который в 1941 г. был арестован по клеветническим доносам своих сотрудников и в 1942 г. приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей за проведение "контрреволюционной агитации". Однако уже 30 января 1942 г. он скончался в тюремной больнице блокадного Ленинграда. Доклад Ю. Голикова посвящен 100-летию Института экспериментальной медицины АМН СССР, в особенности связям тартуских высших школ и Института экспериментальной медицины и деятельности в последнем выпускников тартуских высших школ в конце XIX и начале XX вв.

К.К. Васильев и К.Г. Васильев приводят дополнительные сведения о научно-учебной работе воспитанников Тартуского университета профессоров Ф.Т. Тюльпина (1866–1942) и В.В. Завьялова (1873–1930) как в Тарту, так и в высших школах Одессы, в отношении последнего — также в Софийском университете (в Болгарии). Роль профессора В.П. Жуковского (1861–1938) в

преподавании педиатрии в Тартуском университете рассматривает Г. Микиртичан, а А. Шабунин анализирует научное наследие профессора патологической анатомии Тартуского университета А. Бэтхера. Я. Пупкевич-Диамант основательно рассматривает время К.К. Зейдлица и его приоритет первого описания лептоспироза.

Ответственный редактор

ISELOOMULIKKE JOONI TARTU ÜLIKOOLI ARSTITEADUSKONNA TEGEVUSES 1940/41. ÕPPEAASTAL

Viktor Kalnin

Eesti Vabariigi okupeerimisega Punaarmee poolt 1940. a. juunis toimunud ebaseadusliku bolševistliku riigipöördega ja augustis järgnenud Eesti vägivaldse inkorporeerimisega NSV Liidu koosseisu hakati nõukoguliku korra kohaselt läbi viima ka õppe- ja teadustööd Tartu Ülikoolis, sealhulgas Arstiteaduskonnas.

Arstiteaduskonna juhtkonnas muutusi ei toimunud. Dekaaniks jäi professor Gerhard Rooks, kes oli sellele kohale valitud 1. jaanuarist 1940. Küll taotles G. Rooks juba 15. oktoobril 1940. a. dekaanaadi kantseleisse üht lisatööjõudu, põhjendades seda kantselei töökoormuse suurenemisega üliõpilaste arvu kasvu ja eriti uute ülesannete (loengutest ja praktikumidest osavõtu arvestamine jne.) juurdetuleku tõttu. Lisatööjõudu oli kavas rakendada tööle teises vahetuses, eriti pärastlõunasel ajal, mil tuli teha mitmesuguseid kantseleitöid. Seda TRÜ rektor lubas [1]. Ent kui dekaan G. Rooks palus 9. jaanuaril 1941. a. kinnitada Arstiteaduskonna dekaanaadi kantselei vanemaks asjaajajaks Heikki Leesmenti, siis prorektor Artur Kliimann kirjutas 20. jaanuaril sellele dekaani kirjale resolutsiooni: "Ei pea sobivaks vastavale teenistuskohale" [2].

Seoses ümberkorraldustega raviasutuste võrgus ja uue tervishoiukorraldusega üldse tekkis raskusi ülikooli kliinikute tegevuses. Raskused puudutasid eriti kliinikute eelarveid, kliinikute varustamist materjalidega, personali toitlustamist jne. Häireid tekkis ka koosseisude küsimuses, sest ei suudetud kehtestada seaduses fikseeritud töönorme. Ei suudetud algul saada ka arvulist ülevaadet koosseisude kohta üksikutes asutustes, ülevaadet personali liikumise kohta jne. G. Rooks avaldas oma kirjas 30. jaanuarist 1941. a. TRÜ rektorile arvamust, et nende küsimuste korraldamisega tegelev ülikooli majandusosakond pole sageli küllalt informeeritud meditsiinasutuste tööoludest ega tervishoiukorraldusest üldse. Ta pani ette teha rida muudatusi, sealhulgas eraldada ülikooli majandusosakonnast omaette majandusosakond Arstiteaduskonna jaoks, nimetatud asutuse juhatamine anda ühe Arstiteaduskonna õppejõu kätte, kes oleks Arstiteaduskonna majandusala juhatajaks — võimalikult abidekaani nimetusega [3].

Juba 4. novembril 1940. a. toonitas Arstiteaduskonna dekaan G. Rooks oma kirjas TRÜ rektorile vajadust võtta arstikaadri koolitamise küsimuses lähitulevikus ette mitmeid ümberkorraldusi. Ta pidas silmas Arstiteaduskonnale suurema autonoomia andmist ülikooli raamides, eriti majandus- ja administratiivala ümberkorraldamist. Et farmaatsiaosakond Arstiteaduskonna juures kujutas endast täiesti omaette distsipliinide kogumit arstiteadusest erinevate õppeainetega, siis oleks G. Rooksi arvates pidanud selle ala korraldamist juhtima farmaatsiaala esindaja Arstiteaduskonna dekaani teise abina [4].

Need ettepanekud jäid arvestamata, sest vahepeal, oktoobris 1940. a. tõstatas tervishoiu rahvakomissariaat küsimuse luua ülikooli Arstiteaduskonna baasil iseseisev meditsiiniinstituut. Oma koosolekul 12. novembril 1940. a. tuli komissariaadi 5-liikmeline komisjon (Endel Tare, Mihkel Kask, Artur Paomees, Artur Meerits, M. Volmer üksmeelsele otsusele: likvideerida Tartu Ülikooli juures Arstiteaduskond ja asutada selle baasil Tartus ENSV Tervishoiu Rahvakomissariaadile alluv Riiklik Arstiteaduse Instituut NSV Liidu vabariikides tegutsevate analoogiliste meditsiiniinstituutide eeskujul [5].

Vastuseks mainitud komisjoni otsusele toimus 31. detsembril 1940. a. Arstiteaduskonna kõigi kateedrijuhatajate, *resp.* asetäitjate (arvult 25) nõupidamine. Lükates ümber tervishoiu rahvakomissariaadi komisjoni motiivid ja arvestades kõiki asjaolusid leidis TRÜ Arstiteaduskond, et tema eraldamine ülikoolist ei ole põhjendatud. Uus ülikooli struktuur võimaldavat Arstiteaduskonnal täita kõiki ülesandeid, mis on seotud tervishoiuga sotsialistlikus ühiskonnas. TRÜ rektor Hans Kruus saatis selle nõupidamise seisukohavõttud edasi hariduse rahvakomissariaadile, lisades saatekirjas, et TRÜ rektor ühineb põhimõtteliselt dekaan G. Rooksi poolt kokkuvõetud Arstiteaduskonna seisukohtadega [6].

Muutused toimusid Arstiteaduskonna struktuuris. Omariikluse lõpuks oli Arstiteaduskonnas professuuridena 29 õppetooli. Juba 1940/41. õppeaasta alguseks lakkasid tegutsemast sõjaväe sanitaarteenistuse ja sõjaväetervishoiu õppetoolid, mis olid asutatud 1938. a. Nende asemel hakkas tegutsema üleülikooliline sõjalise õpetuse kateeder. Uute üleülikooliliste kateedritena asutati veel marksism-leninismi aluste, poliitilise ökonoomia ja kehalise kasvatus kateeder. Neid nägi ette TRÜ uus ajutine põhikirj 9. oktoobrist 1940. a. Jaanuaris 1941 likvideeriti Eugeneika Instituut, mille direktorile meditsiini doktor Hans Madissonile tehti rektori korraldusel ülesandeks anda selle varad ajutiselt üle professor Franz Grantile [7]. Meditsiini teoreetilised õppetoolid jäid ülikooli uue põhikirja järgi edasi töötama kateedritena, instituutide nimetused kaotati.

1941. a. kevadpoolaastal seoses üleminekuga uutele õppekavadele arutati patoloogiakateedri istungil 9. jaanuaril patofüsioloogia õpetamise tähtsust. See meditsiini distsipliin oli eriti tähtis NSV Lii-

dus. Selle programmist nähtus, et ta oli põhiliseks teoreetiliseks distsipliiniks, mis pidi andma üliõpilastele laialdase teoreetilise aluse patoloogilistest protsessidest arusaamiseks funktsionaalses mõttes, looma seose teoreetiliste füsioloogiliste küsimuste ja kliiniku praktiliste ülesannete vahel. Aine tähtsusest NSV Liidus rääkis ka see, et tal oli seal iseseisev kateeder ja et arstide riigieksamite kuue aine seas oli ka patofüsioloogia. Professor Albert Valdes esitas selle aine programmist koha, kus rõhutati: "Materialistliku metodoloogia alusel antakse kriitika kõikidele mehanitsistlikele ja vitalistlikele teooriatele, avatakse nende antimarksistlike vaadete reaktsioonilisus ja vaenulikkus". Seega pidas patofüsioloogia sellises esituses silmas üliõpilaste täiendavat kommunistlikku ideologiseerimist. A. Valdes viitas sellele, et ka Lääne-Euroopas on viimasel aastakümnel asutud patofüsioloogia õpetamisele ligikaudu samas mõttes ja vaimus, kui tehakse NSV Liidus, et anda kliinilisele meditsiinile konkreetseid loodusteaduslikke teoreetilisi aluseid. A. Valdese arvates tuleks patofüsioloogiat õpetada sellel aastal täies ulatuses, sest see olevat meie ülikoolis teataval määral uudne. Selleks tegi ta ettepaneku asutada patoloogiakateedri juurde patofüsioloogia professuur ja asuda vastava laboratooriumi loomisele. Dekaan G. Rooks, saates A. Valdese ettepaneku edasi TRÜ rektorile, palus temalt kaasabi ka järgmiste dotsentuuride loomiseks Arstiteaduskonna koosseisus: 1) bioloogiline keemia (füsioloogia ja bioloogilise keemia kateedri juures); 2) sotsiaalhügieen (hügieenikateedri juures); 3) nakkushaigused (mikrobioloogiakateedri juures) ja 4) toksikoloogiline keemia (farmakognoosiakateedri juures). Rektor kirjutas vastuseks, et vastavatel kateedrijuhatajatel tuleb esitada kandidaadid vajalike materjalidega (elulugu, teadustööde retsensioonid, ankeedid jne.). Et patofüsioloogia jaoks polnud veel kindlat õppejõudu, palus A. Valdes anda selles aines õppeülesanne Ilo Sibulale [8]. Sotsiaalhügieenis anti õppeülesanne dotsent M. Kasele. Kuigi prof. Karl Schlossmann soovitas mikrobioloogiakateedri assistendiks doktor Erni Labi ja dekaan G. Rooks palus teda kinnitada, pidi TRÜ rektor kirjutama E. Labi avaldusele "Jätta kinnitamata", sest NSV Liidust õppeprorektoriks tulnud Kristjan Kure, kes 13. augustist alates oli täitnud ülikooli ühiskondlik-poliitilise kasvatuse juhi ülesandeid, oli kirjutanud avaldusele iseloomuliku märkuse: "Kui endist isamaaliitlast ja apteegiomanikku ei tuleks mitte võtta" [9].

Arstiteaduskonna uued õppekavad nägid ette ka sisehaiguste propedeutika õpetamiseks kateedri, mis pidi asendama senist sisehaiguste polikliiniku õppetooli. Sisehaiguste propedeutika õpetamine pidi toimuma eri kliinikus, mis Arstiteaduskonnal tol ajal puudus. Seepärast taotles Arstiteaduskond TRÜ rektori ja hariduse rahvakomisssariaadi kaudu Tartu linna tervishoiuosakonnalt Tartu Haigla sisehaiguste osakonna kasutamist sisehaiguste propedeutika õpeta-

miseks. Tervishoiu rahvakomissariaat andiski 14. jaanuaril 1941. a. sellekohase korralduse Tartu linna tervishoiuosakonnale [10]. Ümberehituse teel saadi Tartu Haiglas ka vajalik auditoorium koos laboratooriumiga. Sisehaiguste propedeutika kateedrile mittevajalikuks osutunud sisehaiguste polikliinik aga otsustati likvideerida, polikliinilist õpetust anda iga kliiniku juures eraldi. Nii tehtigi. Likvideerimiskomisjon (professorid Voldemar Vadi, Franz Grant, dotsendid Jüri Haldre ja August Arrak) otsustas sisehaiguste polikliiniku vara üle anda sisehaiguste propedeutika kateedrile, viimasele mittevajaliku vara anda hiljem teistele abiõppeasutustele. Näiteks röntgeniapparaat anti Röntgenoloogia Instituudile [12].

Üleliidulise õppekava järgi tuli arstiteaduse üliõpilastele anda kliinilise õpetuse kõrval teatud hulk tunde ka polikliinilises meditsiinis. Et ambulatoorne ravi hakkas toimuma tervishoiuvõrgus peamiselt polikliinikute kaudu, puudusid ülikooli kliinikutel õpettööks vajalikud ambulatoorsed haiged. 11. veebruaril 1941. a. asusid kliinikute juhatajad seisukohale, et tuleks lubada ülikooli kliinikutel keskmiselt üks tund päevas tasuta vastu võtta ambulatoorseid haigeid. Sellise taotlusega pöörduski Arstiteaduskonna dekaan rektori kaudu tervishoiu rahvakomissariaadi poole [12].

Tuleks veel lisada, et jaanuari algul 1941. a. eraldati Arstiteaduskonnast kehalise kasvatus osakond omaette allüksuseks. Selle teostajaiks määrati rektori käskkirjaga dekaan prof. G. Rooks, Kehalise Kasvatuse Instituudi juhataja doktor M. Kask ja abijuhataja Herbert Niiler [13]. Seega jäi Arstiteaduskonna koosseisu 1941. a. algul 26 kateedrit.

Kateedrite siseelus tuli uue korra kohaselt koosolekutel fikseerida: 1) õppetöö plaanid eelolevaks kevadsemestriks; 2) teadustööde plaan 1941. a. kohta; 3) koostada kateedri ainete õppeprogrammid, esitades need dekanaati hiljemalt 1941. a. 10. veebruariks. Viimaste koostamisel tuli lähtuda NSV Liidu Kõrgkoolide Komitee kinnitatud prograamidest, mis olid saadaval dekanaadis. Õppeplaanides nõuti loengu- ja praktiliste tööde tundide arvu märkimist, näidates teemad, mis programmi kohaselt tulevad käsitlemisele vastavatel tundidel semestri vältel, samuti nende täitmine [14].

Selliseid kateedri õppejõudude koosolekuid tuli pidada kord kuus ning nendel arutada ka vabanenud kohtadele kandideerijate soovivaaldusi [15]. Tegelikult peeti neid mõni üksik, nagu näitavad kohtumeditisiini-, hügieeni- jt. kateedrite aruanded. Ka teadustöö, mille kohta nõuti aastaplaanide esitamist, ei saanud eriti edeneda, sest personal oli üle koormatud kantsleiliste ülesannetega ega suutnud kohaneda uute oludega. Teadustöö arendamist segas ka paljude vilunud assistentide määramine maajaoskonnaarstideks tervishoiu rahvakomissariaadi poolt, ilma isikutelt endilt ega kateedrijuhatajalt nõusolekut küsimata.

Dekanaadi korraldusel olid välja töötatud kõigi õppeainete üksikasjalikud programmid kogu 5 õppeaasta ulatuses. Selliseid Arstiteaduskonnal seni polnud. Programmidele oli iseloomulik nõukogulik ideologiseerimine. Olenevalt aimest tuli käsitleda leninlikku etappi teaduste arengus, Lõssenko stadiaalset teooriat, kritiseerida pärilikkuse teooriaid, ülistada Mitsurini õpetust, Stalini jt. hinnanguid Darwini teooriale (üldbioloogia), käsitleda materialismi ja idealismi võitlust (füsioloogia), kritiseerida idealistlikke ja mehhanistlikke teooriaid (histoloogia ja embrüoloogia), käsitleda stalinlikku konstitutsiooni ja tervisekaitset, vastandada elanikkonna tervendamise probleemi lahendamist sotsialismi ja kapitalismi tingimustes (sotsiaalhügieen), kritiseerida kodanlikke teooriaid, vastandada kohutüpsühhaatrilist ekspertiisi NSV Liidus ja kapitalistlikes maades (psühhiaatria), näidata üksikute meditsiinidistsipliinide suuri saavutusi Nõukogude Liidus jne. Eraldi oli olemas sanitaar-keemilise kaitse programm [16].

Materjalidega varustamise suhtes moodustas Arstiteaduskond juba 8. oktoobril 1940. a. komisjoni (professorid Maks Tiitso, Nikolai Veiderpass, Georg Kingisepp), mille ülesandeks oli selgitada kateedritele 1941. a. jooksul vajaliku arstliku materjali hulk, kvaliteet, valmistajafirma jne. järgmiste liikide kaupa: 1) ravimid; 2) kemikaalid; 3) droogid; 4) sidumismaterjal; 5) klaasnõud; 6) kummitarbed; 7) süstlad; 8) fototarbed; 9) muu materjal ja abinõud teaduslikuks uurimis- ja õppetööks [17]. Tegelikult jäi enamik tellitud materjali, eriti aparaadid ja instrumendid, nende puudumise tõttu kaubandusvõrgus kätte saamata. Kohale jõudsid ainult varem tellitud aparaadid. Seisma jäi ajakirjade saamine välismaalt, samuti publikatsioonide vahetus välismaa asutustega.

Õppetöö osas muudeti nüüdsest peale loengutest osavõtt üliõpilastele-stipendiaatidele kohustuslikuks. Teistele üliõpilastele oli lubatud oma äranägemisel puududa mõne õppeaine loengutest, kuid mitte üle 1/3 kursuse ainete koguhulgast ja mitte üle 12 tunni nädalas. Puudumine oli lubatud ainult järjekindlalt kord valitud loengutundidest, mitte aga juhuslikult suvaliste kursuste ainete tundidest. Üliõpilased, kes kavatsesid puududa mõne aine loengutest või praktilistelt töödelt, olid kohustatud sellest teatama vastava aine õppejõule. Puudumine oli keelatud marksismi-leninismi aluste, sõjalise õpetuse ja kehalise kasvatuse tundidest [18]. Järgmisele kursusele pääsemiseks tuli tähtaegselt õiendada kõik õppeplaanis ettenähtud eksamid, arvestused ja praktikumid. Need üliõpilased, kes sellega toime ei tulnud, kuulusid eksmatrikuleerimisele.

Arstiteaduskonna arsti- ja rohuteaduse II, III ja IV kursuse üliõpilased kuulasid loenguid ja sooritasid praktikume üleminekukava kohaselt, mistõttu nad olid tööga üle koormatud. Seepärast palus dekaan G. Rocks ülikooli rektoril vastu tulla nende soovile

ja lubada sooritada 1–2 eksamit sügissemestri algul [19]. Seoses üleminekuga uutele õppekavadele tuli vanemate kursuste üliõpilastel sooritada eksameid ja lõpetada ülikool nende tarvis kohandatud eriplaanide järgi. Neil tuli õiendada täiendavad eksamid marksismi-leninismi alustes ja vene keeles, mis veelgi suurendas niigi pingelist õppekoormust [20].

Ka Arstiteaduskonna I kursuse üliõpilased kurtsid tööga koormatuse üle. Nii ulatus neil nädalane loengute ja praktikumide koormus 53 tunnini, sealhulgas marksismi-leninismi põhialuseid 4 tundi, vene keelt 4 tundi, kehalist kasvatust 2 tundi. Seejuures oli suurel osal üliõpilastel (kutsealustel) vene keelt ette nähtud nädalas 6 tundi. Puhkepäeviti oli veel 5 tundi sunduslikku sanitaarkaitse kursust. Osal üliõpilastel tuli kuulata veel ladina keelt 2 tundi nädalas. Seega oli töökoormuse maksimum nädalas 62 tundi. Keskmine töökoormus üliõpilase kohta päevas tuli 10 tundi. Koos kasutamatu loengute vahele jäänud ajaga kestis tööpäev keskmiselt 9–21ni. Kevadsesioonil tuli üliõpilastel sooritada 5 eksamit ja 6 tentaamenit. Sellise töökoormuse juures polnud võimalik süstemaatiline töötamine ainete omandamiseks. Üliõpilased nõudsid kahe eksami õiendamist 1941. a. sügissemestril, samuti vene keele eksami õiendamist sügisel, füüsika eksami nõuete ja keemia praktikumide tundide arvu vähendamist. Olukorra normaliseerimiseks lubas rektoraat viia ainult kaks eksamit üle täiendavale eksamisessioonile 25.–30. augustini [21].

Kuigi osal üliõpilastel oli lubatud puududa loengutelt 12 tundi nädalas, seda siiski ei tehtud, sest loengute konspektid olid ainukeks teadmiste allikaks vastavas aines. Suurt vajadust tunti eestikeelse õppekirjanduse järele. Kuid selle koostamisele, tõlkimisele ja väljaandmisele alles asuti (kohtumeditiin, hügieen, anatoomia jt.). Seepärast palusid esimese kursuse üliõpilased rektorit teha kättesaadavaks neile kasvõi teaduskirjandus, esmajoones saksakeelne. Ka tervishoiu rahvakomissari Viktor Hioni kohtumisel 20. mail 1941. a. V kursuse üliõpilastega selgus, et suuremal osal üliõpilastest puuduvad tähtsamate ainete õpperaamatud. Et enamik üliõpilasi ei vullanud vene keelt, eestikeelseid õpperaamatuid aga oli vähe, siis palus V. Hion hariduse rahvakomissarilt korraldust, et üliõpilastele antaks kasutada saksakeelsed arstiteaduslikud õpperaamatud, mis olid varem tellitud ja asusid tollal Tallinna tollilaos [22].

Arstiteaduskonna V kursuse vanema ja rühmavanemate kirjast ülikooli valitsusele nähtub, et nad tellisid eraviisiliselt välismaalt meditsiini-õpperaamatuid J. Raudsepa raamatukaupluse kaudu juba novembris 1940. Kirjale oli lisatud õpperaamatute nimestik ja märgitud: "Nimekirjas loetletud raamatud on hädatarvilikud edukaks eksamite sooritamiseks ja õigeaegseks ülikooli lõpetamiseks, sest NSVL-s ilmunud õpperaamatute kasutamine on keeleoskamatuse tõttu võimatu". Üliõpilaste palvet toetas dekaan G. Rooks,

paludes ülikoolil astuda samme raamatute väljaandmiseks [23].

Ülikooli rektori kirjast 2. juunist 1941. a. hariduse rahvakomisariaadi teaduse ja kõrgema hariduse osakonnale märgitakse, et kuigi Arstiteaduskonna V kursuse üliõpilastel käib praegu juba eksamisessioon ja eksamikava koos üleminekuaja õppeplaanidega oli kinnitatud 31. detsembril 1940. a. tervishoiu rahvakomissariaadi heakskiitmisel, pole üliõpilaste poolt eraviisiliselt Saksamaalt tellitud meditsiini-õpperaamatuid veel kätte saadud. Arstiteaduskonna dekanaaadi korduvad järelepärimised vastavate asutuste poole (toll, post, tervishoiu rahvakomissariaat) jäid tagajärjetuks, ehkki selle küsimuse lahendamiseks lubas oma kaasabi tervishoiu rahvakomissaris [24]. Välismaalt saabunud õpperaamatutega tegeles sel ajal Glavlit, kellele ei läinud korda, kas nad jõuavad üliõpilastele kätte õigeks ajaks.

Juba tollal alustati raamatute kõrvaldamist kateedrite raamatukogudest ja ilmselt ka nende hävitamist. Vastavalt hariduse rahvakomissariaadi määrusele tuli 1941. a. maikuu eemaldada kateedritest Eesti Vabadussõda, kodanikuõpetust, Eesti Üliõpilaste Seltsi tegevust jm. sellist käsitlevad raamatud, mis ülikooli pearaamatukogu kaudu tuli saata Moskvasse [25].

Novembris 1940. a. paluti rektori korraldusel abiõppeasutuste juhatajail teatada TRÜ Pearaamatukogu direktorile 1941. aastaks välismaalt ja teistest NSVL vabariikidest tellida kavatsetavate ajakirjade nimetused. Andmed olid vajalikud välismaa ajakirjadele ühise tellimisloa hankimiseks ning NSVLst tellitavate ajakirjade tellimise koordineerimiseks [26]. Välismaalt ajakirjade saamine tegelikult seiskus. Ülikooli raamatukogu aga tellis NSVLst 47 ajakirja, neist saadi Riikliku Kirjastuskeskuse (natsionaliseeritud Akadeemilise Kooperatiivi) raamatukaupluse kaudu 29 ajakirja, millest 5 olid meditsiinilised, tellimishinnaga 242 rbl., ehk 20 %. Sellist suhet pidas Arstiteaduskonna dekaan G. Rooks normaalseks [27]. Veebruaris 1941. a. saatis ülikooli pearaamatukogu direktor Friedrich Puksoo Arstiteaduskonna kateedritele kirja, milles teatas, et rektori korraldusel asub 1941. a. jooksul ilmuvate õpperaamatute plaan koos nimestikuga pearaamatukogus. Ta palus tutvuda ja esitada soovitatavate raamatute nimestik ja arv 22. veebruariks [28]. Tellitud raamatutest saabus raamatukokku 1941. a. esimesel poolel väike osa.

Lisaks 1939. a. Saksamaale ümber asunud prof. Ernst Masingule ja Johannes Stammile asusid sinna ümber veel 1941. a. esimesel poolel prof. Maksimilian Bresowsky, Bernhard Jürgens, Aleksander Rammul ja Jaan Uudelt. Seepärast tunti reas Arstiteaduskonna kateedrites suurt puudust õppejõududest, nii et dekanaat oli sunnitud rakendama tööle assistentide abidena V ja VI kursuse üliõpilasi. Samal ajal töötas linna tervishoiuvõrgus suure staažiga kogenud tegevarste, kel oli isegi teaduslik kraad. Olukorda arutati

Arstiteaduskonna nõukogus veebruaris 1941. a. V. Hioni ja NSVL Tervishoiu Rahvakomissariaadi esindaja prof. A. Levitini osavõtul. Leiti, et kursuse lõpetajad noored arstid tuleks suunata kõik maa-arstijaoskondadesse, ent õppejõudude kaadrit täiendada kogenud arstidega linna tervishoiuvõrgust. V. Hioni arvates tuli korraldada konkurss kahe lähema kuu jooksul kõigile NSVL arstidele vakantsete kohtade täitmiseks ning luua aspirantuur ja ordinatuur [29]. Dekaan G. Rooks teatas oma kirjas 6. märtsist 1941. a., et tervishoiu rahvakomissariaat nõustus arstide kohtadele määramisega töökaasluse alusel linna tervishoiuosakonna ja Arstiteaduskonna vahelisel kokkuleppel. NSVL arstide kutsumiseks vakantsetele kohtadele oli Arstiteaduskonna poolt ülikoolile vastavalt hariduse rahvakomissariaadi soovile tehtud esitis kaheksa eesti keelt valdava arsti kutsumiseks vakantsetele assistendikohtadele. Vastuvõtt aspirantuuri oli alanud, ent ordinatuur kliinikute juures arendamisel [30].

4. mail 1941. a. kinnitaski hariduse rahvakomissariaat kolm aspiranti Arstiteaduskonnas. Nendeks olid Vladimir Paškov füsioloogias ja bioloogilises keemias, Albert Sepp mikrobioloogias ja Elmar Pedajas farmatseutilises keemias. Nende juhendajateks kinnitati vastavalt professorid Maks Tiitso, Karl Schlossmann ja Henn Parts [31]. Muidugi ei saanud aspirantuur, milleks oli ette nähtud 3 aastat, tegelikult hoogu sissegi.

Mõned Arstiteaduskonna õppejõud said tutvuda teistes liiduvabariikides tegutsevate meditsiiniinstituutide õppe- ja teadustöö korraldusega. Nii viibis grupp professoreid (Gerhard Rooks, Valter Hiie, Alma Tomingas, Voldemar Vadi ja Albert Valdes 27. aprillist 11. maini 1941. a. komandeeringus Leningradis ja Moskvast, kus nad tutvusid lähemalt sealsete meditsiiniinstituutide tegevuse ja töökorraldusega. G. Rooksi poolt TRÜ rektorile esitatud põhjalikust komandeeringuaruandest võiks siin lühidalt esitada mõned punktid: 1) meditsiini-õppeasutuste administratiivne struktuur, eeskätt I Moskva Meditsiiniinstituudi ravifakultedis; 2) õppebaasid; 3–4) õppepersonali arv (kateedrite koosseis), selle sõltuvus üliõpilaste arvust, loengute ja praktikumide tundide arvust; 5) kateedrijuhataja jm. personali tööololeku aeg ja selle registreerimine; 6) kõrvalkaldumine tüüpõppeplaanidest (vähemas ulatuses lubatud vastavalt kohalikkudele oludele); 7) menetluspraktika (korraldatakse üldiselt haiglates ja kliinikutes, mis ei kuulu meditsiiniinstituudile); 8) osavõtt praktikumidest on sunduslik, loengutel võivad üliõpilased vabaneda 1/3 loengutundide ulatuses, osavõtu registreerimine; 9–10) eksamite arvestamine ja üleviimine järgmisele kursusele; 11) teaduste kandidaadi ja doktori väitekirjad; 12–13) üliõpilaste tööpäeva pikkus, aspirantuur [32].

ENSV Tervishoiu Rahvakomissariaat ei saanud leppida Arstiteaduskonna citava suhtumisega viimase reorganiseerimisse ise-

seisvaks meditsiiniinstituudiks. See nähtub sellestki, et tervishoiu rahvakomissariaat hakkas esitama otsitud põhjusi rahulolematuse avaldamiseks Arstiteaduskonna tegevusega.

Nii sai hariduse rahvakomissariaadi teaduse ja kõrgema hariduse osakond kirja tervishoiu rahvakomissariaadilt, millele oli alla kirjutanud rahvakomissar V. Hion. See kiri saadeti edasi TRÜ rektorile 5. märtsil 1941. a. ning koosnes järgmistest kriitilistest punktidest: 1) teoreetilised, eriti kliinilised kateedrid ei ole komplekteeritud kvalifitseeritud õppe-teaduskaadriga; Arstiteaduskonna juures ei ole organiseeritud aspirantuuri ja ordinatuuri; 2) Arstiteaduskond ei kasuta tervishoiu rahvakomissariaadi raviasutuste võrku Tartus õppebaasina; 3) arstide ja farmatseutide teadusuuringud ülikooli juures on likvideeritud, uusi, nõukogulikke aga pole loodud; 4) farmaatsiateaduskond (?) andis varem välja 2 teadusajakirja, praegu mitte ühtki; 5) prof. L. Puusepa närvikliinikus tehakse remonti juba terve aasta, praegu on remont katkestatud ja osas ruumides ei saa haigeid vastu võtta; 6) ülikooli raamatukokku pole tellitud ühtki NSV Liidu meditsiiniajakirja [33].

Sellele kirjale saatis TRÜ rektor juba 7. märtsil 1941. a. Arstiteaduskonna põhjaliku vastuse, milles süüdistused lükati ümber või selgitati tegelikku olukorda. Lõpuks rõhutati, et kõigest järeldub, et paljud kirjas esitatud küsimused ei ole vähemalgi määral tingitud Arstiteaduskonna mitterahuldavast juhtimisest hariduse rahvakomissariaadi poolt, vaid puudulikust informatsioonist, mis on tervishoiu rahvakomissariaadil ülikooli suhtes, mida aga väga hõlpsasti saaks parandada tihedama kontakti loomisega [34].

Peatselt, 17. märtsil 1941. a. oli dekaan G. Rooks sunnitud saatma kiire kirja ENSV Tervishoiu Rahvakomissariaadile. Selles teatas ta, et viimastel päevadel oli suunatud rahvakomissariaadi korraldusel Arstiteaduskonna kliinikutest paljud õdede kohtatel töötanud isikud tööle maakondade keskustesse ja maa-arstijaoskondadesse, ilma et oleks sellest informeeritud kliinikute juhatajaid ja Arstiteaduskonna deканаati. Selle tagajärjel kaotas osa kliinikutest kvalifitseeritud õdede kaadri ja sattus raskesse olukorda [35].

ENSV Tervishoiu Rahvakomissariaat püüdis oma nurjunud ettevõtet realiseerida peatselt veel kord. Tema pealekäimisel otsustas ENSV Rahvakomissaride Nõukogu reorganiseerida TRÜ Arstiteaduskonna alates 1. juulist 1941 riiklikuks arstiteaduse instituudiks tervishoiu rahvakomissariaadi alluvuses. Veel 5. juunil 1941. a., vastuseks E. Pälli kirjale, määras TRÜ rektor reorganiseerimise eeltööde komisjoni koosseisu TRÜ poolt rektori abi majandus-administratiivalal Johannes Hannibali ja õppeprorektori abi Aksel Kippereri [36]. Komisjon pidi välja töötama instituudi põhikirja ja kindlaks määrama asutused, kliinikud ja varad, mis lähevad TRÜlt meditsiiniinstituudile. Uue instituudi administratiivhooneks nähti et-

te endine korporatsioonimaja J. Kuperjanovi tänavas, kus praegu asub Tartu Kunstikool. Kuid mittevajalik ümberkorraldus jäi seekord ellu viimata peatselt alanud sõja tõttu.

Allikad. Kirjandus

1. EAA. F. 2100. Nim. 5. S. 140. L. 83.
2. Samas. L. 85.
3. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 90. L. 43.
4. Samas. L. 2.
5. Samas. L. 4.
6. Samas. L. 13-17.
7. Samas. L. 45.
8. Samas. L. 18-21.
9. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 88. L. 79.
10. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 93. L. 85-85p.
11. Samas. L. 85p.-86.
12. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 88. L. 46-47.
13. Samas. L. 23.
14. EAA. F. 2100. Nim. 12. S. 3. L. 51.
15. EAA. F. 2100. Nim. 1. S. 16. L. 1.
16. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 93. L. 6-352.
17. EAA. F. 2100. Nim. 12. S. 2. L. 60.
18. EAA. F. 2100. Nim. 12. S. 3. L. 90.
19. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 89. L. 19.
20. Samas. L. 78.
21. Samas. L. 82; 83.
22. Samas. L. 83p., 94.
23. Samas. L. 19.
24. Samas. L. 92.
25. EAA. F. 2100. Nim. 12. S. 2. L. 140-141.
26. EAA. F. 2100. Nim. 12. S. 60. L. 75.
27. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 90. L. 49-50.
28. EAA. F. 2100. Nim. 12. S. 3. L. 71.
29. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 88. L. 70-70p.
30. Samas. L. 68.
31. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 93. L. 88, 90.
32. EAA. F. 2100. Nim. 12. S. 16. L. 30-33p.
33. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 90. L. 48; S. 88. L. 70-70p.
34. Samas. L. 49, 50.
35. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 90. L. 58-61; S. 93. L. 62-67.

36. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 88. L. 96; V. Kalnin. Tartu Ülikoolist Arstiteaduskonna eraldamise ja iseseisva meditsiininstituudi organiseerimise katsetest // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1989. XXIV. Lk. 62-75.

THE MEDICAL FACULTY OF TARTU UNIVERSITY IN THE 1940/41 ACADEMIC YEAR

V. Kalnin

Summary

After the 1940 coup in Estonia, research and teaching at the Medical Faculty of Tartu University came to be adapted to suit the traditions in the Soviet Union. Chairs and institutes were renamed to become subdepartments. The university hospitals experienced difficulties in their work (mostly concerning budgets, equipment, staff and some minor things). Nurses and assistants of the university hospitals were forced to go and work at municipal and district health centres. An aborted attempt was made to close down the Medical Faculty at Tartu University and remodel it into a medical institute subordinated to the People's Commissariat of Public Health of the Estonian SSR. The Chair of Army Sanitation Service and the Chair of Army Health Service as well as the Institute of Eugenics at the Medical Faculty were closed down. The Institute of Physical Education at the Medical Faculty became an independent university institute. All-university subdepartments of military training, the fundamentals of Marxism-Leninism, political economy and the Russian language were set up. Attending lectures, especially in subjects mentioned above, was made obligatory. New study programmes for medical subjects included a great deal of Soviet ideology. Plans of research work came to be drawn up and their fulfilment was to be reported on. Students, especially senior students, had too much of study load. There was a shortage of textbooks in Estonian. The study materials in German ordered from abroad were made inaccessible to students. The libraries were purged of anti-Soviet books. In a number of subdepartments there was a shortage of lecturers and assistants, as a number of university teachers had emigrated to Germany.

STOMATOLOOGIAOSAKONNA ASUTAMISEST TARTU ÜLIKOO LIS 1942. AASTAL

Maie Lövi-Kalnin, Ellen Lepasaar

Teatavasti asutati suu- ja hambahaiguste kateeder Tartu Ülikoolis 1938. a., see reorganiseeriti samanimelisest dotsentuurist. Nii dotsentuur kui ka suu- ja hambahaiguste (hiljem stomatoloogia-) kateedrit juhatas kuni 1963. a. professor Valter Hiie, kes oli ühtlasi ka hambapolikliiniku juhatajaks. Polikliinik avati 1935. a. Toomemäel Naistekliiniku ruumides. Viimases toimus kateedri õppejõudude juhendamisel Arstiteaduskonna V kursuse üliõpilaste õpetamine (9. ja 10. semestril). Anti eelteadmisi hamba- ja lõualuuhaigustest ning ravist, milleks oli ette nähtud 2 tundi loenguid ja 2-4 tundi praktikume nädalas kahe semestri vältel [7].

1939. aastal hakkas Eesti Vabariigis kehtima sotsiaalministri avaldatud arstide ja eriteadlaste kutsekorralduse määrus, mille järgi suu- ja hambahaiguste eriarstina töötamise õiguse saamiseks tuli pärast Arstiteaduskonna lõpetamist töötada tasuta kaks aastat Tartu Ülikooli hambapolikliinikus [6]. Seega kestis õppeaeg hambaarstiks saamiseks praktiliselt 8 aastat. Keskharidusega hambaarstide ettevalmistamine lõpetati Julia Saarepera hambaarstikoolis 1924. a. Juba tollal praktiseeris osa Tartu Ülikoolis Arstiteaduskonna lõpetanud arste hambaarstide juures, omandades oskusi töötamiseks suu- ja hambahaiguste ravimise alal.

Poliitiliste sündmuste tagajärjel, mis leidsid aset Eestis 1939.-1941. a. (saksa päritoluga hambaarstide siirdumine Saksamaale [1], represseerimised, sõda), oli 1942. aastaks Eestis tegutsevate hambaarstide arv vähenenud rohkem kui poole võrra. Dr. Kelleri kirjust Tartu Ülikooli Arstiteaduskonna dekaanile 10. märtsist 1942. a., mis oli saadetud Tallinna kindralkomissariaadi ülesandel, selgub, et varasema rohkem kui 250 hambaarsti asemel (hambaarstid ja Arstiteaduskonna lõpetanud arstid-hambaarstid) oli 1942. a. alguseks Eestisse tööle jäänud vaid 113 hambaarsti [8]. Edasi öeldakse kindralkomissariaadi kirjas, et Eesti vajaks umbes 500 hambaarsti. Seega, arvestades praktiseerivate hambaarstide arvu, jäi puudu ligikaudu 350 hambaarsti. Hambaarstide järelkasvu suurendamiseks tehti kirjas ettepanek hakata kiiremas korras õpetama Tartu Ülikoolis hambaarstiteadlasi (üliõpilasi). Selleks soovitati senise 8

aastat kestnud arstide-hambaarstide õppeaja asemel kehtestada 7-8 semestrit kestav väljaõpe, s.t. 3,5- kuni 4-aastast õppeaega, kusjuures juba 1. septembrist alates peab hambaarstide õppeprotsess toimuma arstide omast erinevalt. Hambaarstiteaduse- (stomatoloogia-) alane arvestus peab toimuma 3 semestri järel, hambaarsti aprobatsioon antakse aga pärast stomatoloogia-alase riigieksami sooritamist vähemalt 7 semestri järel. Selleks aga, et saada võimalikult kiiresti vajaliku ettevalmistusega hambaarste, soovitab dr. Keller jagada hambaarstiteaduse õppijad 3 kategooriasse.

Esimesse kategooriasse kuuluvad üliõpilased, kes on jõudnud juba II või mõne kõrgema kliinilise semestrini, võivad vastavalt uuele õppekorraldusele alates 9. aprillist 1942. a., s.o. uue semestri algusest õppida stomatoloogiat ja sooritada hambaravialase riigieksami juba ühe aasta pärast, kui on teinud läbi vahesemestri, kasutades selleks suvevaheaga.

Teise kategooria moodustavad need Arstiteaduskonna üliõpilased, kes on sooritanud meditsiini arvestuse või kellel see on andmata vaid ühe aine ulatuses. Viimasel juhul võivad nad pärast ühe järeleksamini sooritamist minna üle hambaarstiteaduse erialale ja 2 aasta pärast (eventuaalselt vahesemestrite rakendamisega 1 1/2 - 1 3/4 aastat) sooritada stomatoloogia-alase riigieksami. Sellise väljaõppeprotsessi algus sõltus peaaesjalikult eeltööde lõpust, oli aga samuti planeeritud, kui vähegi võimalik, 9. aprilliks 1942. a., seega algavaks semestriks.

Kolmanda kategooria moodustasid need üliõpilased, kes ei olnud senini õppinud ei meditsiini ega stomatoloogiat, vaid alles alustasid viimase õppimist esimesel kursusel. Loengud aga, mida üliõpilased olid külastanud teistes teaduskondades ja mis stomatoloogia õppeplaaniga kattusid või olid sarnased, võis antud juhul arvesse võtta, lühendades stuudiumi aega vastava hulga semestrite võrra. Stomatoloogia regulaarse stuudiumi algus oli planeeritud 1942. a. sügissemestrile [8].

Vastuseks Tallinna kindralkomissariaadi kirjale hambaarstide väljaõppe asjus teatas Tartu Ülikooli rektor 14. märtsil 1942. a., et hambaarstiteaduse-alase õppetööga kavatsetakse alustada juba 9. apr. 1942. a., s.o. algaval semestril, 20 üliõpilasega. Oma kirjas märkis rektor ühtlasi, et stuudiumi algus on seotud raskustega, sest seni on teatanud oma soovist hambaarstiteadust õppida vaid 2 üliõpilast, samuti puuduvad vajalikud hambaravimaterjalid ja -instrumendid; hambapolikliinikus on vaid 8 hambaravitooli, täiendava 2 tooli paigutamine ei ole praegu võimalik, sest kanalisatsiooni ehitamine ja vajalike remonttööde teostamine on raskendatud külmade kestmise tõttu [10].

Ilmselt ülalmainitud põhjuste ja takistuste tõttu ei saanud hambaarstiteaduse osakonna loomine siiski teoks 9. apr. 1942. a. Seda

arvamust kinnitab ka prof. V. Hiie kiri rektorile 9. maist 1942. a. seoses kavatsetava hambaarstide ettevalmistamisega Tartu Ülikoolis. Tegelevat institutsiooni nimetas ta "hambaarstide instituudiks arstiteaduskonna juures" [9].

Üheks raskemaks probleemiks, millest kahtlemata olenes ka uude osakonda vastuvõetavate üliõpilaste arvu kindlaksmääramine, oli selleks vajalike õpperuumide puudumine. Hambapolikliiniku ruumid Rüütli t. 24, mis olid saadud erakorteri ümberehitamise tulemusel, võimaldasid õpetada maksimaalselt 10 hambaarsti, mida mainis oma kirjas ka V. Hiie. Viimase hinnangu kohaselt oli ooteruum vilets, puudus eraldi ambulants hambaekstraktsioonideks, operatsioonituba oli kasutamiskõlbmatu, polnud auditooriumi. Olukorra parandamiseks tegi V. Hiie ettepaneku taotleda ülikoolile endise korporatsiooni "Ugala" hoonet Tähe t. 40; kui see pole võimalik, siis Rüütli t. 24 maja kolmandat korrust, hiljem aga ette näha ajakohase hambainstituudi ehitamise.

Oma kirjas 30. juulist 1942. a. tegi rektor ametlikult hambaarstiosakonna organiseerimise ülesandeks Tartu Ülikooli hambapolikliiniku juhatajale, tollal erakorralisele professorile V. Hiiele, kusjuures õppetöö kestuseks oli planeeritud 7–8 semestrit. Kõigepealt tuli koostada hambaarstiteaduse osakonna õppeprogramm, milles oleks näidatud, missuguseid aineid saab õpetada koos arstiteaduse ja rohuteaduse üliõpilastega ja millised ained jäävad ainult hambahaiguste õppejõududele. Tuli teha uute õppekohtade avamise taotlus ja näidata, kui suur on sügissemestril vastuvõetavate üliõpilaste arv. Samuti oli vaja välja töötada üleminekukava neile, kes Arstiteaduskonnast tahavad üle tulla hambaarstiteaduse osakonda. Tuli koostada õppetegevuse ja hambapolikliiniku eelarve järgmiseks õppeaastaks. V. Hiie pidi koostama ka aparatuuri ja materjalide loetelu, mida pidas vajalikuks osakonna avamiseks. Ta pidas vajalikuks muretseda viis hambaravitooli, viis elektripuurmasinat, kümme komplekti instrumente, materjalid konservatiivseks ja proteetiliseks raviks jne. [6].

29. augustil 1942. a. loodi haridusdirektori käskkirja alusel 25 üliõpilaskohaga hambaarstiteaduse osakond. Et sooviavaldusi oli rohkem, tuli sooritada sisseastumiseksamid kirjalikult eesti ja saksa keeles ning loodusteaduses. Eksamid toimusid 10.–12. oktoobrin. Hambaarstiteaduse osakonnas oli eksamikomisjoni esimeheks professor Artur Linkberg. Eksamid toimusid ülikooli instituutide hoones Aia t. 46 suure auditooriumis [6, 7].

Sügissemester algas 15. oktoobril 1942. a., millal alustas õppetööd ka esmakordselt Tartu Ülikoolis avatud hambaarstiteaduse osakond. Järelikult 15. oktoobrit 1942 (täpsemalt 29. augustit 1942. a.) tulebki pidada praeguse stomatoloogiaosakonna sünnipäevaks.

Ülikooli rektori otsusega 19. oktoobrist 1942. a. kinnitati õppeprogramm hambaarstiteaduse osakonnas 32 tundi nädalas: anatoomiat 5 tundi, füüsikat 4 tundi, füüsika praktikume 2 tundi, anorgaanilist keemiat 5 tundi, histoloogiat ja embrüoloogiat 4 tundi, histoloogia praktikume 4 tundi, hambatehnilise propedeutika loenguid 2 tundi ja hambatehnilise propedeutika praktikume 6 tundi nädalas.

31. oktoobril 1942. a. saatis V. Hiie rektorile kirja, milles avaldas rahulolematust kujunenud olukorra üle vast loodud hambaarstiteaduse osakonnas. Võistluseksamitega võeti vastu 25 üliõpilast, imatrikuleeriti kokku aga 37 üliõpilast koos arstiteaduse osakonnast ületulnutega. Ruume, instrumentariumi ja raviaparatuuri juurde aga ei saadud. Õppetöö korraldamine sellistes tingimustes küllaltki suure üliõpilaste arvu juures oli äärmiselt keeruline [6, 7].

Hambaarstiteaduse osakonnas õpetasid eriaineid peale erakorralise prof. V. Hiie vanemassistent Georg Veerma ja nooremassistent Heinrich-Rudolf Moks. Neid kahte silmas pidades kuulutas Tartu Ülikooli Arstiteaduskond 21. märtsil 1942. a. välja konkursi hambapolikliiniku vakantseks kuulutatud vanem- ja nooremassistenti ametikohale. Rektori otsusega 23. novembrist 1942. a. kinnitati H. Moks hambapolikliiniku ajutiseks abijõuks üheks aastaks (1. det. 1942 kuni 30. nov. 1943) ja rektori otsusega 5. jaanuarist 1943 kinnitati G. Veerma hambapolikliiniku vanemassistentiks neljaks aastaks (15. det. 1942 – 15. det. 1946) ja Velda Rüütli nooremassistentiks kolmeks aastaks (15. det. 1942 – 15. det. 1945); äsja loodud hambaarstiteaduse osakonnas asus V. Rüütli esialgu tööle volontäär-assistentina [5, 7]. Prof. V. Hiie õpetas tulevastele hambaarstidele stomatoloogidele peaaesjalikult kirurgilist stomatoloogiat, assistendid G. Veerma ja H. Moks ortopeedilist ja V. Rüütli terapeutilist stomatoloogiat.

Rektori otsusega samast kuupäevast (5.I.1943) tehti *dr. phil. nat.* Liidia Poska-Teissile õppeülesandeks 1943. a. kevadsemestril juhendada hambaarstiteaduse osakonnas hambasüsteemi histoloogia ja embrüoloogia praktikume 4 tundi nädalas [2] ja rektori käskkirjaga 16. juulist 1943 tehti dotsent S. Linnule ülesandeks õpetada hügieeni sama osakonna II kursuse üliõpilastele 3 tundi nädalas [3].

Haridusdirektori korralduse põhjal 8. juunist 1943 oli plaanis 1943/44. õppeaastaks hambaarstiteaduse osakonna I kursusele vastu võtta 20 üliõpilast. Et aga üliõpilaskandidaate kogunes ainult 19, siis vastuvõtuüksameid ei korraldatudki ja kõik soovijad võeti vastu [7]. Huvi pakub asjaolu, et 1943. a. oli plaanis Arstiteaduskonnas (praegune raviosakond) vastu võtta kõigest 30 üliõpilast ja roheteaduse osakonda 20 üliõpilast [3]. Teatavasti lõpetas esimene lend stomatolooge ülikooli 1946. aastal, seega juba nõukogude perioodil, kusjuures lõpetajaid oli kõigest 6 arst-stomatoloogi [7]. Vaatamata

sõjasündmustele Eestis ja ka Tartus 1944. a. kevadel-suvel pikemaajalist (mitte üle 2–3 kuu) õppetöö katkestamist ei esinenud [4].

Seega alustas praeguse stomatoloogiaosakonna eelkäija, hambaarstiteaduse osakond tegevust majanduslikult ja poliitiliselt väga keerulistes tingimustes (Saksa okupatsiooni aeg), kuid täiesti kompetentsete ja erialaliselt hästi ettevalmistatud õppejõududega. Varasemates töödes, milles käsitletakse stomatoloogiakateedri ja -osakonna loomist, on esitatud andmed, et stomatoloogiaosakond asutati TRÜ Arstiteaduskonna juures 1940/41. õppeaastal ning taasavati 1944/42. õppeaastal, mis ei ole õige. Selline andmete muutmine oli osaliselt tingitud tolleaegsest ühiskondlik-poliitilisest suunitlusest, osaliselt aga arhiivimaterjalide kättesaamatusel (suletud erifondid raamatukogudes ja arhiivides). Kui varem peeti stomatoloogiaosakonna loomise peamiseks põhjuseks kõrgharidusega hambaarstide ettevalmistamise vajadust Eesti NSVs, siis, nagu selgus Tallinna kindralkomissariaadi ja Tartu Ülikooli vahelisest kirjavahetusest, oli selle osakonna asutamise esmaseks põhjuseks hambaarstide suur puudus Eestis.

ALLIKAD. KIRJANDUS

1. Eesti Arst. 1940. Nr. 4. Lk. 315–317.
2. Eesti Arst. 1943. Nr. 3. Lk. 132.
3. Eesti Arst. 1943. Nr. 7. Lk. 365–366, 370.
4. Eesti Arst. 1944. Nr. 3/4. Lk. 167.
5. A. Kõdar, E. Lepasaar. Ortopeedilise stomatoloogia õpetamisest Tartu Ülikoolis kuni 1950. aastani // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1987. XXI. Lk. 170–180.
6. E. Lepasaar. Hambaarstiteaduse osakonna avamine Tartu Ülikoolis // Tartu Ülikooli stomatoloogia kateeder 1938–1988. Tartu, 1989. Lk. 14–16.
7. M. Lövi-Kalnin, V. Kalnin, E. Lepasaar. Stomatoloogia õpetamisest Tartu Ülikoolis aastail 1934–1989 // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1989. XXIV. Lk. 29–43.
8. EAA. F. 2100. Nim. 13. S. 34. L. 11.
9. Samas. L. 10.
10. Samas. L. 4.

**THE FOUNDATION
OF THE STOMATOLOGY DEPARTMENT
AT TARTU UNIVERSITY IN 1942**

M. Lõvi-Kalnin, E. Lepasaar

Summary

Tartu University had had the Department of Oral and Dental Diseases since 1938. The Department was headed by Prof. Hiie in 1938–1963. The Department was in charge of teaching medical students a course of dental diseases over two terms. During this course the students listened to two hours of lectures and did four hours of practical work a week.

Because of the political developments in 1939–1941 the number of dentists in Estonia fell by half. There were that only 113 dentists in Estonia in 1942. It was obvious the training of dentists at Tartu University had to be started. A written proposal to this effect was made by the Reval Commissariat (Dr. Keller). After some exchange of letters between the Estonian Commissariat, the Secretary of Education and Tartu University the Department of Stomatology was opened at the Medical Faculty of Tartu University on Oct. 15, 1942. Twenty-five students were enrolled and some medical students came over to the group of stomatologist, so the number of stomatologu students at Tartu University in 1942 amounted to 37. The course of studies was to last 7–8 terms. The study programme for the Department was drawn up by Prof. V. Hiie, Assistants G. Veerma and H. Moks and Voluntary Assistant V. Rüütli. The Department graduated its first students in 1946, when Estonia was a Soviet republic.

TARTU ÜLIKOOLI STOMATOLOOGIAOSAKONNA ÕPPEJÕUD JA ÜLIÕPILASED AASTAIL 1942–1948

Aliia Kõdar

1936. a. loodi Tartu Ülikooli juurde Valter Hiiele odontoloogia-alane dotsentuur, mis 1938. a. reorganiseeriti suu- ja hambahaiguste kateedriks [1]. Koos kateedri juhataja adjunktprofessori V. Hiiega töötas volontäärassistent Georg Veerma.

On huvitav märkida, et juba samal aastal andis haridusminister loa väljaspool normi immatrikuleerida Arstiteaduskonda hambahaiguste erialale ka kaks norralast Norrast [2].

Juba 1930. aastatel oli TUs hakatud plaanitsema kõrgharidusega hambaarstide ettevalmistamist. 1939. a. avaldati lõpuks sotsiaalministri arstide ja eriteadlaste kutsekorralduse määrus [3], mille järgi anti õigus töötada suu- ja hambahaiguste erialal ravisakonnana lõpetanud arstidel alles pärast kaheaastast praktiseerimist TÜ hambapolikliinikus, mis alates 1936. aastast asus majas Rüütli t. 24. Töötada tuli tasuta oma instrumentidega ja praktikaaja lõpus sooritada erialaeksamid [4]. Seega võis suu- ja hambahaiguste eriala hakata õppima alles pärast põhjalikku üldmeditsiinilist ettevalmistust.

1940. a. suvel hõivasid Nõukogude väed Eesti ja stomatoloogiakateeder pidi hakkama korraldama täienduskursusi mit-tetöötanud hambaarstidele, kes olid varem lõpetanud hambaarstide kooli. Astrid Lõhmuse sõnutsi [4] oli kursusel, mille kestust ta ei mäletanud, 10 inimest, kuid arvas, et üks kursus toimus 1940. a. sügistalvel ja teine 1941. a. kevadtalvel.

22. juunil 1941. a. algas sõda ja juba 5. juuliks jõudis rinne Tartusse. 4. juulil lahkus viimane rong evakueeritute-ga, nende seas ka stomatoloogiakateedri assistendi kohusetäitjana töötanud juudi rahvusest Regina Amitan-Maltinski ja temaga koos Itta Jeirus [4], kes 1945. a. astus TÜsse ja lõpetas 1949. a. stomatoloogiaosakonna [5].

Hambaarstide arv oli kahanenud poole võrra [3], sest 1939. ja 1940. aastal olid paljud lahkunud Eestist, enamuses Saksamaale, osa 1941. a. evakueerunud Nõukogude Liidu tagalasse. Saksa okupatsiooni ajal 15. okt. 1942. a. avati lõpuks Tartu Ülikooli hambaarstiteaduse osakond 4-aastase õppeajaga ja konkursi korras võeti

vastu esimesed 16 üliõpilast [5, tabel 1]. Saksamaa õppeasutuste eeskujul hakati juba I kursusel lugema hambatehnika propedeutikat ja manuaalsete võimete arendamiseks voolima vahast hambaid vanemassistent G. Veerma juhendamisel [6, 7], II kursusel õpiti hambaproteeside valmistamiseks vajalikku valu- ja jootetehnikat [6]. Peale eelmainitud õppejõudude töötasid kateedris veel nooremassistent Heinrich-Rudolf Moks [4], volontäärassistent Velda Rüütli [8] ja Ülikooli stipendiaat Astrid Lõhmus [9].

Nii õpetamis- kui ka õppimistingimused olid rasked, sest kliiniku baas oli väike, vaid 8 hambaravitooli, üks neist operatsioonitoas [4]. Üliõpilasi aga oli 1942. a. vastu võetud 49 ja 1943. a. 48 [5, tabel 1].

Oli sõda ja jälgiti väga inimeste, eriti õppejõudude poliitilist meelsust. Sel ajal oli arreteeritud ka professor V. Hiie, süüdistatuna anglofilsete vaadete pärast. Teda hoiti Tallinna vanglas, hiljem eramajas valve all umbes kaks kuud. Vestluses professori tütreaga [10] arvas viimane, et tema isal polevat küll mingisugust süüd olnud. Vaid kord operatsiooni ajal oli niisama aasitud ja üks kolleegidest olevat professorilt küsinud, kas talle meeldivad sakslased või venelased ja ta oli vastanud, et ei kumbki, pigem juba inglased, ju sellest süüis arreteerimiseks!

Rinde lähenedes algasid ja sagesid Nõukogude lennuväe õhuvõimkonnad Tartule. A. Lõhmuse meenutuste [4] järgi pommitati Tartut 1944. a. jaanuaris, veebruaris ja eriti äge oli rünnak 26. märtsil, kui tabamuse sai ka maja Rüütli t. 24. kus teisel korrusel asus ülikooli hambapolikliinik, mis oli kateedri õppebaasiks. Selle maja kolmandal korrusel oli prof. Paul Ariste kateeder, esimesel korrusel aga ülikooli apteek. Mainitud päeva pärastlõunal võttis kliinikus haigeid vastu G. Veerma. Lennukipomm läbistas maja kolmanda korruse, mõõdukas umbes 1,5–2 m kauguselt G. Veerma töökohast, tungis läbi esimese korruse ja kukkus apteegi keldris olevasse vattikasti ega lõhkenud. Inimesed füüsiliselt kannatada ei saanud [4].

Sellises olukorras ei saanud enam töötada ega õppida ja üliõpilased lahkusid Tartust, läksid oma kodudesse või emigreerisid. 1942. a. immatrikuleerunud üliõpilastest emigreeris 1944. a. Aino Müller-Valdes Rootsi [6], kus õppis edasi stomatoloogiat. Pärast kõrgkooli lõpetamist töötas ta Rootsis hambaarstina kuni surmani [11]. Silvia Parvei-Torgus läks Austraaliasse, õppis Pennsylvania Ülikoolis ajalugu, töötas professorina *Appalachian State*'i Ülikoolis. Debüteeris artiklitega rahvusküsimustest 1976. a. Avaldanud töid ka noorte kasvatusel, Eesti, Nõukogude Liidu ja Poola ajaloost. Praegu elab USA-s.

1944. a. suvel hõivasid Nõukogude väed uuesti Eesti ja hambaarste tuli hakata õpetama Nõukogude Liidus kasutatavate õppeprogrammide ja -plaanide järgi. Samal aastal tehti kateedri vanem-

õpetajale G. Veermale ülesandeks organiseerida hambapolikliinik (endine oli sõja ajal maha põlenud), mis ka 18. jaanuaril 1945. a. avati endises lastepolikliiniku majas Veski t. 6. Polikliiniku juhatajaks sai G. Veerma. Teise õppebaasina alustas samal aastal tööd kirurgilise stomatoloogia osakond Tartu Vabariiklikus Haavakliinikus. Oppejõududena töötasid edasi prof. V. Hiie, vanemõpetaja G. Veerma, assistent A. Lõhmus, assistent V. Rüütli (H.-R. Moks oli lahkunud kateedrist ja asunud tööle Vabariikliku Proteesimistöökooja Tartu osakonna juhatajana).

Ka järgnevatel aastetel jälgiti pingsalt õppejõudude poliitilist meelsust. Nende korteritesse majutati sõjaväelaste perekondi. Ka prof. V. Hiie juurde pidi majutatama 2 Nõukogude ohvitseri perekonda, kuid hiljem piirduti vaid ühe perekonnaga, ka lahkus prof. V. Hiie 1947. a. kirikunõukogu eestseisusest, mis arvatavasti oli sundkäik [10].

Kuivõrd sõda puudutas ka osakonna üliõpilasi (langes lahinguis jne.), selle kohta puuduvad andmed. Käesolevas artiklis käsitletud perioodil asus stomatoloogiaosakonda õppima vähe mehi: kokku 7, kellest 5 ei lõpetanud ülikooli. Nendest üks, Arved-Armin Volter astus Arstiteaduskonna raviosakonda 1930. a. 1942. a. tuli ta üle hambaarsti osakonda [13], sooritas kõik kursuse eksamid ja praktikumid ja pidi lõpetama 1946. a., kuid ei ilmunud riigieksamitele. Hiljem töötas diplomita hambaarstina [14]. 1944. a. tuli Majandusteaduskonnast üle stomatoloogiaosakonda Valter Korol, kes abikaasa sõnade järgi arreteeriti 1945. a. ja saadeti kümneks aastaks Arhangelski vangilaagrisse metsatöödele. 9 1/2 aasta pärast tuli tagasi Eestisse, kuid õpinguid ei jätanud. Suri 1989. a. ja on maetud Tartu Raadi kalmistule [15].

Stomatoloogiaosakonna lõpetasid Ludvig Oja [5] ja Eliaser Beltšikov [16]. S. Russaku andmetel [17] küüditati 1949. a. neli üliõpilast. 1947. a. stomatoloogiaosakonda immatrikuleeritustest lõpetas Ingrid Mägi-Tutt sama osakonna pärast tagasitulekut 1961. a. Helle Järve aga lõpetas raviosakonna 1961. a. [5]. 1948. a. immatrikuleeritustest küüditati Maja Konno, kes lõpetas ülikooli stomatoloogina 1973. a. ja Loori Läll, kelle kohta puuduvad meil andmed [16].

Teatud ülevaate nende ahistavate aastate toimest osakonna üliõpilastele annab sisseastunute ja lõpetanute arvu suhe (tabel 1)

Osakonna esmakordselt avamisel 1942. a. immatrikuleeriti 25 üliõpilast (9 neist soodustustega) ja 24 tulid üle enamuses Arstiteaduskonna raviosakonnast või teistest teaduskondadest, — seega kokku 49 üliõpilast. Ka järgmisel aastal hakkas stomatoloogiat õppima palju üliõpilasi, nimelt 48. Eriti suur oli õppima asunute arv 1945. a., nimelt 69 üliõpilast. 1947. a. ja 1948. a. aga oli neid vastavalt 28 ja 26 üliõpilast. 1946. a. oli stomatoloogiaosakonnale

Tabel 1

1942.–1948. a. stomatoloogiaosakonda õppima asunud
 üliõpilaste arv ja nendest kuni 1952. a. lõpetanute hulk

Aasta	Vastuvõetud üliõpilaste arv			Kokku	Lõpetanud
	Eksami- tega	Soodus- tustega	Üle- tulnud		
1942	16	9	24	49	
1943	19	10	19	48	
1944	18	-	15	33	
1945	56	-	13	69	
1946	29	-	10	39	6
1947	23	-	5	28	3
1948	23	-	3*	26	15
Kokku	184	19	89	292	24
1949					36
1950					35
1951					21
1952					20
Kokku					146

murranguline. Tartu Ülikooli lõpetasid esimesed kuus diplomeeritud stomatoloogi.

Ajavahemikul 1942–1944 oli hakanud stomatoloogiat õppima 130 üliõpilast, kuid 1948. aastani oli neist lõpetanud 24, s.o. vaid 18,46 %.

1948. aastaks oli stomatoloogiaosakonda sisse astunud 292 üliõpilast, kellest kuni 1952. aastani oli lõpetanud 146, s.o. 49,76 %.

Seega ei lõpetanud käsitletud perioodil stomatoloogiaosakonda õppima asunud üliõpilastest pooled. Üksikute kohta andmed puuduvad.

ALLIKAD. KIRJANDUS

1. TÜ arhiiv. Nim. 1/67. S. 29: V. Hiie isiklik toimik.
2. EAA. Album Academicum V. Matr. nr-id 12551–17571, a. 1932–1939.
3. E. Lepasaar Hambaarstiteaduse osakonna avamine Tartu Ülikoolis // Tartu Ülikooli stomatoloogia kateeder 1938–1988. Tartu, 1989. Lk. 14–16.
4. A. Lõhmuse suulised meenutused. 1986–1987. a.
5. TÜ arhiiv. Album Academicum VI. Matr. nr-d 39365–47487.
6. M. Arendi suulised meenutused 1987. a.
7. A. Punga-Lepiku suulised meenutused 1991. a.

* Üks kolmest, kes lõpetas 1952. a., tuli üle raviosakonnast 1949. a.

8. TÕ arhiiv. Nim. 11/61. S. 44: V. Rüütli isiklik toimik.
9. TÕ arhiiv. Nim. 3/51. S. 893: A. Lõhmuse isiklik toimik.
10. M.-K. Hiie-Sultsmanni suulised meenutused 1991. a.
11. V. Valdes-Sillastu suulised meenutused 1991. a.
12. B. Kangro. Eesti Kirjakuulutaja Eksiilis: Bibliograafiline teatmik aastaist 1944–48. Lund. Eesti Kirjanike Kooperatiiv, 1989. Lk. 123.
13. EAA. F. 2100. Nim. 11. S. 58: Album Academicum IV.
14. S. Kituse suulised meenutused 1991. a.
15. K. Mandre-Koroli suulised meenutused 1991. a.
16. TÕ arhiiv: Album Academicum VII. Matr. nr-id 47488–53580.
17. S. Russaku suulised meenutused 1991. .

LECTURES AND STUDENTS AT THE DEPARTMENT STOMATOLOGY OF TARTU UNIVERSITY IN 1942–1948

A. Kõdar

Summary

The paper deals with the situation at the department of stomatology before during and after II World War. The effect of discriminatory practices is shown on the basis of data collected about the numbers of students admitted in the course of 1942–1948 and on the basis of the number of students, who graduated from the university up to 1952.

TARTU ÜLIKOOLI KOHTUARSTITEADUSE INSTITUUT 1940–1944

Viktor Kalnin

1939. a. lõpul koosnes Tartu Ülikooli Kohtuarstiteaduse Instituudi personal järgmistest töötajatest: instituudi juhataja erakorraline professor Gerhard Rooks, noorema assistendi kt. *stud. med.* Rein Laube, noorema assistendi kt. *stud. med.* Voldemar Prikso ning volontäärassistendid arst Herta Rooks ja kohtupolitseiarsst Elmar Karu (kaitses 2. novembril 1939. a. doktoriväitekirja) [1].

Instituudi juhataja G. Rooks komandeeriti Eesti Vabariigi kohtuministri poolt oktoobris 1939. a. ekspeditsiooni Leningradi, kus ta tutvus ka sõjameditsiini akadeemia kohtumeditsiini kateedri ja mõnede haiglatega. Aruandeaasta vältel (1.IV 1939 – 1.IV 1940) oli G. Rooks ka Eestis korduvalt esinenud ekspeditsiooni Kohtukojas, Kõrgemas Sõjakohtus, Tartu Ringkonnakohtus ja jaoskonnakohtutes. Alates 1. jaanuarist 1940. a. valiti G. Rooks Tartu Ülikooli Arstiteaduskonna dekaaniks. Kohtuarstiteaduse Instituudi raamatukogus oli 1. aprillil 1940. a. seisuga raamatuid 2195 numbrit ja ajakirju 50 numbri all [2], sealhulgas “Mitteilungen zur Geschichte der Medizin”, “Aesculape”, “Die medizinische Welt”, “Die ärztliche Sachverständigen-Zeitung”, “Revue de Droit Pénal et de Criminologie”, “Sudhoffs Archiv”, “Annales de médecine légale” jt. [3].

Pärast Eesti Vabariigi annekteerimist ja okupeerimist Punaarmee poolt 1939.–1940. a. ning järgnenud ebaseaduslikku riigipööret Eestis hakati uue, nõukogude korra kohaselt korraldama ka õppe- ja teadustegevust Tartu Ülikoolis, sealhulgas Kohtuarstiteaduse Instituudis.

Kohtuarstiteaduse õppetool jäi nagu enamik meditsiinilisi õppetooli edasi töötama kateedrina. Instituudi nimetus kaotati. Sellel oli vaid vormiline tähtsus ning see ei toonud kaasa erilist muutust peale instituudi iseseisva eelarve kaotamise ja selle tsentraliseerimise. Instituudi koosseis muutus ainult abijõudude osas. Mõni lõpetajatest määrati maa-arstijaoskonda ja nende asemele võeti vanema kursuse üliõpilasi. Koosseis suurenes preparaatori ja kantseleiametnikumasinakirjutaja koha võrra. Aspirantuuri kohtumeditsiini kateedri juures ei loodud [4].

Detailsema ülevaate Kohtuarstiteaduse Instituudi seisukorrast

ja tegevusest ajavahemikus 21. juunist 1940. a. kuni 10. juulini 1941. a. saame instituudi juhataja G. Rooksi aruandest. Selle esitas ta vastuseks Tartu Ülikooli rektori Edgar Kanti ja vastavalt viimase kirjale Arstiteaduskonna prodekaani Maks Tiitso järelepärimisele. Selles kästi anda käesoleva ajajärgu kohta võimalikult terviklik ja iseloomustav ülevaade. Eriti paluti omistada tähelepanu järgmistele küsimustele: 1) uute instituutide ja õppekohtade loomine, vana-de likvideerimine ja ümbernimetamine; 2) õppejõudude koosseis ja muutused; 3) kateedrite siseelu (koosolekud jne.); 4) muutused õppekavades ja õppetöö korralduses; 5) teadustegevus, selle suunamine, kitsendused ja soovitused; 6) teadusliku järeelkasvu saamine, valik, aspirandid; 7) teaduskraadide küsimus; 8) asutuse õppevahendite, teaduslike seadmete, raamatute jm. hävitamine; 9) asutuse õppevahendite täiendamine, publikatsioonide vahetus välismaadega [5].

Uue korra kohaselt tuli pidada iga kuu kord kateedri õppejõudude koosolek, kus tuli arutada õppetegevuse ning haldamisega seotud küsimusi, aga ka vabanenud kohtadele kandideerijate soovivavaldu, uute kohtade loomist või ümberkorraldamist, teadustööde käiku ning refereerida ka uut kirjandust. Nii oli kohtumeditšiini kateedri õppejõudude koosoleku päevakorras 16. jaan. 1941: 1) informatsioon õppetegevusest ja kateedri ülesannetest uue, Nõukogude Liidu korra järgi; 2) õppeplaanid 1941. a. kevadsemestril; 3) teadusliku töö plaani fikseerimine 1941. a. kohta; 4) töökoormuse jaotamine; 5) läbirääkimised [6]. Sellel koosolekul fikseeriti kateedri teadustöö plaan 1941. aastaks [7]. (Vt. tabel lk. 33.)

Järgmine kateedri koosolek toimus 4. märtsil 1941. a., kus kinnitati eelmise koosoleku protokoll ning arutati teadustööde, samuti kateedri assistentuuriga seotud küsimusi. Päevakorras oli ka assistent Erich Kongo referaat teemal "Mesenteriaalne tromboos — ühe lahangujuhu refereerimine ja arutelu", ent kuna E. Kongo määra-ti Tervishoiu Rahvakomissariaadi poolt alates 1941. a. 1. märtsist Osula jaoskonnaarstiks, siis ei olnud temal võimalik jätkata kateedri juures ettenähtud teadustööd [8]. Võeti aluseks ka kohtuarstiteaduse programm, mille eeskujuks oli teistes Nõukogude Liidu meditsiini-kõrgkoolides kehtinud programm [9].

Professor G. Rooks märkiski oma vastuses prodekaan M. Tiitsole, et kateedri koosolekud toimusid ainult kahel korral, kuigi oli ette nähtud sagedamini. Kateedri siseelus tuli personalil lahangu-te ja ekspertiiside osas kokku puutuda ka tolleaegsete uute ametivõimudega. G. Rooks mainib, et sageli võis tähele panna seda, et asju ajanud isikud olid väga vähe teadlikud teadusliku ekspertiisi küsimustes. Mõned sõjaväearstid väitsid sektsioonil nägevat seda, mida sai näha vaid mikroskoobis (rasvemboolia jne.). Juurdlusandmed olid enamasti kaetud saladuskattega, neid ei usaldatud eksperdile, kuigi see muidu iseenesestmõistetavalt kuulus ekspertiisi juurde. Ka

Nr.	Töö nimetus	Töö tegija	Töö algab	Töö lõpeb	Töö käiku kontrollitakse kateedri koosolekul
1.	Kehavigastuste klassifikatsioon ja nende liigitamise praktika N. Liidus	prof. G. Rooks	1.I	sügiseks 1941	2.II ja 15.III 1941
2.	Kohtuarstiteaduse õpperaamatu vormilise osa ümbertöötamine vastavalt N. Liidu seadusandlusele	prof. G. Rooks	veeb-ruar	1942. a. alguseks	mais ja oktoobris 1941
3.	Meditiinilisest mürgistusest fosforiga. Kirjanduslikasuiitiline uurimus	ass. E. Kongo	1.VI	aasta lõpuks	augustis
4.	Glükogeeni hulk maksas ja südames vastündinuil seoses surma laadiga	ass. E. Kongo	1.II	järgmisel aastal	aprillis
5.	Plankton-elementide kindlaksteegimine kopsudes uppmise diagnoosimiseks. Katseline uurimus	lab. E. Rebane	veeb-ruar	töö kandub järgmisse aastasse	märtsis

ei usaldatud mõnedel juhtudel ekspertiisi, eriti kui see oli Vene sõjaväelaste kahjuks. Tundmatud prokuratuuri esindajad pidasid telefoni kaudu sageli väga ägedaid kõnelusi. Raskesti lahendatavaid asju tuli ette ka laipade väljaandmisega. Nii lubati ühel juhul, kus oli tegemist vanglas surnud isikuga, võtta vastutusele personal surnukeha väljaandmise pärast omastele, kuigi keelu põhjusi instituudile algul ei teatatud.

Sektsioonile saadetavate juhtude arv hakkas vähenema eelneva ajaga võrreldes, märgib aruandes G. Rooks. Kriminaalkohtutesse polnud ühtegi kutset. Tegutseda tuli peamiselt tsiviilekspertiiside alal (vererühmad paterniteedi asjus). Üks omariikluse ajal eitavalt otsustatud juht tõsteti ühe kõrgema isiku poolt taas üles ettekäändel, et eitav otsus võis sõltuda altkäemaksust.

Kohtumeditiini õppekavas sisuliselt suuremaid muutusi ei olnud, välja arvatud vormiline osa. G. Rooksi väitel ei jõutud tegelikult aga sellegi muudatuse elluviimiseni, sest 1941. a. kevadsemestril, milal see pidi toimuma, jäid loengud ära nende ümberpaigutamise tõttu IV kursuselt V kursusele. Teadustegevus, mille kohta nõuti

nüüd aastaplaanide esitamist, ei saanud eriti edeneda, sest personal oli üle koormatud kantseleiliste ülesannetega ega suutnud kohane-da uue olustikuga. Sisseseade täiendamine osutus võimalikuks vaid varem tellitud asjade (elektriline termostaat) osas, müude laboratoo-riumiseadmete täiendamine polnud aga võimalik nende puudumise tõttu turul. Seisma jäi ajakirjade saamine välismaalt, samuti publi-katsioonide vahetus. Varadest läks asutusel kaduma osa raamatuid, mis saadeti pearaamatukogu kaudu Moskvasse [10]. Mis raama-tud need olid, aruandest ei selgu. Küll võib oletada, et need olid analoogilised nendega, mis tol ajal eemaldati Hügieeni Instituudi raamatukogust. Vastavalt Hariduse Rahvakomissariaadi määrusele eemaldati viimasest järgmised raamatud: 1) Eesti vabadussõda; 2) R. Rägo. Kodanikuõpetus; 3) Dr. J. Vilms. Poligaamiline abielu Eestis; 4) Eesti Üliõpilaste Seltsi album [11].

Huvipakkuv on ka G. Rooksi komanderinguaruanne sõidust Leningradi ja Moskvasse 27.IV–11.V 1941 ning kokkupuudetest nõu-kogude teadlastega. Tema kui dekaaniga olid kaasas professorid Valter Hiie, Alma Tomingas, Voldemar Vadi ja Albert Valdes. Le-ningradis viibiti 28. aprillil, kus külastati I Meditsiiniinstituudi juht-konda ja vesteldi õppetööga seotud küsimustest. Moskvas külastati 29. aprillil NSV Liidu Tervishoiu Rahvakomissariaadi Kõrgemate Meditsiiniõppeasutuste Valitsuse ülema asetäitjat prof. Ivan Rufa-novit (Valitsuse ülem prof. Aleksandr Šabanov oli samal ajal Eestis tervishoiu rahvakomissari Viktor Hioni juures) ning Kõrgkoolide Komitee meditsiinosakonna juhatajat prof. Ivan Kotšerginit. Järg-misel päeval oli nõupidamine Moskva I Meditsiiniinstituudi direkt-siooniga eesotsas selle direktori prof. Vassili Pariniga. Tehti ringkäik mitmes kateedris (hügieeni, patoanatoomia) ja NSV Liidu TA raa-matute osakonnas. 1. mail vaadeldi mairongkäiku Punasel väljakul, 4. mail aga käidi Lenini mausoleumis [12].

Kohtumeditšiini kateedri ajaloo seisukohast on tähtis, et prof. G. Rooks tutvus 5. mail lähemalt Moskva I Meditsiiniinstituudi kohtumeditšiini kateedriga, mille juhatajaks oli prof. V. Tšervakov. Kateedri assistendid olid ühtlasi kohtumeditšiini ekspertide kohtadel. Õppetöö kohtumeditšiinis toimus V kursusel kahe semestri vältel. Praktilised tööd toimusid laboratooriumis ja kahes kohtumeditšiini ambulantsis. Ühes neist tegeldi vigastuste ja teises kohtugüneko-loogiliste ekspertidega. Lahanguid oli aastas 2500 ümber, neist 500–600 tehti koos üliõpilastega. Prof. G. Rooks sai viibida ka eksamitel. Edasi külastas ta II Meditsiiniinstituudi kohtumeditši-iini kateedrit, kus oli juhatajaks prof. Nikolai Popov. Kateedril oli ka seroloogia- ja keemiaosakond. Kolmandaks tehti samal päe-val külaskäik Kohtumeditšiini Teadusliku Uurimise Instituuti, kus oli juhatajaks NSV Liidu kohtumeditšiini peaekspert Viktor Prozo-rovski. Instituudi peaülesanne oli teaduslik uurimistöö, aspirantide

ettevalmistamine, vajalikkude seerumite valmistamine kohtumedit-siini alal kogu Nõukogude Liidule. Peale selle tegeldi instituudis ekspertiisidega, eriti keerukatega üleminstantsina. Instituudil olid hästi sisustatud seroloogia-, keemia-, spektrograafia-, bioloogia- ja fotograafiaosakonnad. 7. mail tutvus G. Rooks tööga kohtugüneko-loogia ambulantis Kirovi t. 42, kus said praktilise ettevalmistuse ka üliõpilased. Tagasiteel Eestisse tutvus G. Rooks 10. mail Leningradi I Meditsiiniinstituudi kohtumedit-siini kateedriga, mille juhatajaks oli Liidu vanimaid kohtumeedikuid prof. Mihhail Raisski, kes juhatas kateedrit ka sõjameditsiini akadeemias. Kaasa anti üksikasjalikke kirjalikke materjale õppetöö korraldamise kohta kohtumedit-siinis ja tutvustati aspirantide töödega kandidaadikraadi saamiseks [13].

G. Rooksi aruanne on kirjutatud objektiivselt, loomulikult krii-tiliste märkusteta. Tutvumisel meditsiiniõppeasutustega jaotati üles-anded üksikute Arstiteaduskonna professorite vahel vastavalt eria-lale, et saada korraga laiemat ülevaadet. Seepärast pakuvad need aruanded suuremat huvi nõukogude teadlastega kontaktide loomise seisukohalt ja vajaksid erikäsitlust.

Kohtuarstiteaduse Instituudi tegevusest Saksa okupatsiooni ajal saame jällegi teavet G. Rooksi aruannetest. Nii toimusid I semestril (1.I–1.IV 1942) kohtumedit-siini (I osa) loengud 4 tundi nädalas (kol-mapäeviti kl. 9–11 ja laupäeviti kl. 12–14) korraga IV ja V kursuse meditsiiniüliõpilastele. Osavõtt loengutest oli üsna rahuldav, ehkki küttepuudusel ruumide soojus oli mõnel päeval vaid 8–9 °C. Tööde läbiviimist raskendas teatud määral eriti ka vanemate abijõudude puudus. Instituudil tuli kasutada mõnda aega assistentidena ajutisi abijõude üliõpilastest, kes aga pärast stuudiumi lõpetamist pidid ko-mandeerimise korras asuma muudele töökohtadele. Loengute kava ei leidnud täitmist ettenähtud ulatuses. Rööbiti loengutega toimusid kohtupolitseilised lahangud, millest võtsid osa üliõpilased rühmiti nagu endistel aastatelgi. Kohtumedit-siini eksami I semestril õiendas 6 üliõpilast. Teadustöö tegemine 1942. a. I semestril polnud või-malik instituudi jooksva töö tõttu. See nõudis eriti rohkesti aega, seda enam, et instituudil polnud kasutada vanemaid või vilunumaid abijõude [14].

1942. aasta II semestril ettenähtud loengukursus võeti läbi kogu ulatuses, kuid mõningate lühendustega. Laboratoorsed prakti-kumid täideti täies ulatuses. Ent ruumide madala temperatuuri tõttu alustati praktikumiga hiljem, kuid ühetunnise tööaja asemel töötati 2 tundi. Praktikum IV ja V kursusele korraldati eraldi. Lahangutel tuli suurema üliõpilaste arvu tõttu piirduda osalt ühe sektsiooniga rühma peale. Materjalide poolest (vanade tagavarade olemasolul) erilisi raskusi ei ilmnunud. Suurem puudus oli sektsioonikinnas-test. G. Rooks alustas oma õpperaamatu "Kohtuarstiteadus" (mille 1938. a. trükk oli otsas) ümbertöötamist ja täiendamist [15].

1943. a. kevadsemestril valmistas suuremaid raskusi kütteaine puudus. See sundis koondama tööd vaid paari ruumi. Üksikuid töid tuli läbi viia aga jahedates ruumides, kuigi oma iseloomult nõudsid nad soojemat temperatuuri. Üliõpilaste töötase oli üldiselt rahuldav. Eksamid õiendas kevadssessioonil 18 üliõpilast [16].

Aprillis 1943 saatis G. Rooks kirja Eesti Omavalitsuse juhi-le H. Mäele, milles tõi esile mõningaid puudusi kohtumeditšiini-ekspertiis ja palus kaasabi esitatud ettepanekute lahendamiseks. G. Rooks märkis kirjas, et Tartu Ülikooli Kohtuarstiteaduse Instituut on aastate vältel toimetanud arvukaid ekspertiise kõige mitmeke-sisemates küsimustes, viimasel ajal ka sõjaväeasutuste ettepanekul. Instituut on paljude aastate vältel teinud ka kõik Tartu linna ja maa-konna kohtupolitseiilised seksioonid koos vastavate aktide koosta-misega. Seetõttu vajavat instituut vilunud abijõude. G. Rooks tegi puuduste kõrvaldamiseks järgmised ettepanekud: "1) assistentide ümberpaigutamise asemel muudele kohtadele tuleks arste koguni komandeerida instituudi assistentide kohtadele; 2) kõik kohtupo-litseilised funktsioonid Tartu linnas ja maakonnas tuleks üle anda ülikooli kohtumeditšini instituudile, mida täidaksid praegu selle ju-hataja prof. G. Rooks (võimaluse piirides) ja üle kahe aasta instituudi juures töötanud assistent Eugen Murašev (teise assistendi nime lubas esitada hiljem); instituut on materjalide saamisel seotud ülikooliga, mis aga ei suuda kõigega asutusi varustada; nii on instituut pidanud sageli töötama kütmata ruumides, on püüdnud muude materjalide kõrval hankida eriti kummikindaid, seepi, õmblusnööri, süstlaid jne., mida ülikooli poolt on saadud äärmiselt piiratud ulatuses või üld-se mitte (õmblusnööri); 3) otstarbekas oleks instituuti lugeda oma ülesannete poolest politseile vajalikuks abiorganiks (nagu Ekspertiisi Instituut Tallinnas), mis võimaldaks instituudil hõlpsamini saada vajalikke materjale ja seadmeid, edaspidi välja arendada ka tok-sikoloogia laboratoorium; 4) luua instituudi juures masinkirjutaja-laborandi koht. Tänavu nende küsimuste korraldamine oleks seda tänuväärsem, et möödub 100 aastat riikliku arstinduse (kohtumedit-siini) õppetooli loomisest Tartu Ülikooli juures" [17].

Instituudi aruandest 1943. a. sügissemestri kohta selgub, et loen-gud algasid 22. oktoobril ja lõppesid 22. detsembril. Osavõtt nendest oli võrdlemisi täiearvuline. Ettenähtud aineosa suudeti läbi võtta se-mestri vältel. Toimusid ka lahangud üliõpilaste osavõtul. Peale selle peeti kohtumeditšini loenguid Oigusteaduskonna üliõpilastele se-mestri jooksul 2 tundi nädalas õppeülesandena. Raskusi oli ruumide kütmisega, mille tõttu laboratoorseid töid sai teha hädavajalikkuse piirides. Eksamid sooritas sessioonil umbes 20 üliõpilast. Peeti ka neli loengut eriküsimuste alalt politseikursustel [18].

1944. a. kevadsemestril algas õppetöö kohtumeditšinis 18. jaa-nuaril ja lõppes 25. märtsil. Praktikum võeti läbi tavalises ulatuses,

kuid loengutel tuli mõningaid osi lühendada. Kõik üliõpilased tegid vähemalt ühe lahangu, koostades protokollu koos arvamusel. Loengud toimusid ka Õigusteaduskonna üliõpilastele kaks tundi nädalas õppeülesande korras. Viimasel paaril nädalal oli puudumisi praktilistest töödest tavalisest rohkem. Semestri lõpul sooritas ainult kaks üliõpilast kohtumeditšini eksami. Õppetöö kõrval oli instituudis rohkesti lisatööd pommirünnakute ohvrite läbivaatuse ja identifitseerimisega [19].

Seega toob Tartu Ülikooli Kohtuarstiteaduse Instituudi ajalooa tutvumine aastaist 1940–1944 kujukalt esile Nõukogude Liidu poolt Eesti okupeerimise tagajärjena negatiivsed jooned kohtumeditšini ekspertiisi tegemises ja õpetamises. Prof. G. Rooksil olid suured teened ka võitluses Arstiteaduskonna jäämise eest ülikooli juurde ja selle ümberkujundamise vastu iseseisvaks meditsiiniinstituudiks [20]. Ka Saksa okupatsiooni aastail, sõjaaja tingimustest johtuvalt, oli Kohtuarstiteaduse Instituudi töös raskusi, eriti ruumide kütmisel ja mõnede materjalidega varustamisel.

ALLIKAD. KIRJANDUS

1. EAA. F. 1200. Nim. 12. S. 6. L. 27.
2. Samas. L. 33.
3. Samas. L. 2, 4.
4. Samas. L. 37.
5. Samas. L. 36.
6. EAA. F. 1200. Nim. 12. S. 16. L. 1.
7. Samas. L. 22.
8. Samas. L. 2.
9. EAA. F. R-355. Nim. 1. S. 93. L. 273–277.
10. EAA. F. 1200. Nim. 12. S. 6. L. 37–37p.
11. EAA. F. 1200. Nim. 12. S. 2. L. 140–141p.
12. EAA. F. 1200. Nim. 12. S. 16. L. 30–30p.
13. Samas. L. 31–31p.
14. Samas. L. 38–40.
15. Samas. L. 41.
16. Samas. L. 45.
17. Samas. L. 42–43.
18. Samas. L. 47.
19. Samas. L. 49.

20. V. Kalnin. Tartu Ülikoolist Arstiteaduskonna eraldamise ja iseseisva meditsiiniinstituudi organiseerimise katsetest // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. Tartu, 1989. XXIV. Lk. 62-75.

THE INSTITUTE OF FORENSIC MEDICINE OF TARTU UNIVERSITY IN 1940-1944

V. Kalnin

Summary

After the Bolsheviks had come to power in Estonia in June 1940, the Institute of Forensic Medicine at Tartu University was renamed and became the Subdepartment of Forensic Medicine headed by Prof. G. Rooks, Dean of the Medical Faculty from Jan. 1, 1940. According to the new university statute, there had to be regular monthly meetings of the staff of subdepartments. In fact, only two meetings were held at the Subdepartment of Forensic Medicine. The history of the Institute of Forensic Medicine in 1940-1941 clearly demonstrates the drawbacks and shortcomings in teaching forensic medicine brought about by the Soviet occupation of Estonia. All materials of judicial investigation were made confidential, and medical experts were not entrusted with them. Army medical officers were ignorant of scientific forensic medicine. It often happened that forensic examination was turned down or dodged. The number of forensic dissections fell in comparison with the previous years. No forensic expertise was needed by the criminal courts. Expertises were mostly civil cases. Prof. G. Rooks could acquaint himself with the structure of teaching and research work of forensic medicine institutions in Leningrad and Moscow in April 27 - May 11, 1941. The Institute of Forensic Medicine also grappled with difficulties during the years of German occupation, as it was not easy to find resources for fuel to heat the rooms, or for materials, such as rubber gloves, soap, suture thread, syringes and others in those war-time conditions.

ПРОФЕССОР М.Я. ГАЛВЯЛО — ПИТОМЕЦ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1875–1942)

Владимир Иванович Дедулин

Данное сообщение является кратким очерком жизни и деятельности известного отечественного биохимика профессора М.Я. Галвяло, имя которого в течение полувека было незаслуженно предано забвению.

Михаил Яковлевич Галвяло родился 20 декабря 1875 г. в многодетной семье литовского крестьянина в деревне Винкшны Биржанской волости бывшей Ковенской губернии [1]. Любопытный и способный юноша сумел за два года подготовиться и в 1891 г. поступить в мужскую гимназию в Митаве (ныне — г. Елгава), где обучался до пятого класса на средства своей сельской общины [2].

В 1894 г. Галвяло впервые приезжает в Петербург и поступает аптекарским учеником в частную аптеку М. Трофимова [3]. Вскоре он начинает посещать химические лаборатории Военно-медицинской академии с целью подготовки к испытаниям на звание аптекарского помощника, которые успешно выдерживает при академии, получив в октябре 1897 г. свидетельство с отличием [4]. К этому периоду относятся его первые встречи с крупнейшим русским биохимиком профессором академии А.Я. Данилевским, побудившие Галвяло посвятить отныне свою жизнь научным занятиям.

В дальнейшем М.Я. Галвяло работает в престижной петербургской аптеке профессора А.В. Пеля [3] и по его рекомендации отправляется в 1899 г. на стажировку за границу. Он знакомится с химическими лабораториями и фармацевтическими учреждениями в Берлине и Кельне, а затем переезжает в Париж, где в течение почти двух лет практикуется как химик-лаборант в Сорбонне.

В конце 1900 г. Галвяло возвращается в Россию и поступает на фармацевтическое отделение медицинского факультета Юрьевского (Тартуского) университета, который заканчивает в июне 1902 г. с дипломом провизора [5].

В том же, 1902 г. М.Я. Галвяло вновь в Петербурге и принимается в качестве нештатного лаборанта на кафедру физиологии

ческой химии Военно-медицинской академии, с которой теперь до конца жизни будет связана вся его научная и преподавательская деятельность.

По предложению своего научного руководителя академика А.Я. Данилевского Галвяло приступает к экспериментальному изучению химического состава жень-шеня и в июне 1906 г. защищает по этой теме магистерскую диссертацию [6]. Труд молодого ученого, опубликованный отдельным изданием [7], явился первым и до 1950-х гг. единственным в отечественной медицине исследованием фармакологических свойств этого целебного корня.

С 1909 г. кафедру физиологической химии возглавил ученик и последователь Данилевского профессор М.Д. Ильин. В период его длительного руководства кафедрой Галвяло посвящает себя не только научным работам, но и максимальному расширению экспериментальных возможностей кафедральной лаборатории. Дополнительный опыт по освоению новых методик химических исследований он приобретает, работая в эти годы по совместительству экспертом-лаборантом в Департаменте таможенных сборов [8].

Занимаясь преподавательской деятельностью, М.Я. Галвяло ощущает недостаточность только химико-фармацевтических знаний для чтения лекций по своему предмету будущим врачам. Он решает, несмотря на сорокалетний возраст, овладеть вторым, высшим медицинским образованием, начинает посещать на правах вольнослушателя занятия и лекции в академии и сдает экзамены по ряду дисциплин за первые два курса. В 1915 г., получив длительный отпуск, он снова приезжает в Тарту, поступает на третий курс медицинского факультета "Юрьевских частных университетских курсов", а через два года переводится на пятый курс университета [9]. Однако завершить врачебное образование в Тарту ему не пришлось. Университет по обстоятельствам военного времени готовился к эвакуации в Воронеж, и Галвяло отзывается в академию. После возвращения в начале 1918 г. в Петроград он сдает экзамены при Психоневрологическом институте по оставшимся предметам выпускного курса и получает врачебный диплом [10]. В следующем, 1919 г. М.Я. Галвяло утверждается старшим преподавателем (доцентом) кафедры физиологической химии Военно-медицинской академии.

Следует отметить, что научное имя М.Я. Галвяло к началу 1920-х гг. становится известным в медицинских кругах на его родине, к тому времени ставшей независимой Литовской республикой. Доцент Каунасской медицинской академии В.П. Сюдикас, изучая фонды Музея истории медицины и фармации Литвы, недавно обнаружил интересный текст в Книге протоколов засе-

М.Я. Галвяло. Петроград, 1915
/ИА Эстонии. Ф. 402. Оп. I. Д. 5666. Л. 30/.

даний Совета лекторов Высших курсов (преобразованных в 1922 г. в первый Литовский университет). На заседании Совета лекторов от 27 мая 1921 г. было принято решение о приглашении из Советской России ряда ученых литовского происхождения для занятия кафедр будущего университета в Каунасе. Из Петрограда были приглашены профессора А.С. Догель и Е.С. Лондон, а также доцент М.Я. Галвяло, которому было предложено читать курс физиологической химии [11]. Однако переезд этих ученых в Каунас не состоялся. М.Я. Галвяло остался работать в Военно-медицинской академии, но, тем не менее, позднее, в первой Литовской энциклопедии ему была посвящена отдельная статья (1940, т. 8, с. 900).

В 1924 г. после ухода профессора Ильина из академии кафедре физиологической химии было поручено возглавить старшему преподавателю М.Я. Галвяло, который через два года официально утверждается начальником кафедры [12]. В декабре 1931 г. ему присваивается звание профессора, а в июле 1935 г. присуждается степень доктора медицинских наук без защиты диссертации [13].

Кафедра при М.Я. Галвяло (переименованная к тому времени в кафедру биохимии) следовала традиции А.Я. Данилевского в отношении изучения мышечных белков и ферментов, а также продолжала исследования в области эмбриохимии, начатые М.Д. Ильиным и привлекавшие своей новизной внимание зарубежных ученых. На кафедре велись исследования и по изучению углеводного обмена. Еще в 1924 г. Галвяло разработал оригинальный метод определения сахара в крови. Изучались сахарные нагрузки у здоровых и больных людей, проводились наблюдения по всасыванию в кишечнике фруктозы и сахарозы (В.В. Оппель).

На кафедре изучались условия протекания коллоидно-химических процессов в организме и была впервые разработана учебная программа по физической и коллоидной химии с лекционным курсом, апробированным в медицинских институтах Ленинграда (Г.Е. Владимиров, В.В. Оппель).

В 1928 г. М.Я. Галвяло предложил простой способ получения инсулина и совместно с А.А. Шмидтом разработал метод его промышленного производства на ленинградском заводе "Фармакон". На кафедре А.А. Шмидтом и В.В. Оппелем была начата серия фундаментальных исследований в области витаминологии, продолженных затем в организованном при их участии Ленинградском витаминном институте.

В 1935 г. М.Я. Галвяло и его сотрудники приняли участие в работе XV Международного физиологического конгресса, проводившегося в Ленинграде, и представили свои научные сообщения.

В 1934–1940 гг. широкую известность получили летние экспедиционные работы молодых сотрудников М.Я. Галвяло на высотах Эльбруса по изучению физиолого-химических особенностей организма человека в разреженной атмосфере (Г.Е. Владимиров, И.М. Дедюлин, В.В. Оппель, З.А. Райко и др.). Обобщенные результаты этих исследований, проводившихся ежегодно в сложных условиях высокогорья и дополнявшихся сериями экспериментальных наблюдений в барокамере, имели актуальное значение для решения проблем авиационной медицины. Естественно, что на кафедре велось немало работ военного предназначения совместно с другими кафедрами и лабораториями академии. Например, изучались изменения в обмене веществ при различных профессиональных нагрузках военных специалистов, определялись методы индикации и способы защиты от нарывных отравляющих веществ и т.д.

И, наконец, в 1939 г. кафедра М.Я. Галвяло в содружестве с Радиевым институтом приступила к изучению процессов обмена в мозге и мышцах с помощью радиоактивного фосфора. Этим было положено начало применению в нашей стране меченых атомов для решения биохимических проблем. После войны данные исследования (Г.Е. Владимиров и его сотрудники) заняли в работах кафедры одно из ведущих мест [14].

Высокий научный потенциал кафедры биохимии, широкий диапазон развернутых исследований, практическая реализация решавшихся проблем выдвинули ее в 1930-е гг. на одно из ведущих мест среди научных коллективов Ленинграда. В этом несомненная заслуга руководителя кафедры профессора М.Я. Галвяло, ученого с широким научным кругозором, умевшего ориентироваться в успехах биохимии на европейском уровне и определять пути наиболее перспективных направлений в исследованиях. Еще в середине 1920-х гг., когда за рубежом намечалось бурное развитие биохимии, Галвяло добился полной реконструкции лабораторий кафедры и оснащения их всем необходимым для овладения новейшими методами физико-химических, коллоидно-химических и микрохимических исследований.

Имело существенное значение и то, что М.Я. Галвяло сумел привлечь на свою кафедру талантливых и энергичных молодых ученых и с дальновидной благожелательностью способствовал раскрытию их индивидуальных наклонностей и научных интересов. Сам Галвяло, по воспоминаниям Г.Е. Владимирова, был безраздельно предан своей кафедре. Вся личная жизнь М.Я. Галвяло проходила в ее стенах, где он находился с утра до ночи, и остальные невольно равнялись по нему. Профессор Галвяло охотно прислушивался к мнению более молодых сотрудников, ценил их инициативу и своей простотой, доступностью и добрым

отношением содействовал сплочению кафедрального коллектива и его плодотворной работе [15].

М.Я. Галвяло был необычным научным руководителем — он настаивал, например, на том, чтобы его сотрудники непременно работали по совместительству в других научных учреждениях, близких направлению избранной ими тематики исследований. Он был убежден, что это способствует активному расширению кругозора научного работника. Галвяло тоже, наряду с работой в академии, многие годы возглавлял Центральную лабораторию старейшей в Ленинграде Обуховской больницы [16].

М.Я. Галвяло внимательно наблюдал за научным ростом своих учеников. Когда он убеждался, что молодой ученый уже способен творчески реализовать себя, то решительно содействовал его выдвижению на самостоятельный научный путь. В 1928 г. первым такое напутствие получил А.П. Виноградов, ставший в дальнейшем крупнейшим геохимиком страны, ближайшим сотрудником В.И. Вернадского, вице-президентом АН СССР, дважды Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственных премий. В 1935 г. покинул родную кафедру А.А. Шмидт, впоследствии известный биохимик, один из создателей отечественной витаминной промышленности, академик АН Латвии и член-корреспондент АМН СССР. Академиком АМН СССР стал Г.Е. Владимиров, возглавивший кафедру биохимии Военно-медицинской академии после Галвяло. Стали известными биохимиками и другие его ученики — В.В. Оппель (сын знаменитого хирурга), З.А. Райко, И.М. Дедюлин, В.М. Васюточкин, А.Л. Ярославцев. Почти все они возглавили кафедры биохимии в других медицинских институтах, стали профессорами, докторами наук, авторами многочисленных научных трудов. Самому М.Я. Галвяло принадлежит более пятидесяти научных работ, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях.

М.Я. Галвяло не создал своей научной школы в современном звучании этого понятия. Но он был великолепным воспитателем молодых ученых, которые, уйдя из академии в самостоятельную научную деятельность, продолжали считать кафедру родным домом, сохраняя преданность своему первому учителю. М.Я. Галвяло запомнился им научным бескорыстием, своей глубокой порядочностью, доверчивостью и добротой. К сожалению, эти нравственные достоинства старого российского интеллигента не были оценены новой генерацией научной молодежи, появившейся на кафедре биохимии к началу 1940-х годов.

Осенью 1941 года профессор М.Я. Галвяло был отстранен от руководства кафедрой и 17 сентября арестован по клеветническим доносам новых своих сотрудников. Военным трибуналом М.Я. Галвяло был осужден 13 января 1942 г. к десяти годам

исправительно-трудовых лагерей за проведение, якобы, "контр-революционной агитации". Через 17 дней после суда, проходившего без участия защиты и свидетелей, М.Я. Галвяло скончался 30 января 1942 г. в тюремной больнице блокадного Ленинграда [17].

Ни в чем не повинный ученый был реабилитирован только спустя семнадцать лет. Военная коллегия Верховного суда СССР 28 марта 1959 г. установила, что М.Я. Галвяло был осужден необоснованно и по сфальсифицированным материалам и отменила приговор "за отсутствием состава преступления" [17].

После реабилитации имя Галвяло появилось лишь в двух обзорных работах о развитии биохимии в Военно-медицинской академии и в биографическом очерке, посвященном памяти Г.Е. Владимирова [14, 15]. В декабре 1988 г. к 150-летию А.Я. Данилевского на кафедре биохимии Военно-медицинской академии была открыта постоянная выставка по истории кафедры, документы для которой были собраны при деятельном участии доцента И.С. Гавриленко. Отдельный раздел выставки посвящается научной и преподавательской деятельности профессора М.Я. Галвяло. В печати о трагической судьбе ученого (как и о некоторых других репрессированных профессорах) впервые появилось сообщение только в 1989 г. на страницах академической газеты "Военный врач" [18].

Доброе имя Михаила Яковлевича Галвяло, воспитанника Тартуского университета, ученого-биохимика, профессора Военно-медицинской академии, возвращается науке, возвращается истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИА Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 5666. Лл. 10.
2. ЦГВИА. Ф. 316. Оп. 40. Д. 3141. Лл. 4, 6.
3. ИА Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 5665. Лл. 6-7.
4. ЦГВИА. Ф. 316. Оп. 40. Д. 3141. Лл. 2, 14 16.
5. ИА Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 5666. Лл. 21.
6. ЦГВИА. Ф. 316. Оп. 41. Д. 2052. Лл. 1-9.
7. Галвяло М.Я. Жень-шень: Материалы к химическому составу китайского корня "сань-сам". СПб, 1906.
8. ЦГВИА. Ф. 316. Оп. 68. Д. 3263-а. Лл. 6-7.
9. ИА Эстонии. Ф. 402. Оп. 1. Д. 5666. Лл. 3, 4, 22-28, 29.
10. ЦГАСА. Учетная карточка М.Я. Галвяло на 1925 г.
11. Книга протоколов заседаний Совета лекторов медицинского отделения Высших курсов // Фонды Музея истории медицины и фармации Литвы при Каунасской медицинской академии. Каунас, 1921-1922. Лл. 15.

12. ЦГАСА. Ф. 24703. Оп. 1. Д. 547. Л. 36.
13. ЦГАСА. Ф. 24703. Оп. 1. Д. 404. Л. 7.
14. Иванов И.И., Шаробайко В.И. Биохимия // Военно-медицинская академия им. Кирова: Развитие науки в академии за 50 лет советской власти. Л., 1969. С. 81-84.
15. Шабунин В.С. Георгий Ефимович Владимиров: Краткий очерк жизни и деятельности. Л., 1966. С. 11.
16. Научные работники Ленинграда: Справочник. Л.: АН СССР, 1934. С. 78.
17. Архив КГБ Литовской ССР: Следственное дело на М.Я. Галвяло. Том I. Лл. 111-112, 119, 125, 129-130.
18. Шалаев Н.Ф. Все это было // Военный врач (газета Военно-медицинской академии). 1989. № 10, 31 марта. С. 3.

PROFESSOR M. GALVIALO,
GRADUATE OF THE TARTU UNIVERSITY
(1875-1942)

V. Dediulin

Summary

Michail Galvialo was born in the province of Kovno (Lithuania). He studied pharmaceutics and medicine in Yuriev (Tartu), Paris and St.Petersburg. Galvialo was the first in Russia to investigate the pharmacological properties of ginseng (1906). He proposed the method for insulin production (1928). Professor M. Galvialo headed the department of biochemistry at the Military Medical Academy in Leningrad (1926-1941).

**ДЕРПТСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
И ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
МЕДИЦИНЫ В КОНЦЕ XIX
И В НАЧАЛЕ XX ВВ.
(К СТОЛЕТИЮ ИНСТИТУТА
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ
АМН СССР)**

Юрий Павлович Голиков

Основанный в 1632 г. Тартуский (Дерптский) университет стал первым центром высшего медицинского образования в Прибалтике [1]. В XIX веке в университете, а также в Профессорском и Ветеринарном институтах сформировалась медико-биологическая научная школа, оказавшая существенное влияние на развитие медико-биологических наук в России и других странах мира. Для истории медицины и биологии представляет интерес связь воспитанников дерптской высшей школы со старейшим в нашей стране исследовательским центром в области медицины и биологии — Институтом экспериментальной медицины (ИЭМ).

Остановимся коротко на событиях, предшествовавших созданию ИЭМа, самом процессе организации и вкладе питомцев дерптской высшей школы в развитие научных исследований в этом институте. Напомним, что в 1885 г. в Санкт-Петербурге своей взбесившейся собакой был укушен гвардейский офицер. Этого офицера по распоряжению командира гвардейского корпуса принца А.П. Ольденбургского (1844–1932) в сопровождении военного врача и фельдшера отправили в Париж для лечения к Л. Пастеру (1822–1895), который в октябре 1885 г. доложил на заседании Французской Академии наук о сущности антирабического метода, разработанного им вместе с Э. Ру (1853–1933). Уже 1 ноября 1885 г. в Париже была открыта официально Пастеровская станция, и во Францию стали съезжаться больные из различных стран, в том числе и из России. По инициативе Французской Академии наук был поднят вопрос о строительстве для Л. Пастера специального института, который предполагался как международный центр лечения и предупреждения водобоязни. Была объявлена международная подписка для сбора средств на

строительство. Царское правительство выделило 100 тыс. франков на эти цели, и русские врачи получили возможность заниматься с методами Л. Пастера и направлять к нему больных для лечения. Среди первых врачей, побывавших у Л. Пастера, были и выпускники Ветеринарного института — Э. Земмер и К. Гельман.

Принц Ольденбургский, после того как произошел несчастный случай с офицером, поручил К. Гельману (1848–1892), с целью распространения в России открытого Л. Пастером способа борьбы с водобоязнью, осуществить опыт прививки бешенства от собаки, укусившей офицера, и приступить к разведению “яда”, как тогда называли вирус бешенства, на кроликах. Лаборатория для проведения первых в России научных исследований в области антирабического дела была организована при ветеринарном лазарете л.-гв. Конного полка и состояла из двух небольших комнат, по свидетельству очевидцев, мало пригодных для исследовательской работы. Первое заражение кролика материалом, взятым от взбесившейся собаки, которая укусила офицера, было осуществлено К. Гельманом 20 ноября 1885 г. К. Гельман, используя методику Л. Пастера, получил несколько генераций вируса бешенства, а затем Л. Пастер прислал ему двух кроликов с 115 и 116 генерациями вирусов. Эти подготовительные исследования позволили 13 июля 1886 г. официально открыть Петербургскую прививочную (Пастеровскую) станцию [2]. Станция была создана по инициативе и на средства принца Ольденбургского. Следует отметить, что поручение возглавить работы по подготовке и организации Петербургской станции К. Гельману, а затем и назначение его научным руководителем этой станции произошло далеко не случайно. Кристоп Янович Гельман, окончив Дерптский Ветеринарный институт, был оставлен в нем в качестве ассистента и в 1879 г. защитил диссертацию на степень магистра ветеринарных наук [3]. Он был учеником известного эпизоотолога и микробиолога, профессора Дерптского Ветеринарного института Эжена Мартыновича Земмера (1843–1906). Приехав в Петербург и поступив по приглашению принца Ольденбургского на службу ветеринарным врачом в Конный полк, К. Гельман стал вскоре одним из самых известных в столице ветеринаров. Об этом периоде его жизни А.А. Владимиров писал следующее: “... практика, поглощавшая все его физические силы, не ограничила его запросов к науке, напротив, именно она разжигала и поддерживала в нем потребность разрабатывать научно те бесчисленные задачи, которые она сама же ему предъявляла. Когда же наконец ему предоставилась возможность исполнить свою заветную мечту и посвятить часть своего времени научно-исследовательской деятельности, то опять-таки

практика оказала благотворное влияние на его работы" [4].

Работы на Петербургской станции быстро развивались, и уже к концу 1886 г. были проведены прививки 140 пострадавшим от укусов взбесившихся животных.

В целом эпидемиологическая и эпизоотологическая обстановка в России в последней четверти XIX столетия — сап, оспа, туберкулез, сибирская язва, чума, холера и др. — обусловила выбор объектов для изучения на станции. Так, в 1888 г. принц Ольденбургский писал, что бешенство, сифилис, рожа, оспа, сибирская язва, сап и некоторые другие болезни исследуются на станции "не только с бактериологической точки зрения, но и с целью изучения действий на организм человека и животных заразного начала, как организованного (микроорганизма), так и химического, или, другими словами, с целью изучения способа приобретения иммунитета (невосприимчивости к заразе)" [5]. На научную деятельность К. Гельмана повлияла совместная поездка с Ольденбургским и Шперком к Л. Пастеру для ознакомления с методиками исследований в конце ноября 1886 г. В этой связи представляется важным подчеркнуть, что уже с 1886 г. Гельман вел активные исследования, направленные на разработку мер борьбы и диагностики сапа. Он добивался получения способа точной диагностики этого заболевания при помощи изобретенного им маллеина. Он продолжал исследования бешенства, изучал иммунитет при оспе и сибирской язве. Нельзя не согласиться с утверждением, что по инициативе Гельмана впервые в России были предприняты систематические исследования патогенных микробов и разработаны некоторые меры борьбы с рядом инфекционных болезней.

Таким образом, Гельман и его помощники, помимо узко практической задачи лечения больных, пострадавших от укусов бешеных животных, приступили к решению фундаментальных проблем общей бактериологии, эпизоотологии и эпидемиологии. Так станция из чисто практического учреждения под руководством Гельмана стала превращаться в современную научно-исследовательскую лабораторию, задачей которой являлось изучение причин возникновения некоторых инфекционных заболеваний и способов борьбы с ними. В то же время ни стесненное помещение ветеринарного лазарета, ни ограниченные штатные возможности, поскольку станция содержалась на средства Ольденбургского, не позволяли в должной степени развернуть научные исследования.

Анализ литературных и архивных материалов позволяет предположить, что именно Гельман сделал представление об организации и, вероятно, разработал первое положение о будущем институте [2]. По времени это совпало с открытием Пастеровс-

кого института в Париже и с созданием исследовательских медицинских институтов в Германии и Англии. А.П. Ольденбургский, всячески способствовавший развитию в России медико-биологических знаний, добился разрешения Александра III создать при Троицкой общине сестер милосердия (попечителем которой принц являлся) институт по типу Парижского Пастеровского [6].

Торжественное открытие Института экспериментальной медицины состоялось 8 декабря 1890 г. Этому предшествовала значительная работа специального комитета, в который наряду с К. Гельманом входили В. Анреп, М. Афанасьев, И. Павлов, А. Пель, Э. Шперк. Комитет подготовил Временный устав института (утвержденный 15 апреля 1891 г.) и разработал структуру подразделений. В соответствии с этим К. Гельман был назначен руководителем отдела эпизоотологии, который под его началом приступил к систематической деятельности 8 августа 1891 г. Под его руководством продолжались изыскания по сапу, бешенству, туберкулезу и ряду других инфекционных заболеваний. В 1890–1891 гг. Гельман обобщил материалы, полученные при изучении маллеина, и этот препарат начали внедрять в ветеринарную практику.

Следует отметить, что другим чрезвычайно важным направлением работ Гельмана являлось изучение туберкулеза. Разработав оригинальную методику получения больших количеств туберкулезных бактерий с целью выделения из их тел специфически действующих веществ и изучение возможности применения этих веществ для борьбы с туберкулезом, он получил туберкулезный токсин — аналог туберкулина Коха, лишь приготовленный несколько иным способом. Первое сообщение Коха о туберкулине стало известно спустя несколько месяцев после доклада Гельмана о проведенных исследованиях. Организуя отдел эпизоотологии и стремясь расширить исследования, начатые на прививочной станции, К. Гельман привлек к работе в возглавляемом им отделе А.А. Владимирова (1862–1942), К.И. Креслинга (1860–1929) и своего учителя Э.М. Земмера — воспитанников Дерптской высшей школы.

К. Гельман скончался в 1892 г. в возрасте 44 лет, возглавляя созданный по его инициативе отдел эпизоотологии менее 2-х лет. Он занимался научно-исследовательской работой в Петербурге не более 7 лет и за этот очень короткий период преуспел в формировании четко определенного направления в научно-исследовательской работе ИЭМа, ставшего для этого учреждения традиционным на целые десятилетия. Говоря современным языком, речь идет о комплексной разработке в стенах института актуальных проблем эпидемиологии, эпизоотологии, микробио-

логии и иммунологии, разработке, характеризующейся постоянной связью теоретических исследований с решением насущных практических задач [2].

Э.М. Земмер возглавил отдел эпизоотологии в 1892 г. Под его руководством совершенствовалась методика изготовления маллеина и была проведена апробация этого препарата на конском составе нескольких гвардейских полков в Петербурге. В 1896 г. Земмер в связи с уходом на пенсию вышел в отставку, а отдел эпизоотологии возглавил А.А. Владимиров. Он окончил медицинский факультет Дерптского университета и там же в 1889 г. был удостоен степени доктора медицины. Со студенческих лет Владимиров занимался в лаборатории патологической анатомии у профессора Р. Тома, который первым в университете начал преподавание бактериологии в 1890 г. А.А. Владимиров продолжал работать в этой лаборатории и после окончания университета в качестве ассистента. Кроме этого Владимиров проводил занятия со студентами и ветеринарными врачами на бактериологической станции ветеринарного института, где он и познакомился с Гельманом. Это знакомство позволило Гельману пригласить Владимирова в ИЭМ, и он был зачислен в штат отдела эпизоотологии 21 августа 1891 г. Для того чтобы успешно вести исследования в этом отделе, Владимиров в 1893 г. провел 4 месяца в Италии и Германии, где изучал возможность практического применения серотерапии. Затем он провел год в Ветеринарном институте в Альфоре во Франции и, сдав государственный экзамен, приобрел звание ветеринарного врача. Под руководством Владимирова в отделе эпизоотологии продолжались исследования по сапу. При этом отдел оставался единственным в стране центром, производившим маллеин. Здесь проводились исследования, направленные на улучшение препарата, на совершенствование методики его применения. В 1897 г. Владимиров доказал возможность использования при сапе серодиагностики. Он активно участвовал в борьбе с туберкулезом не только тем, что в отделе совершенствовали методику изготовления коховского туберкулина, но и производили его для всей России. Под его руководством проводились исследования, направленные на решение практических и санитарно-гигиенических вопросов, связанных с проблемой туберкулеза. Исследование туберкулеза животных позволило Владимирову еще в 1911 г. поставить проблему о значении туберкулеза животных для человека. Первая мировая и гражданская войны отсрочили решение этой проблемы. В 1924 г. на Всесоюзном съезде по борьбе с туберкулезом в своем докладе Владимиров показал, что фактически возможен перенос туберкулеза с молоком, творогом, сыром и сметаной, а методы обезвреживания от туберкулеза молочных продуктов, применяв-

шиеся в то время, не гарантировали эффективности профилактики. С 1906 г. Владимиров состоял членом Международной и Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом.

Исследования сапа, туберкулеза, кровопаразитизма животных и осуществление борьбы с этими заболеваниями оставались главнейшими направлениями деятельности его отдела. Но в то же время он принимал участие в экспедициях во время вспышки холеры в 1892-1895 гг. В конце 1892 г. он прочел для врачей в ИЭМе курс лекций о борьбе с холерой, и на основе этих лекций им в 1893 г. было издано "Руководство к обучению санитаров-дезинфекторов для борьбы с холерой". Поэтому когда возникла необходимость в 1897 г. создания при ИЭМе специальной лаборатории для проведения экспериментальных исследований по чуме и для производства противочумных препаратов, именно Владимирову было поручено полное руководство еще и этим подразделением ИЭМа. Он также читал курс лекций для врачей, готовившихся для борьбы с чумой. В конце 90-х годов благодаря активной деятельности Владимирова, а также Д.К. Заболотного ИЭМ становится Всероссийским центром изучения чумы. Проводились многочисленные заграничные экспедиции и была усовершенствована лабораторная база. Специальная "чумная" лаборатория переводится в форт "Александр I" недалеко от Кронштадта.

С началом первой мировой войны Владимиров был назначен заведующим Военно-санитарным отрядом Петроградского железнодорожного узла, с возложением на него санитарных и эпидемиологических задач как на Северном фронте, так и в прилегающих к нему тылах. Вскоре после Февральской революции он был по требованию Петроградского Совета рабочих депутатов командирован на постройку Мурманской железной дороги.

Ученый Совет ИЭМа в конце ноября 1917 г. избрал А.А. Владимирова директором ИЭМа. В 1918 г. при очень сильной вспышке холеры в Петрограде Владимирову удалось привлечь к борьбе с эпидемией целый ряд ведущих специалистов — эпидемиологов. С некоторыми перерывами Владимиров оставался директором института до 1928 г. С 1930 по 1939 г. Владимиров являлся консультантом и членом Совета ИЭМа. За годы работы в институте он подготовил много специалистов, в том числе под его руководством начинали свою работу будущие профессора В.Л. Матвеев, О.О. Гартох, С.И. Драгинский, В.Л. Акимов и др.

В развитии отечественной эпизоотологии, эпидемиологии и иммунологии исключительно большую роль сыграл ученик и последователь К. Гельмана А.А. Владимиров, скончавшийся в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

Среди питомцев университета в Дерпте выдающаяся роль в становлении и развитии отечественной физиологии принадлежит Ф.В. Овсянникову (1827–1906). С 1864 по 1886 г. он возглавляет кафедру анатомии человека и физиологии животных в Петербургском университете. В университете у него учился и работал на кафедре И.П. Павлов (1849–1936), после окончания университета И.П. Павлов продолжал свое образование в Медико-хирургической академии. Следует отметить, что в академии кафедрой физиологии и гистологии руководил А.П. Загорский (1805–1888), который в 1856 г. привлёк к работе на кафедре Н.М. Якубовича (1817–1879), возглавлявшего кафедру в 1860–1869 гг.

А.П. Загорский после окончания в 1833 г. Профессорского института в Дерпте был назначен заведующим кафедрой, а Якубович выполнял в Дерптском университете докторскую диссертацию «О слюне» (1848), где и познакомился с Овсянниковым. Из приведенных факторов следует, что хотя Павлов стал слушателем академии в годы, когда уже ни Загорский, ни Якубович там не работали, но тем не менее от своего учителя Овсянникова он должен был непременно знать о докторской диссертации Якубовича, посвященной слюноотделению. Поэтому удивительно, что во втором полном собрании сочинений И.П. Павлова отсутствует упоминание о работе Якубовича.

Как уже упоминалось выше, И.П. Павлов входил в состав комитета, которому принцем Ольденбургским было поручено разработать структуру будущего института. 13 июня 1891 г. Павлов был назначен руководителем отдела физиологии. Поскольку кроме руководителя отдела и одного или двух постоянных его помощников других штатных сотрудников не было, то в каждом отделе, в том числе и в физиологическом, проходили стажировку или выполняли экспериментальные исследования для докторских диссертаций прикомандированные специалисты. Среди таких внештатных сотрудников отдела физиологии мы находим около десяти человек либо учившихся, либо окончивших Дерптскую высшую школу. О высоком уровне подготовки в области физиологии этих специалистов свидетельствует, в частности, то, что многие из них уже в первые годы после организации ИЭМа (единственного в дореволюционной России научно-исследовательского центра в области медицины и биологии) работали под руководством Павлова, который был очень требовательным к своим сотрудникам.

Яркие страницы в историю развития отечественной физиологии вписал А.Ф. Самойлов (1867–1930), окончивший медицинский факультет Дерптского университета в 1891 г. В 1892–1894 гг. он работал в отделе физиологии, где под руководством Пав-

лова занимался изучением влияния длительных режимов питания на желудочную секрецию. Освоив методику Павловских операций на пищеварительном тракте, он выполнил исследования по определению ферментативной силы жидкостей, содержащих пепсин. В дальнейшем А.Ф. Самойлов по приглашению И.М. Сеченова работал в Московском университете, занимаясь исследованиями в области электрофизиологии.

Изучением механизмов пищеварения занимались: Н.И. Дамаскин (1865–1922), окончивший университет в 1892 г., который был сверхштатным помощником заведующего отделом физиологии в 1895 г.; А.Р. Кревер (1870–1923?), окончивший университет в 1895 г., изучавший секреторную деятельность поджелудочной железы в отделе физиологии в 1898–1899 гг.; В.Н. Керстен (1866–1916?), окончивший университет в 1893 г. и изучавший действие желудочного сока на различные виды пищи в 1901–1902 гг. в качестве практиканта отдела физиологии.

Исследованиям по физиологии высшей нервной деятельности посвящены работы: В.С. Дерябина (1875–1955), учившегося в университете на рубеже веков, работавшего под руководством Павлова в 1912–1914 гг., а впоследствии в 1922 г. в отделе специальной эволюционной физиологии под руководством Л.А. Орбели; С.Г. Вульфсона (1868–1916?), окончившего университет в 1894 г. (выполнил в 1898 г. работу, посвященную “психическому” слюноотделению, на вид и запах пищевых и не пищевых веществ); Н.М. Геймана (1877–1927?), окончившего университет в 1899 г. (в 1902–1903 гг. под руководством Павлова изучал влияние различного рода раздражений полости рта на работу слюнных желез); Д.Е. Соловейчика, в 1906–1908 гг. учившегося в университете (в 1924–1930 гг. исследовал угашение и восстановление условных рефлексов в различных условиях); В.А. Крылова (1892–1939), окончившего Ветеринарный институт в 1916 г. (в 1924–1926 гг. был практикантом у Павлова и показал возможность образования условного рефлекса при внутривенном введении фармакологических препаратов).

Кроме рассмотренных нами ученых, которые, окончив высшую школу в Дерпте, работали или проходили стажировку в ИЭМе, можно проследить и обратный процесс, когда после специализации в ИЭМе ученые возглавляли кафедры на медицинском факультете Тартуского университета. Так, Э. Мартинсон (1900–1963), ученик С.С. Салазкина, который был руководителем отделом биохимии ИЭМ, в 1950–1963 гг. руководил кафедрой биохимии. Л. Алликметс (1936 г. р.) после окончания Тартуского университета был аспирантом в 1960–1963 гг. в отделе фармакологии у академика АМН СССР С.В. Аничкова. В настоящее время он руководит кафедрой фармакологии [7].

Данное сообщение представляет собой далеко не полный обзор деятельности воспитанников Дерптского университета и Ветеринарного института, оказавших существенное влияние на развитие исследований в ИЭМе по биологии, медицине и, особенно, физиологии и иммунологии. Очевидно, что перед историками в области медицины и биологии может быть поставлена задача специального и капитального исследования о взаимовлиянии научных школ ИЭМа и Тарту. Однако даже на основе рассмотренных выше материалов можно сделать вывод о большой роли Дерптской высшей школы и ИЭМа в подготовке высококвалифицированных кадров ученых, во многом предопределивших развитие научной мысли в медицине и биологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алликметс Л., Калнин В. Медицинский факультет Тартуского университета // Медицинский факультет ТГУ. Таллинн, 1982. С. 5-24.
2. Ланге К.А., Голиков Ю.П. Становление и развитие в Институте экспериментальной медицины исследований в области эпидемиологии, микробиологии и иммунологии // Актуальные вопросы биологии и медицины. Л., 1989. Вып. 1. С. 134-142.
3. Ланге К.А., Голиков Ю.П. К.Я. Гельман и развитие отечественной эпидемиологии, микробиологии и иммунологии (к 100-летию Петербургской Пастеровской станции) // Из истории медицины. Рига, 1987. Вып. 17. С. 64-76.
4. Владимиров А.А. Памяти Х.И. Гельмана. Спб., 1902. 11 с. (цит. с. 3).
5. Ефременко А.А. Деятельность Петербургской Пастеровской станции // Сов. медицина. 1968. № 1. С. 148-151 (цит. с. 150).
6. Голиков Ю.П., Ланге К.А. Становление первого в России исследовательского учреждения в области биологии и медицины // Первый в России исследовательский центр в области биологии и медицины. Л., 1990. С. 7-43.
7. Медицинский факультет ТГУ. Таллинн, 1982. 234 с.

**THE DERPT HIGH SCHOOL AND INSTITUTE
FOR EXPERIMENTAL MEDICINE.
TO 100 YEARS ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE
FOR EXPERIMENTAL MEDICINE OF THE USSR
ACADEMY OF MEDICAL SCIENCES**

Y. Golikov

Summary

The scientific linkages between the pupils of the Derpt high school and the institute for experimental medicine are described in this paper. The activity of K. Gelman, E. Zimmer, A. Vladimirov in the field of epizootology and immunology, as, well as the scientific influence of T. Ovsyannikov, who was a graduate from the Derpt University, on the papers of I. Pavlov are analyzed. The specific attention is paid to the pupils of Derpt University who were working at the Institute for Experimental Medicine under I. Pavlov.

В.П. ЖУКОВСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В ПРЕПОДАВАНИИ ПЕДИАТРИИ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Галина Львовна Микиртчян

Василий Павлович Жуковский принадлежит к крупным педиатрам России конца XIX — начала XX вв., однако деятельность его очень мало отражена в современной историко-медицинской литературе.

В.П. Жуковский родился 27 февраля 1861 г. в семье священника Киевской губернии. С серебряной медалью окончил 3-ю Киевскую гимназию и поступил на медицинский факультет Киевского университета Св. Владимира. Прочувшись один год, он поступил в Военно-медицинскую академию (ВМА) в Петербурге, которую окончил в 1889 г. со степенью лекаря [1]. В том же году В.П. Жуковский был принят в число ординаторов детской клиники ВМА, которой руководил первый в нашей стране профессор по детским болезням, известный педиатр Николай Иванович Быстров. Работа в клинике Н.И. Быстрова дала возможность В.П. Жуковскому ознакомиться с самой передовой мыслью в области педиатрии, воспринять от Н.И. Быстрова подходы к научной и педагогической работе.

В 1889 г. В.П. Жуковский вступил в члены Петербургского научного общества детских врачей, основателем которого также был Н.И. Быстров. Уже на следующий год В.П. Жуковский выступил на заседании общества с докладом о мышечной псевдогипертрофии, а в 1891 г. — с новыми наблюдениями по этому заболеванию, доказывая невропатологический характер страдания. И в последующие годы В.П. Жуковский принимал активное участие в работе общества, делал сообщения о пемфигусе новорожденных, о проявлениях ревматизма у грудного ребенка, об ангиоме и др. [2].

Одновременно с работой в академической клинике В.П. Жуковский начал работать в детской лечебнице Общества попечения о бедных и больных детях в Петербурге, где вскоре (октябрь 1890 г.) был назначен на должность заведующего амбулаторией, а затем в течение 5 лет и самой лечебницей.

В 1891 г. В.П. Жуковский выдержал докторские экзамены, а в 1894 г. защитил докторскую диссертацию на тему "О раз-

витии английской болезни (рахитума и рахитических уродств) среди детей рабочего населения г. С.-Петербурга", основанную на материалах обследования детей, посещающих амбулаторию Общества при заболевании или для оспопрививания. По его данным, среди посетивших амбулаторию детей у 95 % наблюдались в той или иной степени проявления рахита, причем тяжелые формы встречались у 35 % детей. Выяснялась также зависимость заболевания от пола, возраста, времени года, качества ухода за ребенком, вскармливания, социальных условий, вредных привычек родителей, сопутствующих заболеваний. Далее подробно описывались рахитические поражения всех систем детского организма. Разумеется, с течением времени многие клинические описания В.П. Жуковского были пересмотрены, уточнены, более глубоко исследованы этиология, патогенез, методы профилактики и лечения. Но эта работа — одна из первых попыток социально-гигиенического подхода к изучению рахита. Ценность также состоит и в том, что в диссертации представлена история изучения рахита, начиная с античных времен, дан критический анализ литературы о рахите с XVII по конец XIX вв. Как ни странно, в этом обзоре нет упоминаний Н.М. Максимовича-Амбодика и С.Ф. Хотовицкого.

В 1895 г. В.П. Жуковский, находясь на военной службе, был переведен в г. Киев с прикомандированием к Киевскому военному госпиталю. Но он не оставил свою основную специальность — детские болезни, был избран медицинским факультетом Киевского университета приват-доцентом по детским болезням [2]. Лекции он читал по болезням новорожденных при акушерской клинике и по хирургическим болезням детского возраста при хирургической факультетской клинике. Лекции В.П. Жуковского о болезнях новорожденных вызвали большой интерес студентов, они попросили издать их в виде отдельной книги, которая была выпущена в 1896 г. и переиздана через год под названием "Болезни новорожденных детей. Лекции". Это была вторая в России монография на данную тему. Первую издал приват-доцент Харьковского университета М.Д. Повомарев в 1879 г. Книга В.П. Жуковского имеет более клинический характер, в ней кратко изложены анатомо-физиологические особенности новорожденных и грудных детей и связанные с ними особенности течения детских заболеваний и характер патологии. Он описал причины, которые ведут к рождению больного ребенка: неблагоприятные условия жизни, тяжелый труд в бедных слоях населения, неуравновешенное психическое состояние беременной, особенно подчеркивал пагубное влияние алкоголизма родителей на уменьшение плодovitости и увеличение смертности детей. Именно в его лекциях мы находим ясную постановку воп-

роса об антенатальной охране плода и необходимости совместной работы акушера и педиатра. В связи с высокой смертностью новорожденных он настаивал на создании благоприятной обстановки для беременной женщины: ... дайте приют бедным роже-ницам, освободите их от тяжелых работ на фабриках и проч., дайте им возможность быть крепче, сильнее и в последние дни беременности, устройте, наконец, при помощи общества и населения, достаточное количество родильных домов, — и Вы спасе-те массу погибающих несчастно-рожденных и обеспечите более лучшую участь тех слабых и маложизнеспособных существ, ко-торые с трудом и с малой надеждой на прочное детство пере-живают первые минуты внеутробного состояния” [с. 4].

Число заболеваний, описанных в книге В.П. Жуковского, в несколько раз больше, чем у М.Д. Пономарева: желтуха, мелена, пемфигус, эритема новорожденных, столбняк, склерема, кефало-гематома, болезнь Буля и др.

Большой интерес и сегодня вызывает вводная лекция, где В.П. Жуковский изложил свои взгляды на роль педиатрии и ее место среди всех медицинских дисциплин, социальную значи-мость мероприятий по охране здоровья беременной женщины и новорожденного. В конце XIX в. происходил процесс выделе-ния педиатрии в самостоятельную отрасль медицины. Борясь за выделение своей науки, в то же время многие ученые-педиатры и среди них В.П. Жуковский говорили, что педиатрию нельзя считать узкой специальностью. В.П. Жуковский подчеркивал, что “специализация — обоюдо острое оружие и имеет как по-ложительные, так и отрицательные свойства, особенно для начи-нающего врача”.

Он писал, что каждому врачу необходимо быть знакомым с педиатрией. Детскому же врачу выпадает на долю быть луч-шим другом не одной семьи, быть домашним семейным врачом, лечить несколько поколений, предупреждать пагубное развитие таких страданий, благодаря которым вырождаются целые семьи и поколения. Обращаясь к студентам медицинского факультета, В.П. Жуковский призывал их изучать педиатрию, которую он называл молодой отраслью медицины, служащую пользе, благо-состоянию и облегчению участи подрастающего поколения.

Здесь же в Киеве он состоял в должности штатного врача при Киевской 3-й гимназии (1896–1897 гг.), которую когда-то окончил.

В 1896 г. В.П. Жуковский был командирован за границу и в разные города России “для практического изучения детских бо-лезней с ученою целью”. В эти же годы он по собственному же-ланию вышел в запас. Большую пользу в пополнении клиничес-ких знаний принесло Василию Павловичу усовершенствование

в детской больнице принца Ольденбургского под руководством К.А. Раухфуса.

В.П. Жуковский был хорошо знаком с уровнем развития педиатрии в зарубежных странах, постановкой научной и педагогической работы, организацией детских учреждений. Практически ежегодно во время летних каникул он совершал поездки за границу, участвовал в работе различных Международных съездов врачей (Вена, Берлин, Париж, Лондон и др. европейские города).

В эти же годы он продолжал исследовать вопрос о распространенности рахита среди детей в различных губерниях России. Со своими результатами он выступил на XIII Международном съезде врачей в Париже. В.П. Жуковский был признанным специалистом в этом вопросе. В 1900 г. за сочинения по рахиту он был удостоен Почетного Диплома на конкурсе Общества детской гигиены в Париже, почетным членом которого он состоял.

Особенно важным событием этого периода является начало работы В.П. Жуковского в Петербургском родовспомогательном заведении в качестве заведующего детским отделением. На эту должность он был в 1897 г. приглашен заведующим кафедрой акушерства и женских болезней ВМА и научным консультантом Петербургского родовспомогательного заведения А.Я. Красновским. Нередко В.П. Жуковский исполнял и обязанности прозектора по вскрытию детских трупов. Таким образом, В.П. Жуковский был первым педиатром, начавшим работать в родовспомогательном заведении [3]. В литературе обычно первым педиатром родильного дома называется Г.Н. Сперанский, однако он начал свою работу в Абрикосовском родильном доме Москвы в 1907 г. [4].

Результаты работы В.П. Жуковского в отделении новорожденных отражены в медицинском отчете заведения [5] и в статье, опубликованной в журнале "Врач" за 1901 г. и изданной отдельной брошюрой под название "Ранняя детская смертность в связи с рождаемостью детей в Петербургском родовспомогательном заведении". В этой работе проведен анализ за 1897-1900 гг. рождаемости и смертности детей доношенных и недоношенных, мертворождаемости в зависимости от социального и семейного положения матери, времени года, заболеваний матери и ребенка.

При родовспомогательном заведении действовала повивальная школа, где детские болезни с 1903/1904 учебного года преподавал В.П. Жуковский. В родовспомогательном заведении он работал до 1910 г. (с 1906 г. — сверхштатным врачом).

Мечтой В.П. Жуковского было получение кафедры детских болезней, где он мог бы реализовать свои способности, поэтому он неоднократно участвовал в конкурсах на вакантные ка-

федры. В 1901 г. В.П. Жуковский баллотировался на должность профессора кафедры детских болезней с клиникою Томского университета. Его конкурентами были приват-доцент Томского университета С.М. Тимашев и доктор Е.Э. Иванов. Для рассмотрения ученых трудов и преподавательских достоинств кандидатов была избрана специальная комиссия из представителей профессоров: И.Н. Грамматикати, М.Г. Курлова и А.П. Коркунова. В заключении комиссии работы В.П. Жуковского были оценены как недостаточно научные, малополезные при изучении детских болезней, с чем, конечно, трудно согласиться. Большинство голосов был избран С.М. Тимашев [6].

Желая реализовать свою потребность в общении с будущими врачами, В.П. Жуковский становится приват-доцентом на кафедре детских болезней в Московском университете.

В конце 1901 г. была объявлена вакантная кафедра болезней в Харьковском университете. В конкурсе участвовали приват-доценты Харьковского университета И.А. Баранников и Н.Н. Филиппов, приват-доцент Киевского университета И.В. Троицкий и В.П. Жуковский. Члены специально избранной комиссии на заседании 30 ноября 1902 г. после обсуждения научных сочинений кандидатов высказались, что только И.В. Троицкий и В.П. Жуковский удовлетворяют тем требованиям, которые можно предъявить к профессору кафедры [7]. Наибольшее число избирательных голосов при баллотировке получил И.В. Троицкий.

В 900-е годы В.П. Жуковский начал готовить материалы для обширного руководства, которое вышло в 1908 г. в Петербурге под названием "Курс детских болезней" (536 с.). Книга состоит из следующих разделов: болезни новорожденных, острые инфекционные болезни, общие заболевания, болезни нервной системы, органов дыхания, пищеварительных органов, мочеполовых органов, некоторые врожденные заболевания и уродства, болезни кожи. В приложении приведены краткие данные из анатомии и физиологии детского организма. Конечно, не со всем сегодня можно согласиться; так, в общие заболевания В.П. Жуковский отнес рахит, хондродистрофию, геморрагические заболевания, золотуху, наследственный сифилис, а заболевания, которые сегодня мы относим к эндокринным, изложены в разделе "некоторые врожденные заболевания и уродства". Несовершенство классификации объясняется недостаточным знанием этиологии и патогенеза. Изложение же клиники, диагностики, в некоторых случаях этиологии и патогенеза, является правильным и с позиций сегодняшнего дня. Особенность книги — ее иллюстративность, что тогда было редкостью, а также приведенной литературой по каждой нозологической форме.

С 1908 г. В.П. Жуковский связан с Тарту, где он в ка-

честве приват-доцента начинает преподавать детские болезни в университете, постоянно увеличивая курс. Кроме того, он читал специальный курс по оспопрививанию и острым инфекционным болезням у детей.

До 1908 г. несмотря на существование в Тартуском университете кафедры акушерства, женских и детских болезней педиатрия на этой кафедре не читалась. Преподавание велось на кафедре специальной патологии и клиники (с 1903 г. кафедры факультетской терапии), которой руководил К.К. Дегио, получивший прекрасную подготовку по детским болезням у К.А. Раухфуса.

В Тарту не было ни детской больницы, ни детской клиники, а теоретическое преподавание педиатрии не могло устроить В.П. Жуковского. Поэтому он стал добиваться открытия амбулатории для проходящих детей и весной 1909 г. представил свой проект на рассмотрение медицинского факультета. До открытия амбулатории прием осуществлялся по воскресеньям в университетской поликлинике. Открытию амбулатории способствовали и студенты. 22 февраля 1901 г. 54 студента подписали письмо с требованием выделения помещения для амбулаторного приема детей. Окончательно вопрос был решен осенью 1909 г., когда Правление университета ассигновало из специальных средств 1500 рублей. Такая сумма не могла покрыть даже самые необходимые расходы. 27 сентября 1909 г. амбулатория начала действовать, причем в первый год она существовала в наемной квартире на ул. Яани, 28, на второй год — также в наемной квартире на ул. Кроонуая, 31 [8].

Заслугой В.П. Жуковского являлось оснащение амбулатории современным оборудованием: был приобретен инвентарь для лаборатории, где проводились химические, микроскопические и бактериологические исследования, приборы для весовых и линейных измерений тела, ларингоскопы, различные зеркала, хирургические инструменты, аппараты для пастеризации и стерилизации инструментов, набор для трахеотомии и интубации, из Вены был выписан специальный фантом для обучения студентов технике интубации, имелись пробы всевозможных лечебных сыровороток для демонстрации студентам.

За первый год работы амбулатории было принято 527 детей по поводу заболевания и 359 детям сделана прививка оспы. Поскольку специально обученных помощников не имелось, то этот труд брали на себя студенты в качестве так называемых субассистентов — они проводили измерения и взвешивания детей, выписывали рецепты, вели истории болезней, занимались в лаборатории.

В.П. Жуковский рассматривал амбулаторию не только “как

школу для ухода за детьми и как определенное место для матерей, куда они обращаются за советами о правильном кормлении, воспитании, лечении и помощи при заболеваниях детей", но и как учреждение, в котором должна вестись научная работа по изучению и обобщению данных, полученных в результате амбулаторных приемов, причем обязательно с привлечением студентов [9]. Учитывая это, В.П. Жуковский разработал амбулаторный листок, в который подробно записывались разнообразные сведения о ребенке (способ вскармливания, предшествующие заболевания, наличие прививки против оспы, сопутствующие заболевания, зажиточность родителей, условия жизни и др.). С первых же дней работы амбулатории В.П. Жуковский привлек студентов к выполнению научной работы. Изучалась частота рахита в Тарту, причем не ограничивались детьми, приходившими в амбулаторию, но исследовались дети и при обходе домов. Результаты работы были доложены студентами на заседании Медицинского общества им. Пирогова при Тартуском университете. Вторая студенческая работа посвящалась исследованию опухоли мозга у 5-летней девочки, доклад также представлен вниманию общественности.

В 1911 г. курс детских болезней в Тартуском университете стал обязательным для студентов, и В.П. Жуковский начал добиваться организации специальной кафедры и клиники. Совет университета решил открыть клинику детских болезней и ассигновать 40 000 рублей, которых могло бы хватить на строительство небольшой клиники на 20 коек [10]. Но Министерство просвещения не утвердило смету, для устройства детской клиники было выдано 10 000 рублей, на которые купили здание на Мельничной ул., 6, куда и перевели амбулаторию. Полноценной клиники так и не было создано.

В 1912 г. В.П. Жуковский был утвержден в звании сверхштатного экстраординарного профессора по детским болезням, но при кафедре акушерства, женских и детских болезней. Эта должность не предусматривала выплаты содержания.

Не получая жалованья с марта 1912 г., В.П. Жуковскому было трудно содержать семью (жену и троих детей), причем он не имел частной практики в Тарту и вынужден был еженедельно ездить в Петербург, где у него имелась практика и лекции в различных учебных заведениях. Это вынудило его обратиться к министру народного просвещения, разным высокопоставленным лицам с просьбой о назначении его на свободную кафедру на родине В.П. Жуковского в Киеве, что ему и было обещано [11].

В 1912 г. после смерти В.Е. Чернова освободилась кафедра детских болезней в Киеве. Однако вопреки ожиданиям, был объявлен конкурс. В.П. Жуковский считал для себя невозможным

участвовать в конкурсе наряду с приват-доцентами и поэтому вопрос о получении кафедры был решен отрицательно, и В.П. Жуковский продолжал работу в Тартуском университете.

Оценивая деятельность В.П. Жуковского в Тартуском университете надо признать, что именно с его именем связан новый этап в преподавании детских болезней. Несмотря на то, что специальной кафедры детских болезней создано не было, курс педиатрии был отделен от других предметов и стал обязательным. Преподавание велось высококвалифицированным специалистом-педиатром, теоретическое обучение соединялось с практическим. Невозможность создания полноценной клиники и отсутствие штатной кафедры не дали возможности В.П. Жуковскому создать коллектив для ведения планомерной научной работы.

В эти годы В.П. Жуковский опубликовал работы о врожденном гортанном свистеб множественном кистозном перерождении почек, лекции по оспопрививанию.

Наиболее интересной нам представляется работа "Врожденные пороки сердца у детей при рождении" (Спб., 1913), в которой он рассматривает различные виды пороков, дает их классификацию и пытается разработать критерии прижизненной диагностики пороков. В.П. Жуковского вместе с К.А. Раухфусом можно назвать пионерами в разработке данного раздела детской патологии.

В Тарту же В.П. Жуковский читал курс детских болезней в частном университете, где с 1910 г. принимал больных детей, а с 1912 г. заведовал детской клиникой на 12 коек.

К сожалению, конец деятельности В.П. Жуковского в Тарту был омрачен большими неприятностями. Появилось подозрение, что в детской амбулатории неправильно и небрежно ведутся счета, а также книги для записи имущества клиники. При проверке многие записи были составлены неграмотно, неполно, перечеркнуты, т.к. велись служительницами. Была создана специальная комиссия, проверяющая делопроизводство [12]. 1 июня 1916 г. В.П. Жуковский был вызван в управление Рижского учебного округа для переговоров. Однако в это время он находился в Анапе, т.к. на летние месяцы поступил на должность консультанта лечебных учреждений и директора санатория военно-санитарного ведомства, в котором находилось свыше 100 больных и раненых воинов. Он уведомил телеграммой, что выехать не может. По его возвращению проверки продолжались. В.П. Жуковский мотивировал имеющиеся нарушения отсутствием постоянных штатных работников, своими вынужденными частыми отъездами из Тарту в связи с недостаточным содержанием. Вместе с тем В.П. Жуковскому было предъявлено еще одно обвинение в том, что он перед экзаменами сообщал студентам, в каком порядке будут

предлагаться вопросы на экзамене. Причем Совет медицинского факультета полагал, что профессор В.П. Жуковский действовал не из корыстных побуждений. В письменном объяснении от 12 октября 1916 г. В.П. Жуковский писал, что действительно предупреждал студентов, исходя из того, что студенты слушали курс лишь в одном семестре, клиническое преподавание велось на амбулаторных больных. Тем более, что осенью 1915 г. помещение детской амбулатории было отведено под офицерский запасной лазарет Красного Креста, чтение лекций и занятия со студентами пришлось вести в других клиниках (внутренних болезней и акушерства). В результате невозможности настоящего клинического преподавания и должного ознакомления студентов с одной из труднейших специальностей, по словам В.П. Жуковского, "экзаменующиеся приходят в крайне возбужденное нервное состояние", отвечают лишь то, что могут вызубрить по книге, а программа требует более широких знаний. Отсюда большое количество неудовлетворительных отметок, крайнее волнение экзаменующихся, их протесты, отказы от экзаменов, истерики, обмороки и т.п.

В связи с этими нарушениями В.П. Жуковскому не только не была представлена возможность перейти на штатную должность в Тартуском университете, которая представлялась согласно изменениям некоторых постановлений Устава Российских университетов, но встал вопрос об экстренном заседании Совета университета для обсуждения вопроса о допустимости дальнейшего пребывания В.П. Жуковского в составе профессоров Тартуского университета в виду поступков "несовместимых с достоинством профессорского звания". 12 мая 1917 г. Совет университета решал этот вопрос, но т.к. отсутствовал кворум, то немедленного решения принять было невозможно, вопрос был отложен до осени 1917 г.

После революции В.П. Жуковский с 1924 по 1929 г. возглавлял кафедру детских болезней в Смоленском университете [13]. Он также продолжал работать консультантом на детских курортах Евпатории и Анапы, изучая сравнительную оценку влияния их климата на организм ребенка (1914-1924). Работы смоленского периода посвящены изучению малярии и разработке методов ее лечения у детей.

В 1930 г. общественностью Смоленска была отмечена 40-летняя врачебная, научная и педагогическая деятельность В.П. Жуковского. Оставив заведование кафедрой, он продолжал заниматься научной работой [14].

Умер В.П. Жуковский и похоронен в Смоленске в 1938 г.

Подводя итоги, можно сказать, что В.П. Жуковский принадлежит к тем отечественным педиатрам, с именем которых свя-

зано утверждение педиатрии как отдельной отрасли медицины и разработка новых актуальных проблем педиатрии. Ему принадлежат одни из первых в нашей стране работы по неонатологии, невропатологии, изучению пороков сердца у детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГИА СССР, Ф. 740. Оп. 13. Дело 769. 1914. л. 156-162.
2. Маслов М.С. Пятидесятилетие Ленинградского Общества детских врачей. Л., 1936. С. 70-71.
3. ЦГИА СССР, Ф. 733. Оп. 151. Дело 37. Л. 46 об.
4. Сперанский Г.Н. Опыт устройства и ведения специальной лечебницы для детей грудного возраста // Труды I Всесоюзного съезда детских врачей. Спб., 1913. С. 93.
5. Медицинский отчет по имп. С.-Петербургскому родовспомогательному заведению за 1901-1902-1903 гг. Спб., 1904. С. 131-142.
6. ЦГИА СССР, Ф. 733. Оп. 151. Дело 238; 1901-1902. Л. 32-58.
7. ЦГИА СССР, Ф. 733. Оп. 151. Дело 549; 1903. Л. 225-324.
8. Керес Л. О преподавании детских болезней и о научных исследованиях по педиатрии в Тартуском университете в период 1802-1971 гг. // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1972. Вып. 295. С. 7-33.
9. Жуковский В.П. Отчет о деятельности вновь учрежденной детской амбулатории при имп. Юрьевском университете за 1909/10 уч. год. Юрьев, 1911. 120 с.
10. Педиатрия. 1911. Т. 1, № 4. С. 351.
11. ЦГИА СССР, Ф. 733. Оп. 151. Дело 765; 1913-1914. Л. 88-308.
12. ИА Эстонии. Ф. 384. Оп. 1. Дело 3334, 1911-1917. Л. 31-112 об.
13. Смоленский государственный медицинский институт (1920-1970): Исторический очерк. Смоленск, 1970. С. 307.
14. Педиатрия. 1938. № 11. С. 158.

V. ZHUKOVSKY AND HIS PART IN TEACHING PEDIATRY AT TARTU UNIVERSITY

G.L. Mikirtichan

Summary

The Paper is devoted to the famous pediatrician of the end of the XIX – the beginning of the XX century V.P. Zhukovsky (1861–1938), who got scientific and clinical education at Medical Military Academy children's diseases department headed by N.I. Bystrov.

Special attention is paid to the period of 1908–1917, when V.P. Zhukovsky, teaching children's diseases at Tartu University as assistant professor and then as extraordinary professor, organized an ambulatory clinic for practical training.

Besides that, Zhukovsky's scientific works are analysed and his social activity is described in the Paper.

ВОСПИТАННИК ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА — ПРОФЕССОР ТЕРАПИИ Ф.Т. ТЮЛЬПИН

Константин Константинович Васильев,
Виктор Владимирович Калнин

Как следует из метрического свидетельства, Федор Тимофеевич Тюльпин родился 21 сентября (3 октября) 1866 г. в селе Монаенок Белёвского уезда Тульской губернии в семье казенного крестьянина Тимофея Захаровича и законной его жены Агафьи Ивановны [1]. В 1888 г. Ф.П. Тюльпин, получив среднее образование в Тульской гимназии, поступил на медицинский факультет Московского университета, а в 1892 г. перевелся на такой же факультет Тартуского университета.

12 декабря 1896 г. Федор Тимофеевич был удостоен степени и после этого начал заниматься в факультетской терапевтической клинике Тартуского университета в качестве врача-экстерна. С 3 августа 1898 г. он — сверхштатный ассистент поликлиники этого университета, директором которой состоял профессор кафедры диагностики и пропедевтики Н.А. Савельев. Ф.Т. Тюльпин принимал амбулаторных больных в поликлинике и содействовал студентам V курса в оказании медицинской помощи больным на дому. Он привлекался также к подготовке демонстраций для клинических лекций профессора диагностики и пропедевтики [2].

Докторскую диссертацию «О действии дынковой пыли на лаковую кровь» Федор Тимофеевич подготовил по предложению и под руководством проф. Д.М. Лаврова и защитил ее 6 июня 1906 г. в Тартуском университете. С 5 июня 1910 г., одновременно работая сверхштатным ассистентом, Ф.Т. Тюльпин был приват-доцентом.

Начиная с осени 1910 г. он приступил к чтению курса частной патологии и терапии с демонстрацией для студентов 3-го и 4-го курсов амбулаторного материала поликлиники Тартуского университета, число больных которой доходило до 5000–6000 человек в год. В осенний семестр 1911 г. ему было поручено от медицинского факультета читать студентам V-го семестра обязательный курс врачебной диагностики с практическими занятиями [3].

Кроме того, в 1910–1914 гг. Ф.Т. Тюльпин возглавлял ка-

федру частной патологии и терапии, а в 1911–1914 гг. — и кафедру факультетской терапевтической клиники частных университетских курсов в Тарту.

В 1910 г. Федор Тимофеевич принял участие в работе XI съезда Общества русских врачей в память о Н.И. Пирогове, где на подсекции по реформе высшего медицинского образования он зачитал доклад проф. Н.А. Савельева “Поликлиника в России, подача ею внебольничной врачебной помощи городской бедноте и значение ее в деле подготовки студентов-медиков к будущей их самостоятельной врачебной деятельности” [4].

В период работы в Тарту Ф.Т. Тюльпин дважды был командирован с научной целью за границу. В 1900 г. — на время летних вакаций для посещения клиник и курортов Западной Европы. Во время пребывания в Берлине он занимался в клинике внутренних болезней и на кафедре патологической анатомии, слушал лекции: Р. Вирхова (R. Virchow, 1821–1902), Э. Лейдена (E. Leyden, 1831–1910) и др. Посещая затем курорты Германии и Австрии, он специально знакомится здесь с методами водолечения, грязелечения и массажа. В том же 1900 г. Ф.Т. Тюльпин участвовал в XIII международном медицинском конгрессе в Париже. С 15 мая по 1 сентября 1907 г. он снова был командирован за границу. Работал в клиниках Вены под руководством проф. Т. Эшериха (T. Escherich, 1857–1911) и др. [5].

С 14 июля 1914 г. Ф.Т. Тюльпин — профессор Новороссийского университета в Одессе по кафедре врачебной диагностики с пропедевтической клиникой. На молодом медицинском факультете Новороссийского университета — он был открыт в 1900 г. — врачебная диагностика стала преподаваться с 1902 г. На осенний семестр 1902 г. чтение лекций по диагностике временно поручили заведующему кафедрой частной патологии и терапии проф. А.В. Богданову. Диагностика преподавалась в пределах теоретического курса, так как еще не была оборудована пропедевтическая клиника. В 1903 г. в специально построенном здании первого клинического корпуса медфакультета, на углу теперешних улиц Академика Павлова и Пастера, была открыта пропедевтическая клиника. В весеннем семестре 1903 г. кафедру врачебной диагностики с пропедевтической клиникой возглавил проф. С.В. Левашов (1857–1919), а с осеннего семестра 1903 г. по 1914 г. — проф. П.А. Вальтер.

В 1917 г. Ф.Т. Тюльпин как профессор назначенный, а не избранный уволен согласно телеграмме Министерства народного просвещения от 16 марта 1917 г. Медицинский факультет вновь представил его кандидатуру совету университета. Однако 28 марта 1917 г. совет его не избрал. В Одессе Ф.Т. Тюльпин работает и на Высших женских медицинских курсах [6]. В 1915

г. он был избран членом педагогического совета курсов. В 1915–1920 гг. он являлся секретарем педагогического совета курсов (с перерывом в апреле–ноябре 1917 г.). Одновременно в 1918–1920 гг. Федор Тимофеевич возглавлял на этих курсах кафедру частной патологии и терапии [7].

С 1 сентября 1918 г. ассистентом на кафедре Высших женских медицинских курсов у проф. Ф.Т. Тюльпина был Валентин Аполлонович Лучинин (1880–1959), который в 1909 г. окончил Юрьевский университет. С 1920-х годов он был ассистентом кафедры пропедевтической терапии Одесского медицинского института и в 1939 г. защитил диссертацию на степень кандидата медицинских наук [8].

После слияния в 1920 г. медицинского факультета Новороссийского университета и Высших женских медицинских курсов с образованием Одесского медицинского института проф. Ф.Т. Тюльпин возглавил в нем кафедру частной патологии и терапии [9]. С 20 сентября 1923 г. по 1 февраля 1926 г. он занимал должность заместителя декана, а с 1 февраля 1926 г. по 1 июня 1928 г. — декана медицинского факультета медицинского института.

В 1928 г. Ф.Т. Тюльпин ушел в отставку [10].

2–5 сентября 1925 г. в Одессе состоялся Первый съезд терапевтов Одесской губернии, в работе которого участвовал Федор Тимофеевич, сделавший доклад “К вопросу о брадикардиях” [11].

После ухода из медицинского института Ф.Т. Тюльпин был консультантом и научным руководителем во многих санаториях и учреждениях Одесского курортного управления.

Он скончался 2 февраля 1942 г. в Одессе, где и был похоронен на новом христианском кладбище (32 участок).

ЛИТЕРАТУРА

1. Личный архив Ф.Т. Тюльпина. Ныне хранится у А.С. Гусаровой (Москва).
2. Исторический архив Эстонии. Ф. 384. Оп. 1. Ед. хр. 3434.
3. О Ф.Т. Тюльпине // Россия в ее прошлом и настоящем. М., тип. В.М. Саблина, 1914. Биографическая справка Ф.Т. Тюльпина находится после раздела “Эволюция медицины на Руси за три века”. Страницы без пагинации. Биографическая справка помещена не во всех экземплярах этой книги.
4. Труды XI Пироговского съезда. Спб., 1911. Т. 1. С. 194–197.
5. Исторический архив Эстонии. Ф. 402. Оп. 3. Ед. хр. 1786.

6. Васильев К.К., Калнин В.В. Тартуский университет и Одесские высшие женские медицинские курсы // Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1985. Т. XVIII. С. 98-102.
7. Государственный архив Одесской области /ГА ОО/. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 96. Лл. 148-149.
8. Личный архив В.А. Лучинина. Ныне хранится у его дочери (Одесса).
9. ГА ОО. Ф. Р-2147. Оп. 1. Ед. хр. 18^а. Лл. 197-197об.
10. Личное дело проф. Ф.Т. Тюльпина в Одесском медицинском институте.
11. Труды Первого съезда терапевтов 6. Одесской губернии /2-5 сентября 1925 г./ Одесса: Издание Одесского терапевтического общества, 1926. С. 144-146.

A GRADUATE OF TARTU UNIVERSITY F. TYULPIN, PROFESSOR OF THERAPY

K.K. Vassilyev, V. Kalnin

Summary

The article is devoted to a graduate of Tartu University F.T. Tyulpin. Some biographical data of F.T. Tyulpin are presented. After graduating from Tartu University F.T. Tyulpin worked as an assistant in the University Polyclinic headed by N.A. Savelyev. He defended his dissertation for the Doctor of Medicine academic degree in 1906. From 1910 on he worked as Privatdozent and conducted a course of medical diagnostics for fifth-year medical students. He repeatedly visited universities abroad. In 1910-1914 he headed the Subdepartment of Therapy at M. Rostovtsev's Private University. In 1914 F.T. Tyulpin accepted the Professorship of therapy at the Odessa University. He was the head of a subdepartment at the Odessa Higher Medical Courses for Women in 1918-1920, and at the Odessa Medical Institute in 1920-1928. F.T. Tyulpin died in Odessa in 1942.

**ВОСПИТАННИК
МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРОФЕССОР В.В. ЗАВЬЯЛОВ
(1873–1930)**

**Константин Георгиевич Васильев,
Константин Константинович Васильев,
Виктор Владимирович Калнин**

Жизнь и деятельность профессора физиологии Василия Васильевича Завьялова еще не получила должного освещения. Его имя упоминается лишь в отдельных публикациях [1, 2].

В.В. Завьялов родился 15 (27) июня 1873 г. в селце Нововасильевском Бореющей волости Чухломского уезда Костромской губернии (ныне Костромская обл.) в семье крестьянина. Его отец Василий Антонович и мать Ольга Алексеевна были русские православного вероисповедания.

В 1883 г. В.В. Завьялов поступил в Костромскую гимназию и в 1891 г. окончил ее с золотой медалью. В том же 1891 г. он был принят на медицинский факультет Московского университета [3]. На 2-ом курсе занимался в лаборатории медицинской химии проф. А.Д. Булыгинского (1838–1907), а на 3-ем — в физиологической лаборатории проф. Л.З. Мореховца (1848–1918).

После окончания 7-го семестра В.В. Завьялов 18 января 1895 г. зачислен студентом медицинского факультета Тартуского университета. По всей видимости, этот перевод был связан с его тяжелым материальным положением. Ему как сыну безземельного крестьянина, женившегося в 1894 г. на дочери крестьянина области войска Донского, повивальной бабке девице Гликерии Матвеевне Науменко (1872–1904) и ждавшей ребенка (28 февраля 1895 г. родился первенец Всеволод), было важно иметь какой-то постоянный источник заработка. В Тартуском университете такая возможность имелась, 12 июня 1894 г. профессором физиологии сюда был назначен приват-доцент Московского университета В.Н. Попов (1862/1863–1895). Последний, надо думать, и пригласил В.В. Завьялова переехать в Тарту. С 1 февраля 1895 г. Василий Васильевич был допущен правлением университета к исполнению обязанностей ассистен-

та по найму в физиологическом институте (постановление от 20 января 1895 г.).

Эту должность ассистента по найму он продолжал занимать и после смерти 19 октября 1896 г. проф. В.Н. Попова, когда с 24 января 1896 г. кафедру физиологии возглавил проф. В.П. Курчинский (1855–1919). Только 8 августа 1900 г. В.В. Завьялов был освобожден от исполнения этих обязанностей (постановление правления университета от 10 августа 1900 г.).

3 декабря 1896 г. В.В. Завьялов был удостоен степени лекаря. Продолжая заниматься на кафедре физиологии, он подготовил диссертацию “К теории белкового пищеварения”, в которой выразил глубокую благодарность проф. В.П. Курчинскому за помощь советами и указаниями при ее выполнении. Диссертация Василия Васильевича посвящена исследованию условий образования под влиянием протеолитических ферментов белкоподобных веществ (пластеинов), которым он придавал большое физиологическое значение [4].

15 мая 1899 г. после успешной защиты диссертации на медицинском факультете Тартуского университета В.В. Завьялов получил ученую степень доктора медицины [5]. В том же году он ходатайствует о допущении его к чтению лекций по физиологии и физиологической химии в качестве приват-доцента. В связи с этим проф. В.П. Курчинский писал, что работы Василия Васильевича, помимо самостоятельного значения, важны еще и “потому, что обнаруживают в нем серьезное и основательное знакомство с физиологией и физиологической химией, ... кроме того, личное ежедневное научное общение мое с доктором Завьяловым за три с лишком года, в течение которых он состоял ассистентом при физиологическом институте, давало мне возможность убедиться в научном направлении его и в основательной подготовке его не только по физиологии и физиологической химии, но и по смежным вспомогательным наукам. В течение этого времени я нередко доверял доктору Завьялову поручения по руководству практическими занятиями студентов в лаборатории и он выполнял их с полным успехом и знанием дела.

Все это позволяет мне горячо поддержать ходатайство д-ра Завьялова” [6].

16 сентября совет Тартуского университета утвердил В.В. Завьялова в звании приват-доцента. В весеннем семестре 1900 г. он по поручению факультета читал обязательный курс физиологической химии и вел практические занятия по этому предмету студентам-медикам второго курса. В последующие два семестра Василий Васильевич читал необязательный курс физиологической химии.

В 1900 г. в Одессе открывается медицинский факультет Новороссийского университета. С третьего семестра, согласно учебным планам того времени, студенты-медики приступали к изучению физиологии и физиологической химии, которые стали преподаваться в Одессе на двух самостоятельных кафедрах в отличие от Тарту, где для этих курсов не было двух профессоров. Организатором и первым руководителем кафедры физиологической химии был проф. А.К. Медведев (1863–1922), назначенный на эту должность с 1 мая 1901 г.

30 мая 1901 г. медицинский факультет Новороссийского университета избрал В.В. Завьялова лаборантом при кафедре физиологической химии, а 8 октября того же года он утвержден в этой должности попечителем Одесского учебного округа. Василий Васильевич переезжает в Одессу и 6 ноября 1901 г. утверждается также приват-доцентом по физиологической химии [7].

С 1903 г. В.В. Завьялов — профессор физиологии на физико-математическом факультете Новороссийского университета.

В истории преподавания физиологии в Новороссийском университете до 1920 г. (в этом году в Одессе окончательно установлена Советская власть, и университет расформирован на отдельные институты) можно выделить три периода. Первый: с 1865 по 1871 г., когда не было отдельного преподавателя для ведения физиологии на физико-математическом факультете и ее читало то же лицо, которое преподавало анатомию человека — штатный доцент Н.О. Вернштейн (1836–1891). Второй: с 1871 г., когда физиология преподавалась отдельным профессором. В 1871–1876 гг. им был И.М. Сеченов (1829–1905), в 1876–1893 гг. — П.А. Сапиро (1844–1893) и в 1894–1903 гг. — Б.Ф. Вериги (1860–1925). И третий: с 1901 г., когда создается кафедра физиологии на медицинском факультете. В 1901–1914 гг. эту кафедру возглавил перешедший с физико-математического факультета проф. Б.Ф. Вериги (в 1901–1903 гг. он продолжал параллельно преподавать и на физико-математическом факультете), а с 1915 г. — проф. Б.П. Бабкин (1877–1950).

С переходом Б.Ф. Вериги на медицинский факультет физико-математический факультет университета объявил конкурс на открывшуюся вакансию профессора по предмету физиологии животных и на своем заседании 12 февраля 1903 г. избирает В.В. Завьялова (высочайшим приказом назначен 24 мая 1903 г.).

Для теоретических кафедр медицинского факультета был специально возведен четырехэтажный корпус (арх. Н.К. Толвинский, ныне ул. Акад. Павлова, 4). В левом крыле этого здания (ближней к ул. Херсонской — ныне ул. Пастера) разместились, в том числе: на третьем этаже — в 1901 г. кафедра

физиологической химии, на втором этаже — в 1901 г. кафедра физиологии медицинского факультета, а на первом этаже — с 1903 г. кафедра физиологии физико-математического факультета, руководимая проф. В.В. Завьяловым.

В Одессе у Василия Васильевича на кафедре работал И.С. Бериташвили (Беритов, 1884–1974), впоследствии академик АН СССР, АН Грузинской ССР и АМН СССР. 23 октября 1915 г. на заседании физико-математического факультета было заслушано предложение В.В. Завьялова об избрании на должность старшего ассистента физиологической лаборатории И.С. Бериташвили. Последний был единогласно избран, и 22 декабря 1915 г. попечитель Одесского учебного округа утвердил его в этой должности со дня избрания факультетом. Кроме того, 10 марта 1916 г. И.С. Бериташвили факультет избрал приват-доцентом. 14 октября 1919 г. в связи с переходом на службу в Тифлисский университет (ныне Тбилисский), И.С. Бериташвили подал прошение об увольнении и был уволен этим же числом [8].

В 1916–1919 гг. у проф. В.В. Завьялова ассистентом являлся также Д.С. Воронцов (1886–1965), впоследствии академик АН Украинской ССР. 29 апреля 1916 г. его избрали младшим ассистентом, а 24 февраля 1917 г. приват-доцентом. На физико-математическом факультете Д.С. Воронцов защитил диссертацию на степень магистра зоологии, сравнительной зоологии и физиологии (“Анализ электрограммы сердца лягушки”), которая 11 июня 1918 г. была утверждена Советом Новороссийского университета. 19 декабря 1919 г. он переведен на должность старшего ассистента [9].

И.С. Бериташвили и Д.С. Воронцов — оба ученики петроградского проф. Н.Е. Введенского (1852–1922) — приехали в Одессу уже сложившимися учеными, со своими творческими планами, которые были далеки от научных интересов проф. В.В. Завьялова, являвшегося больше биохимиком, чем физиологом. Однако последний не был против того, чтобы они продолжили свои исследования в физиологической лаборатории Новороссийского университета.

Одновременно со службой в Новороссийском университете проф. В.В. Завьялов работал на одесских высших женских медицинских курсах, функционировавших в 1910–1920 гг. С начала осеннего семестра 1915 г. до конца осеннего семестра 1919 г. он возглавлял здесь кафедру физиологии, а с 29 декабря 1916 г. он также являлся членом педагогического совета этих курсов (вплоть до своего отъезда из Одессы в начале 1920 г.) [10].

Кроме того, проф. В.В. Завьялов преподавал на Одесских высших женских курсах, которые в своем составе имели и физико-математический факультет. Этот факультет состоял

из естественного, математического, а с 1915 г. еще и химико-фармацевтического отделений. На естественном отделении проф. В.В. Завьялов вел курсы: в 1914–1920 гг. физиологии животных, в 1908–1910 гг. и 1914–1920 гг. физиологической химии. Он преподавал и на химико-фармацевтическом отделении: в 1916–1920 гг. физиологию и одновременно в 1917–1920 гг. физиологическую химию [11].

С 1902 г. на протяжении многих лет проф. В.В. Завьялов в летний сезон работал на Кавказских курортах, заведая в Ессентуках химико-микробиологической и бактериологической лабораторией Общества врачей, практикующих на Кавказских минеральных водах. Еще в 1889 г. в Ессентуках образовался “частный кружок” из практикующих на водах врачей, желающих осуществить известные мероприятия, необходимые в условиях деятельности врачей на водах. С этой целью в 1900 г. им и была открыта химико-микроскопическая и бактериологическая лаборатория в Ессентуках. В 1902 г. кружок врачей был преобразован в Общество врачей, практикующих на Кавказских минеральных водах. Согласно утвержденному в этом году уставу общества, целью его было объединить деятельность врачей, практикующих на минеральных водах, способствовать процветанию этих вод дальнейшим изучением их и условий лечения и пребывания больных на курортах. Таким образом, членами Общества были врачи, съезжавшиеся на летний сезон на курорты Северного Кавказа из различных городов России. В.В. Завьялов стал действительным членом этого общества в 1902 г. На заседаниях обсуждались как научные доклады, так и различные практические вопросы, касавшиеся благоустройства вод.

1 июня 1903 г. на заседании общества В.В. Завьялов сделал сообщение — “О влиянии Ессентукской № 20 воды на отделение пищеварительных соков у животных” [12]. Докладчик впервые для изучения действия этой воды применил физиологический метод на животных (собаках), оперированных по способу проф. И.П. Павлова. В последующие годы Василий Васильевич возвращался к исследованию ессентукских минеральных вод: “К вопросу о флоре источника № 20” (доклад в 1912 г.) [13], “Происхождение сероводорода в ессентукских ключах” (доклад совместно с Я.Е. Гермидер в 1913 г.) [14], “Об истинной щелочности ессентукских источников” (доклад в 1914 г.).

В.В. Завьялов занимался и изучением грязей Тамбуканского озера (Северный Кавказ). В связи с этим он сделал ряд сообщений Обществу врачей, практикующих на Кавказских минеральных водах: “К биохимии лечебных грязей Тамбуканского озера” (в 1906 и 1912 гг.), “О пурпурных бактериях тамбуканской грязи” [15].

В Одессе с 1876 г. функционировало бальнеологическое общество, поставившее изучение одесского курортного района на научную основу. В.В. Завьялов активно работал в этом обществе [16]. В 1910–1914 гг. он был председателем Одесского бальнеологического общества.

В одесский период В.В. Завьялов продолжил свои исследования пластейнов. Обычно в опытах пластейны получали в виде осадка, растворяющегося в слабых щелочах, но нерастворимого в воде. В 1903 г. Василию Васильевичу удалось получить пластейны в растворенном виде, которые при повышении температуры и при некоторых других условиях выпадали в осадок [17].

Пластейнам был посвящен доклад В.В. Завьялова на X съезде русских врачей в память о Н.И. Пирогове, проходившем 25 апреля – 2 мая 1907 г. в Москве. Он показал, что реакция образования пластейнов является синтетической и что молекулярный вес растворимых пластейнов больше молекулярного веса исходного материала.

Необходимо также отметить его работы: “Значение минеральных солей для питания животных” [18], “К вопросу о строении хондрой тиносерной кислоты” [19], “М. Ненцкий как биолог” [20].

В Одессе В.В. Завьялов много внимания уделяет составлению учебников. Он автор учебников как для вузов, так и для средних учебных заведений. Для студентов естественных отделений физико-математических факультетов университетов им изданы “Физиологические опыты. Краткое руководство к практическим занятиям по физиологии животных” [Киев: Сотрудник, 1909. — 108 с.]

Книга “Физиология человека” была В.В. Завьяловым подготовлена для средних медицинских школ [1-е издание: Киев: Сотрудник, 1906. — 240 с.; 8-е издание: Киев, 1922. — 216 с.].

Его “Учебник анатомии и физиологии человека”, удостоенный Ученым комитетом Министерства народного просвещения малой премии имени Петра Великого, был допущен в качестве учебного пособия для училищ реальных, коммерческих и епархиальных женских и кадетских корпусов [1-е издание: Киев: Пироговское т-во, 1907. — 175 с.; 2-е издание: то же, 1909. — 165 с.; 3-е исправленное и дополненное издание: то же, 1910. — 226 с.; 4-е исправленное и дополненное издание: то же, 1912. — 239 с.; 5-е исправленное и дополненное издание: то же, 1914. — 238 с.; 6-е издание: то же, 1916. — 188 с.].

Учащимся средних медицинских учебных заведений были адресованы книги: “Начальный курс гигиены” [соавтор П.Н. Диатроптов; 1-е издание: Киев: Пироговское т-во, 1910. — Часть I. — 272 с. и 1913. — Часть 2. — 152 с.; 2-е изда-

ние: то же, 1915. — Часть I. — 268 с. и Часть 2. — 147 с.] и “Элементарный учебник анатомии, физиологии и гигиены” [I-е издание: Киев: Пироговское т-во, 1912. — 194 с.; 2-е издание: то же, 1917. — 168 с.; 3-е издание: то же, 1918. — 168 с.].

В.В. Завьяловым был написан учебник “Краткий очерк физиологии человека”, который, как отмечено в предисловии, предназначен, главным образом, для самообразования [I-е издание: М.: Наука, 1916. — 345 с.; 2-е издание: Берлин: Гос. изд-во РСФСР, 1922. — 356 с.].

Проф. Завьяловым В.В. сделан перевод ряда книг. Это “Учебник физиологии” проф. Е. Гедон (E. Hedon) [первое издание: Киев: Сотрудник, 1907. — 2, VIII, 496; десятое: Пг.-Киев, 1920. — VIII, 512 с.] и книга проф. Дж. Лёба “Динамика живого вещества” [Одесса, Mathesis, 1910. — VI, 353 с.]. Затем “Руководство по физиологии человека для врачей и студентов” под редакцией проф. Н. Цунтц (N. Zuntz) и проф. А. Леви (A. Loevy) [Спб.-Киев: Сотрудник, 1910. — Т. 1, XII. — 381 с. и 1911. — Т. 2, XII. — 455 с.].

И еще одно “Руководство по физиологической химии” проф. Э.Абдергальдена, выдержавшее два издания [Спб.-Киев: Сотрудник, 1913. — Т. 1. — 426 с. и 1914. — Т. 2. V. — 427-855 с.; 2-е издание: Пг.-Киев: Сотрудник, 1918. Т. 1. — 426 с. и Т. 2. — 427-856 с.].

Наконец, переведена рассчитанная на широкий круг читателей книга проф. Отто Шмейля (O. Schmeil) “Человек. Учение о человеке и его здоровье” [I-е издание: Киев: Пироговское т-во, 1909, IV. — 80 с.; 8-е издание: Киев, 1922. — 64 с.].

Василий Васильевич занимался также популяризацией достижений медицины. Еще в Тарту им была подготовлена книга “Популярные лекции по физиологической химии”, увидевшая свет в издании “Семейный университет Ф.С. Комаровского. Сборник популярных лекций для самообразования. Биологический факультет” [Спб., 1901. — 176 с.]. В этом же издании, но уже в серии “Медицинского факультета” были опубликованы его брошюры “Физиологические методы лечения” [Спб., 1903. — 63 с.] и “Уход за больным” [Спб., 1903. — 31 с.].

В 1919 — начале 1920 годов из Одессы были вынуждены уехать многие профессора и приват-доценты университета. Эмигрировал и проф. В.В. Завьялов.

Ряд преподавателей медицинского факультета Новороссийского университета стали профессорами медицинского факультета Софийского университета — первенца высшего медицинского образования Болгарии (он был открыт в 1918 г.). Так, А.К. Медведев стал профессором медицинской химии в Софийском университете, а Н.М. Попов (1854-1939) — профессором психиат-

рии. Проф. А.Ф. Маньковский (1868–1946) возглавил там же кафедру гистологии, проф. А.Э. Янишевский (1873–1936) — кафедру нервных болезней, приват-доцент И.Ф. Шапшал — кафедру нормальной анатомии, а проф. Д.Д. Крылов (1879–1945) — кафедру патологической анатомии (последний был в 1922 г. выслан из Одессы). На медицинском факультете Софийского университета работали бывшие профессора и других российских университетов.

В 1920–1930 гг. проф. В.В. Завьялов, возглавляя организованную им кафедру физиологии и физической химии медицинского факультета Софийского университета, много сделал для становления преподавания этих дисциплин в Болгарии. Он автор “Физиологична химия” [София: Художник, 1924, III, — 533 с.] и “Руководство за практически управление по физиологична химия” [София: Ив.К. Божинов, 1925, XIII, — 296 с.] — первого учебника и первого руководства для практических занятий по физиологической химии в Болгарии (обе книги на болгарском языке).

Умер В.В. Завьялов 24 февраля 1930 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялов В.В. [автобиография] // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования. Юрьев, 1903. Т. 2. С. 313–314.
2. Энциклопедия. “България”. София, 1981. Т. 2. С. 647.
3. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Г. Москва. Ф. 418. Оп. 305. Ед. хр. 254. Лл. 1–34 (Личное дело студента В.В. Завьялова).
4. Завьялов В.В. К теории белкового пищеварения. Юрьев: Маттисен, 1899. 214 с.
5. ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед.хр. 9616.
6. ИАЭ. Ф. 402. Оп. 3. Ед.хр. 628. Л. 14об. (Личное дело В.В. Завьялова: лл. 1–65). То же. Ед.хр. 629. Лл. 1–13.
7. Государственный архив Одесской области (ГА ОО). Ф. 45. Оп. 4. Д. 1276. (Дело о службе В.В. Завьялова).
8. ГА ОО. Ф. 45. Оп. 4. Ед.хр. 1112. Лл. 1–39. (Личное дело И.С. Бериташвили).
9. ГА ОО. Ф. 45. Оп. 4. Ед.хр. 1181. Лл. 1–4 и ед.хр. 1181^а. Лл. 1–106. (Дело о службе Д.С. Воронцова).
10. Васильев К.К., Калинин В.В. Тартуский университет и Одесские высшие женские медицинские курсы // Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1985. Т. XVIII. С. 98–102.

11. Васильев К.К. Тартуский университет и Одесские высшие женские курсы // Вопросы истории Тартуского университета. Тарту, 1989. Т. XXIV. С. 152-155.
12. Отчет Общества врачей, практикующих на Кавказских минеральных водах в Ессентуках. Пятигорск, 1903. С. 25-33.
13. Протоколы и труды Общества врачей, практикующих на Кавказских минеральных водах (За 1913 г.). М., 1914. С. 139-154.
14. Там же, с. 135-138.
15. Завьялов В.В. К биохимии Тамбуканского озера // Протоколы и труды Общества врачей, практикующих на Кавказских минеральных водах (за 1902-1906 гг.). М., 1907. С. 276-287. См. также: Завьялов В.В. К биохимии лечебных грязей: Записки Императорского Новороссийского университета. Физико-математический факультет. Одесса: Тип. Техник, 1916. Вып. 10. С. 1-92 (отдельная пагинация).
16. Брусиловский Е.М. Одесское бальнеологическое общество // Терапевтическое обозрение. 1912. № 23. С. 686.
17. Русский врач. 1903. Т. 2, № 3. С. 88-89.
18. Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1913. Т. 83, № 11. С. 1-18 и № 12. С. 23-51.
19. Там же. Одесса, 1916. Т. 87, кн. 1. С. 189-249.
20. Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Одесса, 1903. Т. XXV, вып. 1. С. I-XXVII.

PROFESSOR V.V. ZAVIALOV WAS THE PUPIL OF THE MEDICAL FACULTY OF THE TARTU UNIVERSITY

K.G. Vassilyev, K.K. Vassilyev, V.V. Kalnin

Summary

V.V. Zavialov (1873-1930) was born at the Kostroma province (Russia). At first he was educated at the Kostroma kassic school. Since 1891 he studied medicine at the medical faculty of the Moskow university and then since 1895 at the medical faculty of the Tartu university. In 1896 V.V. Zavialov was the Tartu university graduated and in 1899 he maintained for the gegree of Doctor of medicine.

In 1903-1920 he headed physiological department of the Novorossisk university at Odessa.

In 1920-1930 he was the head of the chair of physiology and physiological chemistry of Sofia university (Bulgaria).

Professor V.V. Zavialov was the author some scientific and courses of physiological chemistry.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ АРТУРА БЭТХЕРА

Андрей Викторович Шабунин

Среди профессоров Тартуского университета второй половины XIX в. одной из наиболее колоритных и авторитетных фигур несомненно являлся профессор кафедры общей патологии и патологической анатомии Якоб-Эрнст-Артур Бэтхер (Jakob-Ernst-Arthur Böttcher). Он оставил о себе память не только как о блестящем лекторе, наделенном талантом красноречия и огромного влияния на аудиторию, но и разносторонним ученом, чья эрудиция позволяла ему чувствовать себя достаточно компетентным в различных областях медицины, смело вторгаться в них и открывать новые закономерности и факты.

Видимо, коллеги его по университету отлично сознавали неоспоримые преимущества своего собрата в научной осведомленности, в умении организовать и контролировать процесс обучения студентства, выбрать верные пути научных исследований, если в конце 1870 г. доверили Артуру Бэтхеру возглавить медицинский факультет. Шесть лет занимал он ответственную и хлопотливую должность декана, и эти 1870-е годы были наиболее яркими и плодотворными в деятельности медицинского факультета университета.

Научное наследие А. Бэтхера обширно и разносторонне. Оно прошло испытание временем и несмотря на то, что значительная часть его стала ныне достоянием истории, ряд работ и сегодня поражает своей глубиной, оригинальным подходом, умением проникать в самую суть изучаемого явления и завершаться серьезным научным анализом.

Артур Бэтхер был хорошо подготовлен к той деятельности, которая сделала его имя известным в Европе. Еще будучи студентом-медиком, он проявил острую наблюдательность, неподдельный интерес к научному исследованию, к изучению не только лежащих на поверхности фактов, но и выявлению особенностей тех или иных явлений, с которыми приходилось ему сталкиваться в процессе овладения знаниями. Здоровое любопытство и критический ум заставляли его не ограничиваться лекциями университетских профессоров, а погружаться в штудирование литературы, нередко содержащей мысли, идущие вразрез с постулатами своих ученых наставников.

Известно, что студентом медицинского факультета университета 19-летний Артур Бэтхер стал в самом конце 1851 г., а через пять лет представил к защите свой первый солидный научный труд — "*Observationes Microscopicae de Ratione, qua Nervus Cochleae Mammalium terminatur*").

Уже в этой работе молодого доктора проявляется пытливый исследователь, основывающий выводы на тщательном изучении материала. Написанная по тогдашним правилам на латинском языке, диссертация содержит введение, четыре главы, выводы и сопровождается отлично исполненными рисунками, подтверждающими анатомические находки автора.

Нужно заметить, что любовь к микроскопическим исследованиям анатомических материалов сохранялась у Бэтхера на протяжении всей его жизни. Студентов своих он также настойчиво призывал чаще пользоваться микроскопом.

Не случаен и интерес Бэтхера к нормальной и патологической анатомии слухового анализатора, возникший на студенческой скамье. Область эта была еще мало разработана и открывала перед исследователем большие возможности.

И все же в начале своего научного пути А. Бэтхер не ограничивал себя одной какой-нибудь анатомической областью. Его интересовала и патологическая анатомия печени, клеточный состав крови, и особенности строения злокачественных новообразований.

В 1857 г. он в течение нескольких месяцев пользуется возможностью посещать ведущие европейские клиники и лаборатории. Особое удовлетворение приносит ему работа в анатомическом институте Р. Вирхова, где он становится одним из первых российских ученых, приехавших для усовершенствования в Берлин. Лишь спустя полтора-два года такую же возможность получают И.М. Сеченов, С.П. Боткин и некоторые другие питомцы российских университетов.

Артур Бэтхер, а позже Сергей Боткин, проявившие серьезное отношение к методу микроскопирования патологических препаратов, принятому у Р. Вирхова, становятся его любимыми учениками и получают беспрепятственный доступ к богатому материалу вирховского института. Не случайно первую же выполненную в его лаборатории работу Бэтхера "К патологической анатомии желчного пузыря" Вирхов публикует в своем журнале "Архив анатомии" ("*Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für Klinische Medizin*")* До него лишь дерптский профессор Брауэль сумел опубликовать в том же журнале работу о воспалении селезенки.

* Boettcher A. Zur pathologische Anatomie des Gallenblase // 1857. — Bd. XI, H. 3. — S. 278-281.

Другая работа Бэтхера, связанная с микроскопической анатомией внутреннего слухового прохода и выполненная в мае 1857 г., тоже без задержки принимается и публикуется Вирховым *

Большой интерес, не лишенный практической ценности и в наше время, представляет опубликованная в двух номерах вирховского журнала [1858. — Bd. 13, H. 1. — S. 227-256; H. 4-57. — S. 392-410] солидная работа Бэтхера, детально рассматривающая вопрос функциональных возможностей мышечных волокон и их сопротивляемости разрыву. Ссылки на эту работу можно найти в ряде зарубежных медицинских журналов.

На протяжении тридцати лет статьи А. Бэтхера по различным вопросам патологии находили достойное место на страницах "Архива анатомии" Р. Вирхова. Лишь петербургский анатом, неутомимый исследователь анатомии Венцеслав Леопольдович Грубер мог соперничать с ним по числу опубликованных в вирховском журнале работ.

Не анализируя каждую работу Бэтхера, помещенную в берлинском издании, укажем лишь, что круг его интересов был широк. В 1858 г. он публикует материалы об изменениях, возникающих при лейкемии в печени и почках, описывает особенности строения раковой опухоли в печени. В 1862-1868 гг. Бэтхер пишет серию статей, посвященных различным формам кровяных клеток, их образованию и изменениям под влиянием химических и физических воздействий. Эти же вопросы отражены и в отдельных выпусках, изданных в Дерпте (например, "Blutkrystalle. Eine physiologisch-chemische Abhandlung". — Dorpat, 1862. — 39 s.).

Занившись исследованием состава крови при злокачественной анемии и выясняя роль широкого лентеца в ее возникновении, он написал большой очерк, под названием "Studien über den Bau des Bothrioccephalus latus", званный в вирховском журнале более 50 страниц [1864. — Bd. 30, H. 1-2. — S. 97-148].

Публиковал он работы о амилоидном перерождении в печени, делился своими находками аномалий внутренних органов, микроскопическими исследованиями воспалительных и дегенеративных процессов в слизистых оболочках, вступал в дискуссии с европейскими морфологами по различным вопросам патологии. Одной из последних его работ, опубликованных в "Архиве анатомии", была статья о миоме кишечника [1886. — Bd. 104, H. 1. — S. 1-10].

Научное наследие А. Бэтхера не ограничивалось публикациями в вирховском журнале. Его работы, посвященные особенностям строения и функций гортани и различных отделов

* Boettcher A. Ueber das Verkommen von Kalkablagerung in der Beinhaut des innern Gehörganges // 1857. — Bd. XII, H. 1. — S. 104-108.

наружного, среднего и внутреннего уха, можно найти во многих европейских медицинских изданиях: "Archiv der Heilkunde", "Medicinische Centralblatt" и др. Одним из таких изданий является журнал "Archiv für Augen- und Ohrenheilkunde", где за десять лет (1872-1882) А. Бэтхер поместил ряд серьезных работ морфологического характера. Не случайно он считался большим знатоком анатомии уха. Уже в 1870 г. Петербургская Академия Наук присудила ему престижную премию Бэра за детальное исследование развития и строения лабиринта уха.

Даже тогда, когда болезнь вынудила его ограничить свою деятельность кабинетом собственной квартиры, где он читал лекции и принимал экзамены, А. Бэтхер продолжал заниматься научными исследованиями и писать статьи.

Нельзя не сказать и о том, что литературное наследие А. Бэтхера частично отражено и в журнале "Dorpater Medicinische Zeitschrift", основанном и редактируемом им с 1871 по 1877 г. Две его работы, посвященные казуистическим наблюдениям из практики, появились и в петербургском журнале "St.-Peterburg. Medicinische Wochenschrift" в 1877 г., где он в течение двух лет являлся соредактором.

Из этого краткого обзора разносторонней и высокополезной деятельности А. Бэтхера явствует, что научное наследие тартуского профессора велико и интересно. Оно получило признание еще при жизни его и заслуживает того, чтобы был составлен подробный библиографический указатель работ А. Бэтхера, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях.

ARTHUR BÖTTCHER'S SCIENTIFIC LEGACY

A. Shabunin

Summary

Prof. A. Böttcher has left a rich scientific legacy preserving its significance nowadays. His first scientific work was carried out when he was a medical student. Since 1857 his works devoted to pathological anatomy of internal organs were published in Virchow's journal of "Anatomy Archives".

In 1870 he got the prize of Petersburg Academy of Sciences for his scientific research concerning the inner ear anatomy.

A. Böttcher also studied tumours, blood cells, liver, gall-bladder and other internal organs.

He was an organizer and editor of a number of medical journals and the author of many scientific works on various medical problems.

КАРЛ КАРЛОВИЧ ЗЕЙДЛИЦ (1798–1885), ЕГО ЖИЗНЬ, ТРУДЫ И ВРЕМЯ (К 195-летию со дня рождения)

Я.С. Пупкевич-Диамант

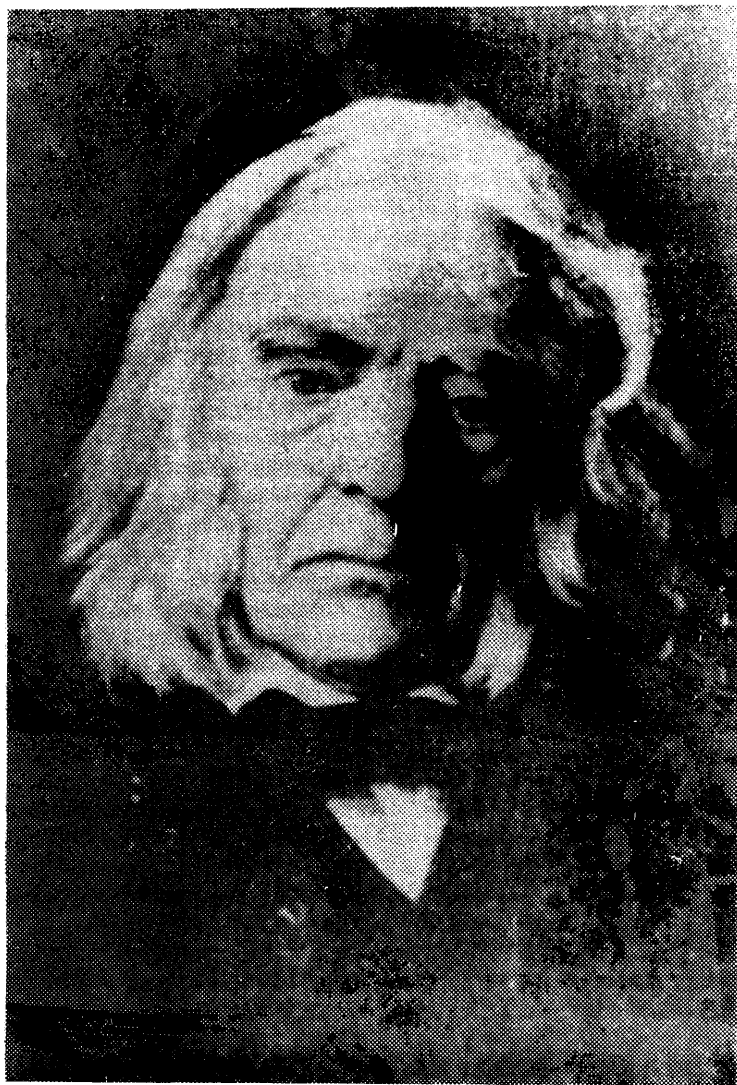
17 марта 1798 г., в семье Карла Зейдлица, жителя Ревеля, выходца из Германии (из дворян) и его жены — эстонки Луизы-Хелены Калк родился сын, названный Карлом-Иоганом — будущий профессор СПб Медико-хирургической академии, член французской академии, Почетный член Научных медицинских обществ Вены, Гамбурга, Мюнхена и Бонна, видный ученый-естествоиспытатель, врач, оставивший заметный след в истории Родного Края и отечественной медицины, один из реформаторов медицинского образования в России, соратник и друг Н.И. Пирогова, академика К.М. Бэра и великого поэта России Василия Андреевича Жуковского, его первый биограф, много сделавший для увековечения памяти поэта [3, 24, 29].

Окончив приходскую школу и губернскую гимназию Карл-Иоган, известный в России как Карл Карлович фон-Зейдлиц, в 1815 г. поступил, а в 1821 г. блестяще, с золотой медалью, окончил медицинский факультет Дерптского университета.

В годы студенчества Зейдлица старая "Academia Gustavia-na" получила свое второе рождение. Высочайшим указом царя Александра I 12 декабря 1802 г. она получила статус Императорского Дерптского Университета, а его первым ректором был избран Георг-Фридрих Паррот (1767–1852), действительный член Российской Академии Наук, профессор физики и математики университета, прогрессивный общественный деятель и ученый, близкий друг Ж. Кювье. За короткий срок, энергичный ПАРРОТ превратил университет в ведущий научный центр Прибалтики. Были выстроены новые здания главного корпуса, "анатомикума", обсерватории, фундаментальной библиотеки, проведены важные реформы: университет получил полную автономию, переподчинен Министерству народного просвещения в СПб и попечителю края Ф.М. Клингеру — деятелю либерального толка. Это подорвало влияние "немецких кураторов" и "остзейских корпорантов" в его дальнейшей судьбе и руководстве. В 1827–31 гг., по представлению и плану Паррота, на его основе был организован первый в России "Профессорский Институт" для подго-

товки отечественной профессуры [23, 29]. Как писал в последующем К.К. Зейдлиц, "... с глубокою благодарностью именно бедные классы жителей Балтийских губерний приняли ... основание Университета в здешнем Краю. Отныне и для бедных людей оказалось возможным образовывать своих детей в высшем учебном заведении, что прежде было доступно только для богатых, которые могли посылать своих детей за границу ... Наука сразу прочно принялась в молодом учреждении... Обхождение между профессорами, студентами и жителями города было свободное, — не знали никаких формальностей" [21, с. 79-81].

По свидетельству современников [2], Дерпт студенческих лет Зейдлица, был "... очень красивым городом... сосредоточением веселости и науки Лифляндского Края ... Выгодное положение Дерпта между Ригой и Петербургом, стечение в нем окружного дворянства, ... ярмарки, куда сливались богатства Петербурга, Москвы, Риги, Ревеля и Белоруссии", — все это делало Дерпт "одним из приятнейших городов России". "Обычай, нравы его жителей, порядок, чистота, трудолюбие Дерптских обывателей, делали его схожим с Университетскими городами Германии. Заметную роль в общественной жизни города играли "клубы" (благородный, академический, мещанский), где каждый "между своими" мог веселиться "по-своему". Местная знать, университетская профессура устраивала приемы, вечера и концерты, где по свидетельству Зейдлица, "нередко блистали заезжие, по пути в Петербург, артисты ... Счастливо развивались здесь и артисты не хуже иностранных и между любителями". Среди "первых домов" города выделялся своими литературными, художественными и музыкальными интересами гостеприимный дом профессора хирургии Иогана-Христиана Мойера (в русской транскрипции Ивана Филипповича), блестящего пианиста-виртуоза, друга Бетховена, где в его исполнении звучали сонаты великого композитора, стихи Пушкина, Жуковского. Здесь поэт читал по рукописи "Бориса Годунова", оставив неизгладимые впечатления у юноши Пирогова [30]. Важное место в жизни Зейдлица и Пирогова заняла семья и дом вновь назначенного профессора Российской словестности университета, — писателя и поэта А. Воейкова, приехавшего в Дерпт с женой Сашей (Александрой Андреевной — "Светланой" Жуковского) и ее сестрой Машей (ставшей в будущем женой И.Ф. Мойера), племянницами и воспитанницами Василия Андреевича, и тещей — Екатериной Афанасьевой Протасовой, единокровной сестрой поэта. Вместе с ними в 1815 г, впервые приехал в Дерпт и Жуковский, связанный с этой семьей не только родственными узами, но и глубоким чувством к своей племяннице Маше. Трагическая история их любви и возникшая пере-

Карл-Иоган фон-ЗЕЙДЛИЦ
1798–1885

писка стали в последующем, благодаря трудам К.К. Зейдлица, достоянием истории и предметом многочисленных литературоведческих исследований [5, 6, 21, 33 и др.]. И именно здесь, в

семье Протасовых-Мойеров, скрестились жизненные пути и судьбы студентов-медиков Карла Зейдлица и Николая Пирогова, маститого профессора Ивана Филипповича Мойера, великого поэта России Василия Андреевича Жуковского и сестер Протасовых — Саши и Маши, драматические коллизии жизни которых нашли свое отражение как в творчестве поэта, так и во многих событиях личной жизни будущих корифеев отечественной медицины.

Знакомство К. Зейдлица с И.Ф. Мойером (1786–1858), перешедшее затем в многолетнюю искреннюю дружбу, сохранившуюся на всю их жизнь, началось с 1813 года. Как свидетельствовал в последующем Карл Карлович, Иван Филиппович Мойер, голландец по происхождению, эстляндец по рождению и образованию, был сыном супер-интенданта Ревеля. (По другим данным его отец был пастором.) В 1805 г. он окончил богословский факультет Дерптского университета, изучал медицину в Гёттингене, овладевал хирургической техникой под руководством выдающегося хирурга того времени Антонио Скарпа в Павии, с которым подружился, а затем в Милане и Вене у знаменитого Руста и офтальмолога Бэра. В Вене, наряду с медициной, он увлекался музыкой, став незаурядным пианистом-виртуозом, познакомился, встречался и близко сошелся с великим Людвигом ван-Бетховеном, гениальные творения которого успешно исполнял на своих вечерах и в салонах Дерпта. По свидетельству Н.И. Пирогова [31], "... талант к музыке был у Мойера необыкновенным. Его игру можно было слушать целыми часами с наслаждением. Садясь за фортепиано, он так углублялся в игру, что не обращал уже никакого внимания на окружающих." Вернувшись в Россию с началом Отечественной войны, Мойер тотчас включился в работу хирурга в переполненных ранеными госпиталях Риги, а затем в хирургической клинике Дерпта. Успешно защитив в 1813 г. докторскую диссертацию, Мойер избирается профессором хирургии университета, в 1817 г. становится деканом его медицинского факультета, а с 1834 г. его ректором. По свидетельству К.К. Зейдлица [21], "он пользовался в Дерпте большим уважением не только среди сослуживцев, но и в обществе ... привлекая всех своей образованностью и приветливостью характера. Принадлежа к какой-то масонской ложе, он сделался в Дерпте главой всех приверженцев масонских идей". Представило интерес, что в 1822 г. он организует за свой счет богодельню для бедных и содержит ее в течение ряда лет. С 1827 г. Мойер возглавляет кафедру хирургии и в "Профессорском Институте", где его учениками становятся Н.И. Пирогов, Ф.И. Иноземцев, В.И. Даль и др. В последующем в своих воспоминаниях "Из дневника старого врача" Николай Иванович Пирогов приводит следующую характеристику Мойера: "Это была личность

Иоган-Христиан МОЙЕР
(Иван Филиппович МОЙЕР)
(1786–1858)

замечательная и высокоталантливая. Уже одна наружность была выдающаяся. Высокий ростом, дородный, но не обрюзглый

от толстоты, широкоплечий, с крупными чертами лица, умными голубыми глазами, смотревшими из-под густых, несколько нависших бровей, с густыми, уже седыми несколько щетинистыми волосами, с длинными красными пальцами на руках, Мойер мог служить типом мужчины. В молодости он, вероятно, был очень красивым блондином. Речь его была всегда ясна, отчетлива, выразительна. Лекции отличались простотой, ясностью и пластичной наглядностью изложения ... своим практическим умом и основательной образованностью, приобретенной в одной из самых знаменитых школ, он доставлял истинную пользу ученикам ... Как оператор Мойер владел истинно-хирургической ловкостью, несуетливой, неспешной и не грубой" [30, с. 316].

В доме у Мойера в 1815 г. и состоялось знакомство юноши Зейдлица с поэтом Жуковским, перешедшее затем в глубокую дружбу, которой оба они остались верны до своей кончины. Представляет интерес описание встречи К.К. Зейдлица с Жуковским на торжественном студенческом "фукс-коммерше" 14/VIII 1815 г., где по традиции самый младший новичек — "фукс", посвящался в студенты. На этот раз на коммерш в качестве почетного гостя был приглашен приехавший в Дерпт В.А. Жуковский. "Студенты по принятому обычаю почтили поэта братским тостом и он отдал дань обычаю, обняв и выпив "на брудершафт" с 17-летним, восторженным юношей К. Зейдлицем, оказавшимся на сей раз "фуксом" [4, 21]. С приветственной речью обратился к Жуковскому и старейший 80-летний профессор Г. Эверс, выпив с ним "на брудершафт", чем настолько тронул поэта, что он на следующий день написал стихи "к старцу Эверсу", о чем и сообщает племяннице А.П. Елагинной: "... от всей души поцеловал я братскую руку старца". Вот эти стихи:

"... Вступая в круг счастливых молодых,
Я мыслил там, — на миг товарищ их
С веселыми весельем насладиться,
Но в сем кругу меня мой гений ждал;
Там Эверс мне на братство руку дал..."

"Не мудрено, — писал далее К.К. Зейдлиц, — что мы, свидетели этой трогательной встречи знаменитого поэта с почтенным дерптским профессором, с восторгом пожали руки нашему дерптскому гостю и считали с тех пор его и нашим братом; не мудрено также, что и он сохранил по смерти доброе расположение к дерптскому обычаю и даже советовал многим землякам своим учиться в Дерптском университете..."

К. Зейдлиц становится близким другом Жуковского, свидетелем и поверенным всех перипетий его и Марии Андреевны трагической любви, упорства Екатерины Афанасьевны, не только

К.К. ЗЕЙДЛИЦ в студенческие годы

отказавшей им в браке, но и препятствовавшей их общению (отсюда и сохранившаяся их переписка). "Упрямая блюстительница церковного обряда и канонических преданий, человек узких, но строгих нравственных правил, — пишет он в своих воспоми-

Мария Андреевна ПРОТАСОВА-МОЙЕР

ниях, — она страдала сама и заставляла страдать других... Совесть матери не позволяла ей нарушить церковный устав и, как ангел доброты, дочь покорилась воли матери" [21].

Жуковский был вынужден уехать из Дерпта, а вскоре сос-

тоялся ее брак (1817 г.) с И.Х. Мойером, в котором и она и Жуковский видели выход из создавшегося тупика. Юноша Зейдлиц, сохраняя дружеские чувства к Жуковскому, Марии Андреевне, Мойеру, своему учителю, становится близким человеком в его семье, а затем ассистентом Мойера при операциях и на кафедре. Однако возникший к концу учебы Зейдлица в университете конфликт между студентами и ректором чуть было не лишил Зейдлица диплома. По свидетельству Марии Андреевны (письмо к А.П. Елагиной за март-апрель 1821 г. [5, с. 256], Зейдлиц чуть было не оказался вне стен университета, без средств к существованию и возможности окончания учебы и сдачи выпускных экзаменов. Помог Мойер, приютивший Зейдлица в своем доме. Дальнейшее пребывание юноши в семье Мойеров, заботы о нем "Мамы-Марии", как он называл Марию Андреевну, ее участие в его жизни и учебе, занятия с ним русским языком (в то время он не знал ни русского, ни французского, а общение в семье осуществлялось по-немецки), естественно определило их последующую дружбу, чему способствовали и трогательные, сыновьи заботы Зейдлица во время болезни Марии Андреевны на последних месяцах ее беременности. Однако это сближение вызвало беспокойство у Екатерины Афанасьевны и, с ее подачи, необоснованную ревность Ивана Филипповича. Это вынудило Зейдлица, к искреннему огорчению Марии Андреевны, покинуть дом Мойеров, что, однако, не помешало их общей дружбе. "Момент прощания с Зейдлицем был тягостен для всех" — писала она своей кузине и другу Авдотье Петровне Елагиной, описывая этот инцидент. Вмешательство Екатерины Афанасьевны вызвало и горькое признание, свидетельствовавшее о том, что ее брак с Иваном Филипповичем был далеко не таким счастливым, как она надеялась. "Я люблю маменьку, как только можно любить, но она много, много сделала мне несчастных минут! Бедное мое прошлое! Кому, кому более моего суждено было счастье на свете?!..." [5]. Через год, в 1823 г., Мария Андреевна умерла от вторых родов. Мойер остался один с тещей и маленькой дочерью Катей.

Ну, а Зейдлиц? Еще будучи студентом, в 1818 г. он был удостоен золотой "Prais Medale" [3]. В 1821 г. он блестяще сдает свои выпускные экзамены и приступает по предложению Мойера к докторской диссертации на тему "О глазных болезнях, встречаемых у эстонцев", которую успешно защищает в декабре 1821 г. (см. рис. 4). После защиты он переезжает в Петербург, где назначается ординатором Военно-Морского госпиталя. В 1826 г. его направляют на вспышку холеры в Астрахань. Опубликованная им по возвращении статья получила лестный отзыв Н.И. Пирогова "... как весьма дельное описание первой холеры

в Астрахани" и наряду с монографией "о скорбутном воспалении околосердечной сумки", как писал Пирогов, — и практической деятельностью по первому в России широкому применению перкуссии и аускультации "... сделало его имя известным в науке" [30, с. 421]. Вскоре Зейдлиц направляется в 3-летнюю командировку за границу, работает в клиниках Парижа, Монпелье, Женевы, Пизы, Берлина, где знакомится с новыми методами диагностики, в том числе и с перкуссией и аускультацией, только вводимыми во врачебный обиход в некоторых клиниках Германии.

Как показали исследования В. В. Калнина [25] первое знакомство с перкуссией и аускультацией Зейдлиц получил ещё во время своей учёбы в Дерптском университете, где его учитель, профессор терапии И. Эрдман (1778–1848), ещё в 20-х гг. обучал студентов аускультации с помощью стетоскопа Лаззенка, описав методику в своих "Клинических анналах". Подтверждение этому В. В. Калнин нашел в записи Зейдлица в его *curriculum vitae*, приложенном им к ходатайству о допуске к докторским экзаменам. Представило интерес, что и предшественник Зейдлица на кафедре академии П. И. Чаруковский (1826–1836 гг.) обучал этим методикам слушателей академии. Между тем, как вспоминал в последующем профессор Н. Ф. Здекауэр [7], еще в 1838 г. в Берлине современники поднимали на смех знаменитого М.-Г. Ромберга, обучавшего в частном порядке этим методикам. "Только тут — писал он, — я оценил вполне огромную заслугу Зейдлица, который за 2 года до моего отъезда за границу обучал нас публично приемам перкуссии и аускультации".

Все эти годы не прекращались связи и переписка Карла Карловича с Жуковским, Дерптом и его обитателями. В июле-августе 1826 года он сопровождает Жуковского на лечение в Эмс. В 1828 году встречается за границей с Александрой Андреевной Воейковой, выехавшей по настоянию врачей для лечения прогрессирующего туберкулеза в Швейцарию, в Альпы и в Италию. Зейдлиц сопровождает её и детей в этой поездке, а в связи с ухудшением её состояния здоровья останавливается в Пизе, где несмотря на его и других врачей старания она умирает на его руках 14 февраля 1829 г. Затем он принимает активное участие и в судьбе ее детей и их возвращении домой.

В связи с начавшейся войной с Турцией Зейдлиц возвращается на Родину и получает назначение во 2-ую действующую армию генерала Дебича старшим врачом её Главной квартиры. Вспоминая в последующем "о турецком походе 1829 г." [8, 13] и о своей деятельности в этой войне, Зейдлиц приводит ряд важных фактов, позволяющих утверждать о том, что он впервые столкнулся здесь со вспыхнувшей в войсках эпидемией лептоспи-

DISSERTATIO INAUGURALIS MEDICA
DE
PRAECIPUIS OCULORUM
MORBIS
INTER ESTHIONOS OBVIIS

QUAM
CONSENTIENTE AMPLISSIMO MEDICORUM
ORDINE
IN
UNIVERSITATE CAESAREA LITERARUM
DORPATENSI
PRO GRADU
DOCTORIS MEDICINAE
LEGITIME OBTINENDO

H. A. Q. C.

DIE XVI MENS. DECEMBRIS MDCCCXXI

PUBLICAE DEFENDET

AUCTOR
CAROLUS JOANNES DE SEIDLITZ
REVALENSIS.

SECTIO I.

.....
DORPATI LIVONORUM,
EX OFFICINA ACADEMICA J. C. SCHUNMANNI.
MDCCCXXI.

Титульный лист диссертации К.К. ЗЕЙДЛИЦА
(1821 г.)
ИА Эстонии. Ф. 402. Опись 2. Ед. хран. 23014. С. 40

розной "водной лихорадки" и дал первое описание её клиники,
а также диагностировал вспышку бубонной чумы.

14 июня 1829 г. он вместе со своим приятелем выпускником Дерптского университета В. И. Далем переправился через реку Прут и вскоре догнал в Шумле продвигающуюся с боями по территории Турецкой Валахии и Румелии Главную квартиру 2-ой армии. Приказом её полевого Генерал-штаб доктора фон-Витта он был назначен главным доктором подвижного госпиталя, сопровождавшего войска, накапливавшиеся для штурма г. Адрианополя. 8/VIII город был взят. К этому времени началось массовое поступление в госпиталь лихорадящих больных, главным образом с так называемой “перемежающейся лихорадкой” и дизентерией. Уже в начале августа их было около 800 человек, к 17/VIII — уже 1616, а к 30/VIII — 4521. Как писал в своих воспоминаниях Зейдлиц, “после вступления войск в бассейн Румелии, лихорадка приняла злокачественный характер, оказавшийся гибельным для армии... Нам посылали больных отовсюду, а мы могли дать им только приют и пищу. Работать приходилось выше сил человеческих!...” За время работы Зейдлица через госпиталь прошло 13 273 больных. За организацию им помощи приказом главнокомандующего Зейдлиц был награжден орденом Анны II-ой степени. Переболел лихорадкой и сам Карл Карлович, оставив нам следующее её описание: “1/VIII я хотел отправиться к своим больным, но не в состоянии был это сделать. Ещё накануне у меня с сильной головной болью обнаружилась лихорадка. Даль отправил меня в лазаретскую фуру,... где я пролежал без памяти 7 дней. Ужасная головная боль и бред не прекращались ни днем ни ночью... всякий день сильно шла кровь носом. На 7 день у меня сделалась сильная испарина, а на 8 день температура упала. Сознание скоро вернулось, и через 3 дня я уже сидел у дверей нашего экипажа и пил черный кофе. Мой денщик и денщик Даля, захворавшие в одно время со мной, оба умерли. Вследствие сильной жары, в короткий переход от Сливны к Адрианополю погибло много людей. То были самые тяжкие дни во время похода!”...

Анализ приведенных Зейдлицем в его “Воспоминаниях о турецком походе 1829 г.” данных позволяет установить: 1) несоответствие приведенного описания клинике малярии и его совпадение с клиникой водной лихорадки (острое начало болезни с сильного озноба, последующая высокая лихорадка в течение 8 и более дней, без типичной для малярии цикличности, при отсутствии эффекта от приема больших доз хинина, сильные головные боли, сопровождаемые бредовым состоянием, мышечные боли, повторные носовые кровотечения, отсутствие выраженного увеличения селезенки при значительном увеличении и болезненности печени); 2) наличие эпидемиологических предпосылок, типичных для “водной лихорадки” — массовый контакт заболе-

вших с водоемщиками, предшествующий развитию эпидемии [а) форсирование реки Марицы при штурме Адрианополя, расположенного на её высоком берегу, б) повышенное использование вод открытых водоёмов и болот для питья и хозяйственных нужд в связи с сильной жарой, в) размещение войск в болотистой местности — возможных природных очагах инфекции].

Всё это убеждает нас в вероятности допущения лептоспирозной природы описанной Зейдлицем эпидемии и позволяет утверждать, что его "Воспоминания о турецком походе 1829 г." являются в отечественной литературе описанием лептоспирозной инфекции. Это допущение подкрепляется и выявляющейся эндемичностью аналогичных вспышек на описанных Зейдлицем территориях, подтверждаемой: 1) архивными данными ЦГВИА СССР (рапорта генерал-штаб доктора С.Ф. Ханова о выявляемых эпидемиях перемежающихся, желтушных лихорадок и чумы в предшествовавшие годы (фонды ЦГВИА 623, 593 дела № 20, 51, 52, 6343, 6344), 2) описанием С. П. Боткиным аналогичных вспышек на этих территориях во время русско-турецкой войны 1877–78 гг. 3) данными о природных очагах и современной заболеваемости лептоспирозом на территориях Молдавии, Румынии, Болгарии.

Одновременно среди поступающих лихорадочных больных Зейдлиц выявляет и завозные из Болгарии случаи бубонной чумы. В опубликованных в дальнейшем статьях [12, 20] он подвергает уничтожающей критике утверждение доктора Витта о "доброкачественности описанной им "Валахской язвы" и её связи с гнилостными испарениями болот". Отмена Виттом в связи с этим карантинных мероприятий привела, по Зейдлицу, к распространению чумы в районы Кулевчи, и лишь их возобновление позволило локализовать вспышку. Проведя сопоставление клиники Адрианопольской чумы, "Валахской язвы" Витта с клиникой "классической" Египетской эпидемии и материалами доктора Петерсона, описавшего Варнскую эпидемию 1829 г., он приходит к выводу о существовании 3-х клинических форм чумы и о соответствии "Валахской язвы" Витта бубонной её форме.

1/XI 1829 г. Зейдлиц был отозван из очага и направлен в качестве врача миссии графа А.Ф. Орлова в Константинополь для подписания мирного договора. За полугодие своего пребывания в Константинополе Зейдлиц выполняет поручение штаб-доктора Хадасевича и составляет медико-географическое описание города, опубликованное затем в Дерпте в виде отдельного оттиска и получившее высокую оценку [11].

По возвращении в 1830 г. в Петербург Зейдлица назначают Главным медицинским инспектором Петербургского порта и Главным доктором Морского госпиталя. Последующие годы

знаменуются важными событиями в его личной жизни и деятельности. В 1831 г. он вступает в брак с Марией фон-Вельтцен, оказавшийся, однако, непродолжительным в связи с её смертью во время родов в 1833 г. Вторично К. К. Зейдлиц женится в 1835 г. на дочери лейб-медика царя — Юстине фон-Раух, подарившей ему сына Георга (1840–1913), известного в будущем энтомолога и дарвиниста, профессора Дерптского университета.

В связи с проводимой реорганизацией Медико-хирургической академии по предложению её президента Я.В. Вилле К.К. Зейдлица избирают профессором кафедры терапии Академии с присвоением ему *honoris causa* звания и профессора хирургии (1836 г.) Начинается наиболее важный период в его жизни и деятельности.

Как писал в своих воспоминаниях профессор Н.Ф. Здекауер, ученик и воспитанник Зейдлица на кафедре [7, с. 122 и сл.] "... 1837 год должен быть памятным для нашей Академии. Терапевтическую клинику принял тогда в своё заведывание по приглашению барона Я.В. Вилле Главный доктор морского госпиталя К.К. Зейдлиц. Этот гениальный учитель, далеко опередивший своё время, имел огромное влияние на поднятие уровня образовательного ценза слушателей императорской медико-хирургической академии и русских врачей вообще. Многосторонне образованный ученый... профессор Зейдлиц не только стоял на современной высоте науки, но и определял её собственными трудами. Он впервые читал нам прикладную семиотику, первый познакомил нас с объективными способами исследований посредством выслушивания и постукивания, измерения и химического исследования выделений организма, первый показал нам в микроскопе кровяные шарики, мочевиновые кристаллы, объяснил значение объективных признаков болезни, учил дифференциальным диагнозам, объяснял при вскрытиях умерших анатомический характер болезней... Ему мы обязаны здоровыми понятиями об инфекционных болезнях, об их циклическом ходе... Новый дух повел в нашей Академии. Студенты, сознавая чем они обязаны Зейдлицу, носили его на руках. Он был любимый профессор... Он был прост и ласков в обращении и всегда к их услугам, между тем как другие профессора держали себя недоступно. Заботливо вникал в их нужды, постоянно входил в Конференцию с просьбами о снабжении их нужными пособиями. По его настоянию каждому студенту III курса вручался в личное пользование стетоскоп..."

Начав с приходом на кафедру свои прогрессивные преобразования, К.К. Зейдлиц вводит раздельное чтение лекций и проведение практических занятий студентам III и VI курсов, амбулаторные приемы больных, в том числе женщин и детей, ра-

нее в Академии не практиковавшиеся, “как ненужные военным врачам...” При клинике организуются клинические лаборатории с обязательной работой в них студентов. В проведении в них занятий по просьбе Зейдлица принимают участие академики К.М. Бэр и Нечаев. В клинике начинают производиться вскрытия умерших, для руководства которыми приглашается Н.И. Пирогов. Значительно раньше чем в Европе читается курс патологической анатомии (профессор Н.Ф. Здекауер). Своё кредо по вопросам преподавания медицины К.К. Зейдлиц излагает в капитальном труде — “Отчете о занятиях в терапевтической клинике СПб Медико-хирургической Академии за 1839–1840 гг.”, опубликованном в 1841 г. [10]. По мнению В.Б. Фарбера [35], “... это была программа научно-обоснованной методики медицинского образования в России”, в которой он “сбросил весь метафизический туман натурфилософии Шеллинга и выступил как стихийный материалист-диалектик... Разработав свою “логику преподавания”, К.К. Зейдлиц показал себя не только образцовым педагогом-новатором, но и передовым мыслителем своего времени”. По мнению Н.Я. Чистовича, “Зейдлицу русская медицина обязана всего больше широким пониманием задач клинического профессора”. По представлению Зейдлица, в 1842–44 гг. в Академии проводится реорганизация преподавания клинических дисциплин. Принимается идея Н.И. Пирогова о выделении самостоятельных факультетских, госпитальных, а затем и курсов пропедевтики с созданием новых, самостоятельных кафедр и клиник факультетской, госпитальной и пропедевтической терапии, что вводиться затем и в других университетах страны.

Следует отметить и важность приведенного Зейдлицем подробного описания, почти за 50 лет до А. Вейля, симптоматологии “желтушной лихорадки” (пример 176 на с. 69–71 3-ей части его “Отчета” [10]). “... Все объективные признаки, — писал Карл Карлович, — показали, что у нашего пациента такая болезнь, для которой я не нахожу лучшего наименования как горячка *causus febris biliosus ardens*,... болезнь... которая НЕ ПОЩАДИЛА И НАШИХ ВОЙСК ВО ВРЕМЯ ТУРЕЦКОЙ КОМПАНИИ (курсив наш Я. П.-Д.). Холемия, несколько улучшившаяся, развивалась с новой силой, у больного сделался *turphus icteroides*...” приведший его к смерти. Приводя далее обстоятельный разбор выявленной симптоматики, Зейдлиц подчеркивал: 1) острое начало болезни с сильного озноба, сменившегося высокой лихорадкой с волнообразным течением и рецидивом. Обычно снижение температуры отмечалось после появления желтухи, на 5–7 день с последующим рецидивом. “Нередко отмечались случаи, где люди мучаются долгое время лихорадкой, которая не имея определенных периодов, мало по малу истощает больного...”, 2) опу-

холь селезенки "... составляет только второстепенный признак", 3) "... отличительный признак... составляет особенная, гнездящаяся во лбу головная боль, приводящая больного в самое унылое расположение духа и потемняющая иногда самосведение до тифозного безпамятства", 4) боли в подреберьях, зуд в спине, доходящий до жестоких болей.

Описание Зейдлица, дополненное его клиническими наблюдениями времен турецкой войны, с бесспорностью подтверждали его приоритет в описании лептоспирозной инфекции, что признавалось в дальнейшем его современниками. Так, Н.Ф. Здекауер [7] писал: "Зейдлиц, употребляя название *febris biliozus postraz, typhus icteroidis*, по-видимому, описывает симптомокомплекс, получивший в последующем имя Вейлевой болезни или "острой лихорадочной желтухи Васильева". Это же подтверждает и Н.Н. Кириков [27, 28]: "... в описании Зейдлица, подробном и сопровождаемом результатами вскрытия, трудно не узнать характерного случая так называемой Вейлевой болезни. Оказывается, первое описание её, притом с соответствующим названием, сделано русским учёным"... О приоритете Зейдлица писали в своих диссертациях, посвященных истории терапевтических кафедр Академии, А.И. Куденко и М.Е. Шмигельский [26, 36], а в наше время Е. М. Тареев [34], а вслед за ними и мы [31, 32].

В проводимых в Академии преобразованиях и в дальнейшей работе по реорганизации медицинского образования в стране, проводимой Комиссией при Министре народного просвещения, важную роль сыграло содружество К.К. Зейдлица и Х.И. Пирогова. Их знакомство, перешедшее затем в многолетнюю дружбу состоялось ещё в Дерпте, в доме у И.Ф. Мойера в конце 1830-х гг.

18-летний юноша Николай Пирогов после окончания медицинского факультета Московского университета приехал в Дерпт для учёбы в "Профессорском университете". Доброжелательно принятый Мойером, поселившим его в своём доме, обласканный его тещей Е.А. Протасовой, Пирогов в течение 5 лет учёбы стал "домашним человеком" в доме Мойера, сохранив к нему "чувство беспредельной благодарности". Завершив своё образование в Дерпте блестящей защитой докторской диссертации (30/VIII 1832 г.), Н.И. Пирогов направляется затем в 2-летнюю заграничную командировку (1833-35 гг.), работает в лучших клиниках Берлина и Гёттингена. Вернувшись на Родину в 1836 г., по предложению и с помощью Мойера он избирается профессором хирургии Дерптского университета, заняв кафедру своего учителя. За следующие 4 года он издает свою "Хирургическую анатомию", получившую широкую известность, тома клинических анналов, ряд монографий и статей. Не прекращаются все

эти годы и дружеские связи, переписка и встречи в доме Мойер-Пирогова и Зейдлица. Пирогов делится с ним, как с "дорогим другом" своими планами и тревогами. Зейдлиц, в то время уже профессор Медико-хирургической академии, принимает активное участие в его дальнейшей творческой судьбе. В связи с появившейся в Академии профессорской вакансией на кафедре хирургии, он проявляет инициативу в приглашении Пирогова на эту должность (1839 г.). В ответ Н.И. Пирогов предлагает свой проект организации в Академии новой кафедры госпитальной хирургии с клиникой и анатомическим кабинетом. Решением Академической Конференции, в котором немалую роль сыграл и Зейдлиц, "... профессору Н.И. Пирогову, известному не только в России, но и за границей своими отменными талантами и искусством в оперативной хирургии, поручается преподавание хирургии, патологоанатомической и хирургической анатомии и усовершенствование кабинетов" [30, комментарий к с. 608]. Избрание Н. И. Пирогова совпало с неудачным сватовством его в феврале 1840 г. к дочери Мойера Екатерине Ивановне. Как писал в последующем Николай Иванович (с. 289): "Я считал себя обязанным благодарностью почтенному семейству Мойеров... я был принят в этом семействе как родной и, заняв потом профессуру Мойера, мечтал о женитьбе на его дочери, сыновьей благодарности и т. п." Однако сватовство Пирогова не встретило ответного чувства Екатерины Ивановны и вызвало неприятие в семье и у ближайших её родственников. Пирогову было отказано под предлогом помолвки Ек. Ивановны с её кузеном Елагинным, оставив чувство обиды у Николая Ивановича самой формой отказа, что, по-видимому, ускорило его отъезд из Дерпта.

2 марта 1841 г. Пирогов вступает в должность на кафедре хирургии Академии и начинается его содружество с Зейдлицем в прогрессивной реорганизации медицинского образования в стране. Их дружба и переписка продолжалась и после выхода Карла Карловича в 1847 г. в отставку по состоянию здоровья и его переезда в Дерпт, в приобретенное у Жуковского имение Меерсгоф. Так, в 1855 г., познакомившись с "Началами военно-полевой хирургии" Пирогова, Зейдлиц обращается к нему с открытым письмом /22, см. комментарий к с. 528/ опубликованным по его просьбе Здекауером: "Моему другу и соратнику на зеленом поле Конференций СПб Медико-хирургической Академии, профессору Пирогову. Вас удивит, что я... прочитав Вашу хирургию... берусь за перо, чтобы с Вами поспорить... В своём пространном ответе, написанном им в перерыве между боями Севастопольской обороны, Пирогов писал: "Любезный друг... читал я Вашу критику моих взглядов не без улыбки. Мое убеждение... так глубоко коренится во мне, что никакая, хотя

бы от друга происходящая критика не в состоянии поколебать его". И далее описывает ход боевых действий, свои попытки наладить организацию медицинской помощи раненым и больным, их сортировку, бездарность и неподготовленность к войне военной администрации, воровство и казнокрадство интендантства, свою борьбу с ним, героизм защитников города, ужасающие условия работы медиков, порождающие неизбежность их заражения и гибели от тифов и дизентерии, подтверждая этим всё то, что писал ему Зейдлиц исходя из своего опыта в турецкой кампании. "То, что с начала войны было дурно устроено, то теперь поправить очень трудно", — писал ему в ответ Пирогов. Надо надеяться, что эта проклятая, старая, языческая метода воевать, при которой смотрели на людей как на слепые стратегические орудия, нисколько не заботясь о последствиях войны, получит смертельный удар... хотя надежда и действительность две вещи разные!" — замечает он горько.

Выйдя в отставку, Зейдлиц занимается сельским хозяйством в своём Меерсгрот и общественно-полезной деятельностью, принимая участие в "Лифляндском экономическом обществе", избирается его казначеем, а в последствии его вице-президентом. Ему поручается почетная обязанность хранителя и распорядителя премиального фонда, завещанного воспитанником университета Р. Хеймбюргером для поощрения стипендиями и премиями его слушателей и выпускников [24]. (Первые премии этого фонда были вручены В. И. Далю за его толковый словарь и Ф. Видеманну за эстонско-немецкий словарь, а первые стипендии для зарубежной поездки — хирургу Э. Бергману и ботанику Э. Русеву). По заданию общественных организаций он выполняет ряд экономически важных для края работ по картографированию местности и расчетам для проведения железнодорожной линии из Тарту через Пылтсамаа и Пайде до Пальдиски. Идея смелая, отмечает Зейдлиц, но видов на её успех никаких. Впервые осуществляет он гидрографическое описание реки Нарвы (расчеты Зейдлица помогли проведению расчистки ряда мелких рек Эстонии и восстановлению по ним судоходства), определяет мощность Нарвского водопада, предлагая использовать его механическую силу, проводит замеры озера Вильянди [14, 18, 19]. Впервые знакомит он общественность Прибалтики с трудами Чарльза Дарвина "Об одомашнивании животных и растений", "О происхождении видов", сопровождая их комментариями, важными для проведения селекционной работы. Публикуя обзор его книги "О происхождении видов", приводит замечания Т.Н. Нихлеу в адрес её критиков, добавляя от себя, что они уподобляются "москеляющей на слона" [15, 16, 24]. Представило интерес и то, что первый систематический курс дарвинизма читает в Тартуском

университете сын Зейдлица — Георг. О широте интересов Карла Карловича свидетельствовала и его работа — “Артур Шопенгауер с медицинской точки зрения”, опубликованная в Дерпте в 1876 г. [1, 17]. Однако основной и наиболее важной работой Зейдлица в этот период его жизни, сделавшей его имя известным не только в области медицины, но и в истории литературы и культуры, явилась его монография “Жизнь и поэзия Жуковского (1783-1885) по неизданным письмам и личным воспоминаниям” [21], опубликованная под редакцией профессора П. Висковатова издательством “Вестник Европы”. Оставаясь на протяжении всей жизни поэта его близким другом, свидетелем и поверенным “романа его жизни”, Зейдлиц скрупулезно собирал его письма, рисунки, личные вещи, приобрел в связи с его отъездом за границу обстановку его Петербургской квартиры и его имение под Дерптом, где и поселился, выйдя в отставку, мечтая создать и сохранить мемориал его памяти. Жуковский спустя годы, посвященные памяти М. А. Протасовой-Мойер, неизменно посещая её могилу, решился наконец вступить в брак с дочерью художника Рейтерна, своего Петербургского приятеля, о чем советуетсся с Зейдлицем: “Я ему не противоречил, — говорил он П.А. Висковатому, — я знал, что эта любящая душа не могла жить в одиночестве”. (Их свадьба состоялась 21/V 1841 г. в Штутгарде). Описывая эпизод с Жуковским перед его отъездом из Петербурга, Зейдлиц писал: “Вместе с именем Жуковского я приобрел и всю его мебель и переместил её тотчас в свою квартиру. Он передал мне и 3 небольшие картины: превосходный портрет М. А. Мойер, писанный профессором Зенфом в Дерпте, гробницы её на Дерптском кладбище и гробницы покойной А. А. Воейковой на греческом кладбище в Ливорно. В последний раз хотел он отобедать у меня. После обеда подошел он грустный к своему письменному столу и сказал: “Роман моей жизни окончен”. Вынув из бокового кармана бумагу... “вот, старый друг, подпиши здесь же на этом месте как свидетель мое заявление, что обязуюсь крестить и воспитать детей своих в лоне православной церкви...”. А позже, 31/XII 1847 г., чувствуя приближение смерти он пишет своё последнее письмо Зейдлицу: “Мой милый Зейдлиц, — пишу тебе живой, но получишь от мертвого... В полной надежде на твою дружбу и совестливую точность, на твоё знание дела я назначил тебя в своей духовной попечителем моих детей, то есть помощником жены моей, которой представил опеку...”

До конца своей жизни Зейдлиц свято чтит память о Жуковском, его любви к М. А. Протасовой-Мойер, ставшей достоянием потомков, одной из трепетных страниц нашей истории, её культуры, благодаря его трудам. Печатаая свою книгу — воспоминание

о поэте, Зейдлиц обратился в редакцию "Вестника Европы" с письмом-просьбой передать причитающийся ему гонорар в фонд строительства памятника Жуковскому. Не дожидаясь распродажи книги, её сумму он тут же вручил (780 р.). Государственная Дума Петрограда с благодарностью приняла этот дар, объявив "почтенному старанцу", как пишет П. А. Висковатый [4], благодарность города и сообщает ему, что берет на себя все остальные расходы по установке памятника Жуковскому в Александровском саду, против его бывшей квартиры. Дерптский университет, обязанный поэту своим существованием, заступничеством перед царём, отметил 100-летний юбилей Жуковского торжественным актом, на котором был оглашен приветственный адрес Зейдлицу, чем "старик был потрясен". Вечером на собрании, по его просьбе были исполнены некоторые романсы и песни, любимые Жуковским. "Я уговорил свою дочь, ученицу Арто, — писал П.А. Висковатый, — исполнить песнь Ветцеля "К востоку" и романс Вестерауха (певца и композитора, исполнявшего эти романсы в присутствии Жуковского ("Розы расцветают"), сделав старцу приятное, и было трогательно видеть то глубокое движение души, которое отразилось на лице белого старца... Зейдлиц до конца своих дней хранил в своей памяти образ Маши и все эпизоды любви к ней Жуковского, приносил на её могилу свежие цветы и вручил мне фотографию, на которой была видна могила Маши и одинокий старец Зейдлиц, без шляпы, с лицом обремененным густыми, как снег белыми, длинными волосами..."

Умер К.К. Зейдлиц 7/19 февраля 1885 г. и похоронен на кладбище Дерпта, города, которому отдал лучшие годы своей жизни, свою юность и всеми почитаемую мудрую старость.

Литература

1. Архангельский Г.В. Врачебное окружение выдающегося русского поэта В.А. Жуковского // Клин. мед. 1984. № 5. С. 139-144.
2. Афанасьев В.В. Жуковский // ЖЗЛ. — М., 1986. Вып. 3 (665).
3. Album Academicum der Keiserlichen Universitet // Dorpat. 1889 (С. 71 и сл.)
4. Висковатов-Висковатый П.А. Карл Карлович Зейдлиц // Русская старина. 1904. Т. 35, вып. 9. С. 708-714.
5. Грузинский А.Е. (ред.) "Уткинский сборник": Письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер, Е.А. Протасовой. М., 1904.
6. Жуковский В.А. Письма / Под ред. К.К. Зейдлица // Русская старина. СПб, 1883.
7. Здекауер Н.Ф. Императорская СПб Медико-хирургическая Академия в 1833-63 гг. // Русская старина. 1891. № 4. С. 117-132.

8. Зейдлиц К.К. К истории похода русских в Турцию в 1829 г. // *Med. Practische Abhandlung von deutschen in Russland lebenden Ärzten*. Hamburg, 1835.
9. Зейдлиц К.К. Ueber Pericarditis exsudatoria sanguiolepta und Morbus cardiacus der Alten // *Neue Wissenschaft Annalen der gesamten Heilkunde*, 1835. Bd. 2, H. 2. [цитирована по № 25].
10. Зейдлиц К.К. Отчет о занятиях в терапевтической клинике Медико-хир. Академии в 1839–1840 гг. // *Журнал врачебных и естеств. наук.* — СПб., 1841. Кн. 2. С. 110–146; Кн. 3. С. 1–120; Кн. 4. С. 1–101.
11. Зейдлиц К.К. О медико-географ. обследов. Константинополя // *Dorpat. Jahrbücher für Liter. Statistic und Kunst*. 1833–1836 гг. Отд. оттиск.
12. Зейдлиц К.К. О чуме, свирепствовавшей во 2-ой Армии во время последней Турецкой войны в 1828–29 гг. // *Записки по части врачебных наук при Импер. СПб МХ Академии*. СПб, 1844. Кн. 1. С. 120–159; Кн. 3. С. 96–120; Кн. 4. С. 88–120.
13. Зейдлиц К.К. Воспоминания о турецком походе 1829 г. // *Русский архив*. 1878. Кн. 1–2. С. 88–113. Кн. 3–4. С. 412–436.
14. Зейдлиц К.К. Der Narova-Strom und das Peipus-Becken // *Arch. Naturkunde Liv-Ehst. und Kurlands* Ser 1, 1859. T. 2.
15. Зейдлиц-Мейерсгоф К.К. Das Varliren der Thiere und Pfandzen im Zustande der Domestication von Charles Darwin // *Baltische Wschrift*. 1868. S. 45–49.
16. Зейдлиц-Мейерсгоф К.К. Die Abstammung des Menschen und die Geschlechtliche Zuchtwahl von Charles Darwin // *Baltische Wschrift*. 1871. S. 49–51.
17. Зейдлиц К.К. Артур Шопенгауэр с медицинской точки зрения — Dorpat, 1876 (цитировано по № 1).
18. Зейдлиц-Мейерсгоф К.К. Zur Livländischen Eisenbahnfrage // *Baltische Wschrift*. 1876. S. 36.
19. Зейдлиц К.К. Das General-Nivellement von Livland // Dorpat, 1883.
20. Здекауер Н.Ф. Докт. Зейдлиц и Н.И. Пирогов: Письмо Зейдлица проф. Н.И. Пирогову, 19 окт. 1854 г. // *Русская старина*. Год XI VI. 1885. Декабрь. С. 461–466.
21. Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского по неизданным источникам и личным воспоминаниям / Ред. П.А. Висковатова. СПб.: Вестник Европы, 1883.
22. Зейдлиц К.К. Открытое письмо Н.И. Пирогову // *Русская старина*. 1889. С. 91.
23. История Тартуского Университета (1632–1982). — Таллинн: Периодика, 1982.
24. Kaavere V. Carl-Johan Seidlitz — Kultuurivahetaja, meedik loodusteadlane. // *Eesti loodus*. 1983. Nr. 10. Lk. 664–668.
25. Калинин В.В. К вопросу о роли и месте Тартуского университета в истории аускультации и перкуссии в России // *Из истории медицины*. Рига, 1963. Вып. V. С. 183–93.
26. Куценко А.И. Исторический очерк кафедры и терапевтической клиники ВМ Академии (6. мед.-хирургич. Акад.): Дисс. на степ. докт. мед. СПб, 1898.

27. Кириков Н.Н. Очерки из учения о заразных желтухах: Диссертация. СПб, 1898.
28. Кириков Н.Н. Вейлева болезнь и эпидемическая желтуха // Мед. прибавления к морскому сборнику. Управл. Гл. мед. инспектора флота. — СПб, 1896. № 11. С. 309; № 12. С. 347-362.
29. Паламетс Х. *Alma Mater Tartuens* — Таллинн: Валтус, 1977.
30. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
31. Пупкевич-Диамант Я.С. К истории выделения в самостоятельную нозологическую форму болезни Вейля-Васильева // Клин. мед. 1986. № 9. С. 139-144.
32. Пупкевич-Диамант Я.С. Некоторые забытые и малоизвестные факты в истории изучения лептоспирозной инфекции // Клин. мед. 1987. № 8. С. 146-151.
33. Сакулин П.П. М.А. Протасова — Мойер по ее письмам // Изв. отдела русского языка и словесности императорской АН. СПб, 1907. Т. XII, кн. 2. С. 1-44.
34. Тареев Е.М. К истории развития учения о болезни Боткина в СССР // Болезнь Боткина. М., 1956. С. 5-31.
35. Фарбер В.Б. К.К. Зейдлиц как клиницист // Клин. мед. 1958. № 1. С. 154-158.
36. Шмигельский М.Е. Исторический очерк госпитальной терапевтической клиники ВМА: Дисс. на степ. докт. мед. СПб, 1897.

KARL ZEIDLITS, HIS LIFE, WORKS AND EPOCH (1798-1885) (To the 195 anniversary)

Pupkevich-Diamant Ya. S.
Summary

The main landmarks of life and work of the Professor of St. Petersburg Medico-Surgical Academy, Karl Zeidlits, the outstanding figure of medical science of our country, physician and researcher, one of the reformers of medical education in Russia. On the base of the studied documents, creative activities and epistolary legacy of the scientist we have traced his life and friendly ties with the great Russian poet V. A. Zhukovskiy that enabled him to become a witness and historiographer of poet's love and his first biographer. The facts of friendly relations of K. Zeidlits with N. I. Pirogov and their mutual reforming activity at the Academy are given. There are analysed the main works of K. Zeidlits — the scientist and researcher proving his priority in describing a number of important facts of the history of our medicine surpassing the science of his epoch.

NIMEDE REGISTER

Amitan-Maltinski, Regina 26	Kruus, Hans 10
Ariste, Paul 27	Kure, Kristjan 11
Arrak, August 12	Kõdar, Aliia 6, 26, 30
Beltšikov, Eliaser 28	Labi, Erni 11
Bresowsky, Maksimilian 15	Laube, Rein 31
Böttcher, Jakob Ernst Arthur 6,
81	Leesment, Heikki 9
Dedjulin, V. 6	Lepasaar, Ellen 6, 20, 25
Galvjalo, M. 6, 46	Levitin, A. 16
Gelman, K. 56	Linkberg, Artur 22
Golikov, J. 6	Linnu, S. 23
Grant, Franz 10, 12	Lõhmus, Astrid 26, 27, 28
	Lõvi-Kalnin, Maie 6, 20, 25
	Läll, Loori 28
Haldre, Jüri 12	Madisson, Hans 10
Hannibal, Johannes 17	Masing, Ernst 15
Hiie, Valter 16, 20, 22, 23, 25–28,
34	Meerits, Artur 10
Hion, Viktor 14, 16, 17, 34	Mikirtitsan, G. 6
	Moks, Heinrich-Rudolf 23, 25,
27, 28
Jeirus, Itta 26	Murašev, Eugen 36
Järve, Helle 28	Mägi, Hjalmar 36
Jürgens, Bernhard 15	Mägi-Tutt, Ingrid 28
	Müller-Valdes, Aino 27
Kalnin, Viktor 6, 19, 31, 38	Niiler, Herbert 12
Kant, Edgar 32	
Karu, Elmar 31	Oja, Ludvig 28
Kask, Mihkel 10–12	Ovsyannikov, T. 56
Keller 20, 21	
Kingisepp, Georg 13	Paomees, Artur 10
Kipper, Aksel 17	Parin, Vassili 34
Kliimann, Artur 9	Parts, Henn 16
Kongo, Erich 32	Parvei-Torgus, Silvia 27
Konno, Maja 28	Pavlov, I. 56
Korol, Valter 28	Paškov, Vladimir 16
Kotšergin, Ivan 34	Pedajas, Elmar 16

Popov, Nikolai 34
Poska-Teiss, Liidia 23
Prikso, Voldemar 31
Prozorovski, Viktor 35
Puksoo, Friedrich 15
Pupkevitš-Diamant, J. 6
Puusepp, Ludvig 17
Päll, E. 17

Raisski, Mihhail 35
Rammul, Aleksander 15
Raudsepp, J. 14
Rebane, E. 32
Rooks, Gerhard 9-16, 31-38
Rooks, Herta 31
Rufanov, Ivan 34
Rägo, R. 34
Rüütli, Velda 23, 25, 27, 28

Saarepera, Julia 20
Schlossmann, Karl 11, 16
Seidlitz, C. 6
Sepp, Albert 16
Sibul, Ilo 11
Stamm, Johannes 15

Šabanov, Aleksandr 6, 34

Zavjalov, V. 6
Zimmer, E. 56

Tare, Endel 10
Tiitso, Maks 13, 16, 32, 33
Tjulpin, F. 6
Tomingas, Alma 16, 34
Tšervakov, V. 34

Uudelt, Jaan 15

Vadi, Voldemar 12, 16, 34
Valdes, Albert 11, 16, 34
Vassiljev, K.G. 6
Vassiljev, K.K. 6
Veerma, Georg 23, 25, 26, 27, 28
Veiderpass, Nikolai 13
Vilms, J. 34
Vladimirov, A. 56
Volmer, M. 10
Volter, Arved-Armin 28

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдергальден Э. 78
 Акимов В.И. 52
 Александр I 85
 Александр III 50
 Алликметс Л. 54
 Аничков С.В. 54
 Анреп В. 50
 Афанасьев М. 50
- Бабкин Б.П. 74
 Баранников И.А. 61
 Бергман Э. 102
 Бериташвили И.С. 75
 Бернштейн Н.О. 74
 Бетховен 86
 Богданов А.В. 69
 Боткин С.П. 82 97
 Булыгинский А.Д. 72
 Быстров Н. И. 57
 Бэр К.М. 85, 88, 99
 Бэтхер Я.-Э.-А. 8, 81, 82, 83, 84
- Вальтер П.А. 69
 Васильев К.Г. 7, 72
 Васильев К.К. 7, 68, 72
 Васильев 100
 Васюточкин В.М. 44
 Введенский Н.Е. 75
 Вейль А. 99, 100
 Вериго Б.Ф. 74
 Вернадский В.И. 44
 Видеманн Ф. 102
 Виле Я.В. 98
 Виноградов А.П. 44
 Вирхов Р. 69, 82, 83
 Висковатый П. А. 103, 104
 Витт 96, 97
 Владимиров А.А. 48, 50, 51, 52
 Владимиров Г.Е. 42-45
 Воейков А. 86
 Воейкова А. А. 94, 103
- Воронцов Д.С. 75
 Вульфсон С.Г. 54
- Гавриленко И.С. 45
 Галвяло М. Я. 7, 39, 40, 42, 43, 44, 45
 Гартох О.О. 52
 Гедон Е. 78
 Гейман Н.М. 54
 Гельман К. 48, 49, 50, 52
 Гермидер Я.Е. 76
 Голиков Ю. 7, 47
 Грамматикати И.Н. 61
 Грубер В. Л. 83
- Даль В.И. 88, 96, 102
 Дамаскин Н.И. 54
 Данилевский А.Я. 39, 40, 42, 45
 Дарвин Ч. 102
 Дегио К.К. 62
 Дедюлин Владимир Иванович 7, 39
 Дедюлин И.М. 43, 44
 Дерябин В.С. 54
 Догель А.С. 42
 Драгинский С.И. 52
- Елагина А.П. 90, 93
- Жуковский В.А. 85, 86, 90, 94, 101, 103, 104
 Жуковский В.П. 7, 57-65, 90, 94
- Заболотный Д.К. 52
 Завьялов В.В. 7, 72-79
 Загорский А.П. 53
 Здекауэр Н.Ф. 94, 98-101
 Зейдлиц Г. 98, 103
 Зейдлиц К.К. 8, 85, 86, 88, 90, 93, 94, 96-103

Земмер Э.М. 48, 50, 51
Зенф 103

Иванов Е.Э. 61
Ильин М.Д. 40, 42
Иноземцев Ф.И. 88

Калк Луиза-Хелена 85
Калнин В. 7, 68, 72, 94
Керстен В.Н. 54
Кириков Н.Н. 100
Клинггер Ф.М. 85
Коркунов А.П. 61
Красовский А.Я. 60
Кревер А.Р. 54
Креслинг К.И. 50
Крылов В.А. 54
Крылов Д.Д. 79
Курлов М.Г. 61
Курчинский В.П. 73
Куценко А.И. 100
Кыдар А. 7
Кюве Ж. 85

Лавров Д.М. 68
Лазинек Р. 94
Левашов С.В. 69
Леви А. 78
Лейден Э. 69
Лепасаар Э. 7
Лондон Е.С. 42
Льви-Калнин М. 7
Лёб Дж. 78

Максимович-Амбодик Н.М. 58
Маньковский А.Ф. 79
Мартинсон Э. 54
Матвеев В.Л. 52
Медведев А.К. 74 78
Микиртичан Г. 8, 57
Мойер Е.И. 93, 101
Мойер И.Ф. 86, 88, 90, 93, 100
Мойер М. А. 90, 93, 103
Мороховец Л.З. 72

Нечаев 99
Нихлеу Т.Н. 102

Овсянников Ф.В. 53
Ольденбургский А.П. 48-50
Опшель В.В. 42-44
Орбели Л.А. 54
Орлов А.Ф. 97

Паррот Георг-Фридрих 85
Павлов И.П. 50, 53, 76
Пастер Л. 47
Пель А.В. 39, 50
Петерсон 97
Пирогов Н. И. 69, 77, 85, 86,
88, 93, 100-102
Пономарев М.Д. 58, 59
Попов В.Н. 72, 73
Попов Н.М. 78
Протасова Е.А. 86, 90, 93, 100
Пупкевич-Диамант Я.С. 8, 85
Пушкин А.С. 86

Райко З.А. 43, 44
Раухфус К.А. 60, 62, 64
Рейтерн 103
Ромберг М.-Г. 94
Ру Э. 47
Русев Э. 102
Руст Й.-Н. 88

Савельев Н.А. 68, 69
Салазкин С.С. 54
Самойлов А.Ф. 53, 54
Сапиро П.А. 74
Сеченов И.М. 54, 74, 82
Скарпа А. 88
Соловейчик Д.Е. 54
Сперанский Г.Н. 60
Сюдикас В.П. 40

Тареев Е. М. 100
Тимашев С.М. 61
Толвинский Н.К. 74
Том Р. 51

Троицкий И.В. 61
Трофимов М. 39
Тюльпин Ф.П. 68
Тюльпин Ф.Т. 7, 68, 69

Фарбер В.Б. 99
Филиппов Н.Н. 61

Ханов С.Ф. 97
Хадасевич 97
Хеймбюргер Р. 102
Хотовицкий С.Ф. 58

Цунтц Н. 78

Чаруковский П. И. 94
Чернов В.Е. 63
Чистович Н.Я. 99

Шабунин А.В. 8, 81
Шапшал И.Ф. 79
Шеллинг 99
Шмейль О. 78
Шмигельский М.Е. 100
Шмидт А.А. 42, 44
Шопенгауер А. 103
Шперк Э. 50

Эверс Г. 90
Эрдман И. 94

Эшерих Т. 69

Якубович Н.М. 53
Янишевский А.Э. 79
Ярославцев А.Л. 44

фон-Вельтциен Мария 98

160

TARTU ÜLIKOOL LÄBI KOLME OKUPATSIOONI.

Tartu ülikooli ajaloo küsimusi XXVI.

(TÜ ajaloo muuseumi materjalid).

Eesti ja vene keeles.

Resümeeid inglise keeles.

Tartu Ülikool.

EV, 202 400 Tartu, Ülikooli, 18.

Vastutav toimetaja V. Kalnin.

Korrektor L. Jago.

7,18. 7,0. 200. T. 543.

TÜ trükituba. EV, 202 400, Tartu, Tiigi, 78.